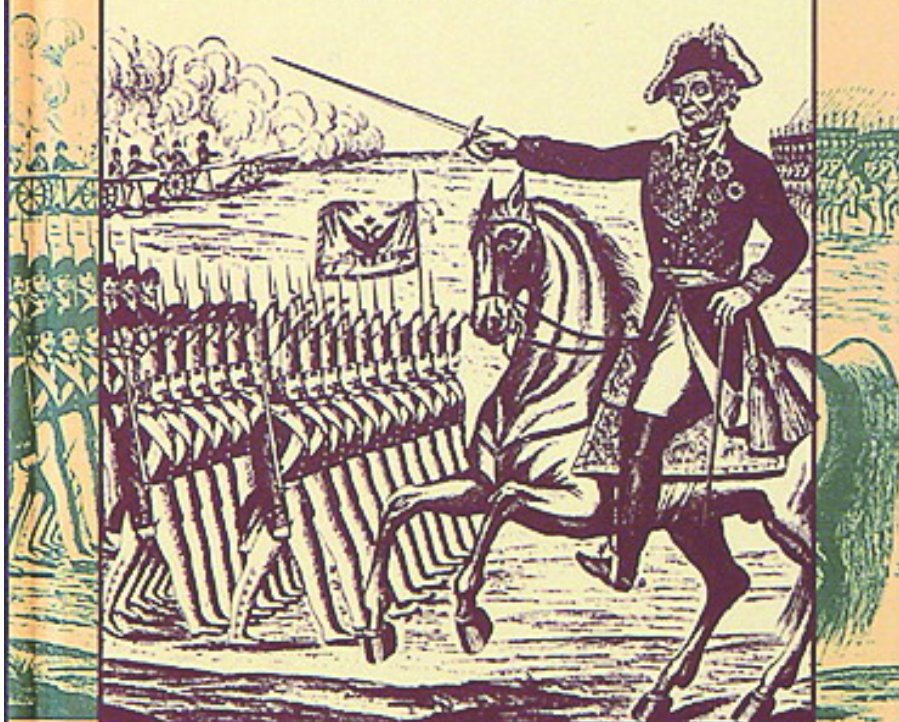

СТРАТЕГИЯ ДУХА

*Основы воспитания войск
по взглядам А.В.Суворова
и М.И.Драгомирова*

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

СТРАТЕГИЯ ДУХА

*Основы воспитания войск
по взглядам
А.В. Суворова и М.И. Драгомирова*

Москва
Русский путь
2000

ББК 68.49(2)
С 83

Книга подготовлена в Военном университете по заказу
Главного управления воспитательной работы
Вооруженных Сил Российской Федерации

Составители:
А.Е. Савинкин, И.В. Домнин

При участии:
В.Н. Иванова, С.Н. Климова, В.В. Марущенко, Ю.Т. Белова

Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. – М.: Русский путь, 2000. – 184 с. – (Российский военный сборник).
ISBN 5–85887–084–8

Настоящее издание приурочено к 270-летию со дня рождения и 200-летию со дня кончины генералиссимуса Александра Васильевича Суворова-Рымникского (13/24 ноября 1730 — 6/18 мая 1800) и 170-летию со дня рождения генерала Михаила Ивановича Драгомирова (8/20 ноября 1830 — 15/28 октября 1905). Книга — своего рода военный катехизис, «вероучение», в котором утверждаются главные ценности российской армии: победоносность, национальный характер военного искусства, сила духа, честь офицера, высокие нравственные качества воинов, уникальная система воспитания войск и другие.

ББК 68.49(2)

ISBN 5–85887–084–8

© Русский путь, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

УРОК ДУХОВНОСТИ

Предисловие В.М. Азарова 5

РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПОБЕДОНОСЕЦ

Заветы и воинские правила А.В. Суворова 6

НАСЛЕДНИК ВЕЛИКОЙ СЛАВЫ

Военные императивы М.И. Драгомирова 15

СУВОРОВСКАЯ «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»

С пояснениями М. И. Драгомирова 21

Вахт-парад (ученье разводное или перед разводом). – Словесное поученье солдатам о знании, для них необходимом. – Три воинские искусства. – Инструкция и приказы Суворова по обучению австрийской армии (1798–1799 гг.).

СВЯТЫНЯ ЧЕСТИ 33

А.Суворов: «Верность и ревность моя к Высочайшей службе основана на моей чести». – М.Драгомиров: «Только честный человек достоин быть солдатом». – «Я, русский офицер, честь имею!» – **Кодекс чести российского офицера (реконструкция традиции).**

ДУХОВНЫЕ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА

Словарь 48

Бесстрашие. – Безлукавие. – Бескорыстие. – Благоразумие. – Благородство. – Благочестие. – Бодрость. – Великодушие. – Вера (верность). – Воинственность. – Воля. – Выносливость. – Героизм. – Гордость. – Гуманность (человеколюбие). – Дисциплина. – Доблесть. – Добродетель. – Добросовестность. – Долг воинский. – Достоинство. – Дух воинский. – Духовность. – Душа. – Идеализм (идейность). – Инициатива (частный почин). – Интуиция. – Искренность. – Искусство военное. – Исполнительность. – Культурность (интеллигентность). – Красноречие. – Любовь к военному делу. – Мудрость. – Мужество. – Настойчивость. – Находчивость. – Неутомимость. – Нравственность. – Осторожность. – Отвага (отважность). – Ответственность. – Память. – Патриотизм (отечественность). – Победоносность. – Повиновение. – Подвижничество. – Понимание. – Порядочность. – Правдивость. – Профессионализм. – Прозорливость. – Преданность. – Преемственность. – Призвание. – Прямотушие. – Рассуждение (рассудительность). – Решительность. – Рыцарство (рыцарственность). – Самодеятельность. – Самолюбие. – Самоотверженность. – Сила. – Славолюбие. – Служение. – Смелость. – Совершенство (отличность). – Совесть (совестливость). – Сознательность. – Справедливость. – Стойкость. – Счастье. – Товарищество (братство, корпорация). – Традиции. – Трудолюбие. – Ум (разум). – Храбрость. – Характер. – Честь. – Честолюбие. – Честность (правдивость). – Чистосердечность. – Энергия (энергичность).

А.В. Суворов о духовных качествах военного человека.

ПРИЛОЖЕНИЕ 60

Краткие сведения о русских военных мыслителях, представленных в словаре «Духовные качества российского воинства». – Словарь устаревших и иностранных терминов. – Литература.

Предисловие

Урок духовности

Возрождение духовных ценностей российского воинства, культивирование боевых традиций служения Родине являются сегодня важнейшими направлениями оборонной политики Российской Федерации. События на Северном Кавказе, вооруженные конфликты в других регионах мира в очередной раз высветили особую значимость духовного фактора в военном противоборстве, необходимость информационно-воспитательной работы и морально-психологического обеспечения деятельности войск.

Российская вооруженная сила традиционно была сильна духом, искусством командования, высокими нравственными и боевыми качествами личного состава, постоянным поддержанием в его среде священного пламени патриотизма, долга и чести. «Наш солдат,— отмечает Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путин, — добывает победы не только оружием, но и духом, и волей своей. Они тверже металла, они помогают выходить из любых испытаний, сохраняя совесть и честь, сохраняя гордость за наше прошлое и настоящее, за национальное достоинство державы. Так было, так есть и так будет».

Нельзя забывать, что душа армии выковывается веками, преемственными усилиями многих поколений ратных людей, постоянным поддержанием духовной связи со славным прошлым Отечества. Мы не можем, не имеем права отказываться от великих дел и заветных мыслей Петра I, Румянцева, Суворова, Скобелева, Драгомирова, Свечина, других знаменитых русских полководцев и авторитетных умов. Это — нетленный капитал, неиссякаемый источник воодушевления, основа основ воспитания, залог успешной военной реформы и устойчивого развития Вооруженных Сил. Это — наша «стратегия духа».

Имена Александра Васильевича Суворова и Михаила Ивановича Драгомирова особенно дороги российским офицерам. Суворовская военно-воспитательная система, основанная на вере солдата не только в Бога, но и в свои собственные силы, в силу русского оружия, принесла России победы и немеркнущую славу. Возрождение Драгомировым суворовских идей и заветов, его попытка вывести воспитание на первое место в «святом деле» подготовки войск — незабываемая заслуга этого военачальника, крупнейшего военного педагога.

Ничто так не угнетает дух, как неудачи и поражения. Они губительны не только для Армии, но и для всей России. Нужны успех, одоление, решительное движение вперед. Суворов — «Российской Армии Победоносец» — как никто иной понимал эту великую истину, блистательно воплощал ее в жизнь на полях сражений. Потому-то его знаменитая «Наука побеждать» актуальна и в настоящее время. Как творение великого духа она воспитывала, воспитывает и будет воспитывать все новые и новые когорты российских «чудо-богатырей».

В.М. АЗАРОВ

РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПОБЕДОНОСЕЦ

Заветы и воинские правила А.В. Суворова

На первое место необходимо выдвинуть два главнейших достижения русского военного искусства XVIII века: создание Петром Великим регулярной армии, а Суворовым — его военно-воспитательной системы.

Б. Штейфон

Возрождение поучений Суворова не означает, что офицер должен возвратиться к духу XVIII века, — оно лишь означает, что Суворов на два столетия опередил свой век.

Е. Месснер

Александр Васильевич Суворов (13/24 ноября 1730 – 6/18 мая 1800) — князь Италийский, граф Рымникский, генералиссимус Российских сухопутных и морских войск, фельдмаршал Австрийских и Сардинских войск, Сардинского королевства гранд, принц королевского дома, кавалер всех высших российских и многих иностранных орденов, удостоенный и других знаков отличия и почетных наград; непревзойденный военный гений России, великий русский «солдат-полководец», отличнейший и образцовый офицер, оригинальный человек и не менее оригинальный воин.

Действительную военную службу, которая длилась более 50 лет, Суворов начал капралом в Семенов-ском гвардейском полку 25 апреля 1747 г. В первый офицерский чин произведен только в 1754 г. (поручик в Ингерманландском пехотном полку). Участвовал в Семилетней войне (1756–1763 гг.), отличился в знаменитом сражении при Кунерсдорфе (1759 г.) и при взятии Берлина русскими войсками (1760 г.). В боевых действиях проявил себя смелым и искусным командиром кавалерийских летучих отрядов.

В 1762 г. произведен в полковники; командовал Астраханским, а затем и Суздальским пехотными полками, создав в этот период знаменитое «Полковое (Суздальское) учреждение». В войне России с польскими конфедератами (1768–1772 гг.), будучи командующим войсками Люблинского боевого района, разработал и воплотил в жизнь уникальную систему успешных действий регулярных войск против «мятежнических партий», одержал победы в сражениях под Ореховом, Ландскроной, Столовичами, овладел Краковским замком. 1 января 1770 г. произведен в генерал-майоры.

На заключительной стадии Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. действовал в составе армии фельдмаршала П.А. Румянцева, совершил успешные поиски на Туртукай, нанес поражения неприятелю при Гирсово и Козлудже. Произведен в генерал-поручики. С 1775 по 1787 г. командовал Первой дивизией, возглавлял русские войска в Крыму и на Кубани; в Астрахани готовил поход на Персию. Затем последовательно командовал Кубанским корпусом, Владимирской, Петербургской и Кременчугской дивизиями.

В Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. одержал блистательные победы в сражениях под Кинбурном, при Фокшанах и Рымнике. 11 декабря 1790 г. искусно подготовленным штурмом взял неприступную крепость Измаил. В 1791–1794 гг. занимался строительством крепостей на севере и на юге России. В 1794 г. добился перевода на польский театр военных действий, где 40-дневной победоносной кампанией завершил войну России с Польшей (1792–1794 гг.), одержав по пути движения на Варшаву ряд скорых и поучительных побед при Дивине, Кобрине, Крупчицах, Бресте, Кобылке. Кровавый и беспримерный трехчасовой штурм Праги (предместье Варшавы) обеспечил бескровное занятие и самой столицы польского государства, окончание войны. За блестящее решение этой задачи произведен в генерал-фельдмаршалы. Впоследствии командовал войсками в Польше, инспектировал укрепления в Финляндии, находился во главе русской армии в Новороссии.

С начала 1797 г. Суворов — в опале. Уволен Павлом I без права ношения мундира и сослан под надзор полиции в с. Кончанское Новгородской губернии (за несогласие с новыми — «прусскими» — военными порядками и за позицию: «так как войны нет, мне делать нечего»). По настоятельному желанию венского двора 9 февраля 1799 г. Суворов вновь зачислен в прежнем звании на службу, чтобы во главе австрийских и русских войск освободить Италию от «безбожных французов». Задача эта была решена 69-летним полководцем в течение четырех месяцев! Действуя по своей системе (в духе «Науки побеждать»), он в упорных боях одержал

победы над лучшими в то время французскими войсками на реках Адде, Тидоне, Треббии, при Нови, занял крепости Брешию и Мантую, собирался идти на Париж. Но вместо этого, из-за предательства и недальновидности австрийского кабинета, ему пришлось с боями, вновь победоносными и беспримерными, совершать переход через Альпы, пробиваться через перевал Сен-Готард и Чертов мост в Швейцарию, спасая честь России и увековечивая славу русского оружия. Итальянский и Швейцарский походы Суворова отмечены пожалованием ему достоинства князя Российской империи с титулом Итальянского, звания генералиссимуса Российских войск.

Суворов был настоящим «полевым», не кабинетным, генералом, всегда стремился туда, «где будет построена и поотличнее война». За свою долголетнюю службу он встречался на полях сражений с различным противником — пруссаками, поляками, турками, ногайцами, черкесами, французами. Провел всю свою сознательную жизнь в походах и боях. В делах против неприятеля принимал участие не менее двухсот раз, одержал свыше 60 побед в сражениях и боях, причем почти все они, за исключением двух (на р. Адде и у Нови), достигнуты «не числом, а умением», «с малым уроном», буквально вырваны у превосходящего по численности противника. Следует подчеркнуть, что Суворов не только «угомонял буйных врагов Отечества», но и побеждал природу, обстоятельства, интриги, действуя в соответствии со своим кредо: честно, смело, наступательно!

По образному выражению Екатерины II, Суворов один заменял целую армию (императрица в 1794 году посылала усмирять Польшу «две армии»: войска и Суворова). Отправляя Суворова на очередной театр военных действий, П.А. Румянцева-Задунайский подчеркивал: «Ваше имя одно, в предварительное обещание о Вашем походе, подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи».

Не только при жизни, но и после смерти Суворов по-прежнему остается непобедимым и незабвенным. Обаяние личности и сила духа сохранили его имя в вечности:

– Суворов до сих пор числится в рядах Российской армии (приказ об исключении его из списков генералов русской армии так и не был отдан; через сто лет факт этот был замечен, но сознательно оставлен без последствий);

– с середины XIX века высочайше велено в церквях на молебствии за победы провозглашать Суворова «Российской Армии Победоносцем» (о таком «титуле» можно только мечтать);

– за последние 200 лет имя Суворова превратилось в символ непобедимости Российской армии: многочисленные неудачи и военные поражения заставили обратить внимание на суворовскую военную школу, победоносную в своих основаниях; в сложнейший период 1806–1812 гг., например, суворовская «Наука побеждать», подготовленная для публикации с этим названием отставным майором М. Антоновским, переиздавалась девять раз; интерес к суворовскому наследию естественно возник и после неудач первого периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — следствием этого явились многочисленные публикации «Науки побеждать», приказов и писем Суворова, основных сохранившихся его первоисточников;

– не для одного уже поколения российских офицеров Суворов был и остается «чистейшим типом русского военного человека», «бессмертным идеалом военачальника, которого Россия не в состоянии забыть никогда» (как и поучительную его школу); образцовым, незабвенным идеалом неизменно является суворовская армия: крепкая духом, постоянно готовая к бою, воспитанная, обученная... и в этом смысле профессиональная;

– сама история подтвердила жизненность и верность (именно на российской почве) основных положений суворовской военной системы, ее основополагающее (заветное) значение для Российской армии, вечный и бессмертный характер главных заповедей, жизненных установок и воинских правил великого полководца, превратила его в военного классика, выдвинула на роль духовного вождя российского воинства.

От разрушительных гатчинских порядков Павла I и его преемников идет забвение принципов и правил победительного суворовского военного искусства, удержание их в состоянии мертвого капитала, более чем столетние «нерусские преобразования» военной системы России (по сути — ее «военная расстройка») по «вшивым» иностранным образцам и проектам «временщиков» (для которых «Россия — хоть трава не расти»), превращение в норму затяжных и оборонительных войн, применение стратегии «измора» как якобы единственно доступного для Российского государства способа вооруженной борьбы, культ анациональной, «материально-рационалистической», механической (антисуворовской) системы обучения и воспитания войск. Во многом отсюда — Аустерлицкий погром, нашествие Наполеона в Россию (и вообще длительные наполеоновские войны), поражение в Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-японской (1904–1905 гг.) войнах, государственные катастрофы XX века, моря русской крови в мировых войнах, небывалое истощение ресурсов, снижение способности вооруженной силы надежно

защищать Отечество, государственную и территориальную целостность, честь и достоинство России.

Не только в связи с юбилеями или тяжелыми военными испытаниями, но и из-за объективной необходимости выживания, пора в очередной раз вспомнить о «заветной мечте»: обратиться к суворовским началам организации и применения российской военной мощи, вернуть его Личности утраченное обаяние, восстановить (навечно!) его духовную связь с Российской армией, вновь обучать и воспитывать войска в суворовском духе с пользой для России, во имя ее чести и славы. Следует, как и 200 лет назад, вновь «торопиться делать добро», работать «на общее благо», желая «зла и опасности для России предотвратить», вспомнить главный завет Суворова:

Потомство мое, прошу брать пример: всякое дело начинать с благословением Божиим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель, которые суть моим символом... Я проливал кровь ручьями... Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным.

Бог, Отечество, Честь, Слава, Победа — путеводные звезды Суворова. Смысл жизни (главный жизненный принцип) военного человека, каковым он себя считал, источник силы духа виделись ему только в «отечественности», т.е. в честном, добросовестном служении Родине (благу Отечества). Ради этого он готов был «ударить на ад» (как под Кинбурном), пожертвовать своею жизнью («смерть моя для Отечества»), не допустить ни при каких обстоятельствах бесчестия (поражения, неудач, плена и т.д.).

Господь Покровитель бдит над Россией... Мы русские, с нами Бог... Я не наемник, а русский... Горжусь, что я россиянин... Честь моя мне всего дороже, покровитель ей Бог... Господь дарует мне жизнь для блага Государства... Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славе Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей... Никогда против Отечества... Не буду сообщник вреду... Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно.

Суворов гениально предвидел, что от характера военного развития России, от крепости и качества российской вооруженной силы, воспитанности и обученности армии, искоренения в ней невежества («немогузнайства») — самого опасного, по мнению полководца, зла, — от морального духа войск и достоинств личного состава зависела и будет зависеть судьба Отечества. Свою офицерскую патриотическую тревогу он выразил кратко и ясно: «Моя система, иначе или 30-летняя война, или Компоформидо*, хуже ее, с юным Бонапартом». Главным военным стержнем суворовской системы являлся принцип активных наступательных действий («образ наступательный», «смелая наступательная тактика») как единственно ведущий к скорым и быстрым победам, не изнуряющий, но укрепляющий дух войск необычайно, превращающий храброго и стойкого русского воина в «витязя», «чудо-богатыря», существенно уменьшающий кровопролитие за счет решительного, упреждающего и искусного воевания.

Миролюбивые фельдмаршалы при начале польской кампании провели все время в заготовлении магазинов. Их план был сражаться три года с возмущившимся народом. Какое кровопролитие! И кто мог поручиться за будущее! Я пришел и победил. Одним ударом приобрел я мир и положил конец кровопролитию... [Своевременно] принята за корень, бить французов... От них [война] родитца... Не лучше ли одна кампания вместо десяти? Или не лучше ли иметь цель направить со временем путь на Париж, нежели остроумно преграждать дорогу к своим вратам?

Отказавшись от пассивных, затяжных, «бездуховных» форм вооруженной борьбы, выдвинув задолго до Наполеона принцип сокрушения противника в бою с опорой на нравственные силы бойца, Суворов, как он писал сам о себе в третьем лице, «опроверг теории нынешнего века, преимущественно в недавнее время, победами в Польше и Италии. Итак, правила [военного] искусства принадлежат ему». Суть этих воинских правил, как и тайну его великих побед, отражают следующие мысли полководца.

Законы «победотворчества»

Всякая война различна. Здесь масса в одном месте, а там гром. Бесперывное изучение взгляда делает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть не можно. Умей пользоваться местностью, управляя счастьем: мгновение дает победу. Властуй счастьем быстротою Цезаря, столь хорошо умевшего внезапно

* В Компо-Формидо австрийцы вынуждены были в 1797 г. подписать первый унижительный мирный договор с Францией. Суворов предлагал «предварить зло», т.е. разгромить Бонапарта в 1796 г. (планировалась специальная «французская экспедиция»), а затем и в 1799–1800 гг. Замыслы эти, по независящим от Суворова причинам, так и не удалось осуществить. В результате, наполеоновские войны длились 15 последующих лет, стоили народам Европы 5 млн. жертв, из которых значительная часть выпала на россиян.

захватывать врагов даже днем, обращать их, куда ему угодно, и побеждать, когда угодно. Приучайся к неутомимой деятельности. Будь терпелив в военных трудах и не унывай при неудаче. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную; умеи предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные, но не увлекайся местною горячностью.

* * *

В мире готовься к войне, а в войне — к миру... Будучи хорошо снабженными и хорошо приготовленными не только для обороны, но и для наступательных действий, нам нечего опасатца проектов [наших соседей]. Но предусмотрительность требует от нас этих мероприятий. Впрочем, мы должны следовать великому принципу, которому следовали все полководцы от Александра до наших дней: никогда не надо слишком удалятца от своих ресурсов.

* * *

Политика справедливая, бескорыстная, честная. Только таким путем можно всего добитца.

* * *

Править в поле мгновенно переменяющимися обстоятельствами; завоеватель не может быть и командующим без своих политических правил.

* * *

Всякое продолжение войны, особливо победы, просвещают побежденных. (Консулы старались окончить войну в их год, а было худо, то древние римляне оружие не слагали.)

* * *

На войне деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего... Юлий Цезарь побеждал поспешностью.

* * *

Бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого; дерись зло, дерись до смерти; побеждает тот, кто меньше себя жалеет, победа — враг войны... Пусть бог войны нам дарует скорую победу.

* * *

Ничего, кроме наступательного. Замедление, ложная осторожность и зависть суть головы Медузы, окаменяющие войну и политику.

* * *

Никакое препятствие не считать слишком большим, никакое сопротивление — слишком значительным... Ничто не должно устрашать нас, и мы должны быть убеждены в том, что только решительность и стремительный натиск могут решить дело.

* * *

Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не сходитьсь робко, пробираясь окольными дорогами, через что самое атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением.

* * *

Я не любитель соперничества, демонстраций, контр-маршей; вместо этих ребячеств глазомер, быстрота, натиск — вот мои руководители.

* * *

Вот моя тактика: отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение. Все кампании различны между собой... Численность войск должна постоянно проверятца.

* * *

Строго соблюдайте правила нанесения мощных ударов по [неприятельским] войскам, чтобы ослабить их, насколько возможно, и не бросайтесь на столицу с риском, как это сделал Юлий Цезарь при Алезии; различные бои могут у вас отнять много времени, но оно не будет потеряно даром.

* * *

Одно звание обороны уже доказывает слабость, следовательно, и наводит робость... Оборонительная война не хороша, наступательная лучше. Французы на ногах, а вы на боку, они бьют, а вы заряжаете.

* * *

Расчет времени есть главное правило ведения войны: если не хватит времени для выполнения, нужно план отложить на последующее.

* * *

Присутствие опытного и дельного полководца стоит более целой армии.

* * *

Полная власть командующему... Два хозяина в одном доме быть не могут.

* * *

Регулярство с присутствием духа имеет поверхность над бунтством нерегулярным.

* * *

Избрать правила успеха, как за благо рассудить изволите; решительность есть наилучшее.

* * *

Воюют не числом, а уменьем!!! Где меньше войска, там больше храбрых... В бою надо стремитца к единой главной точке и забывать о ретираде. Быстрота и внезапность заменяют число. Натиски и удары решают битву... Удивить — значит победить!

* * *

Незнатные набеги презирать; ежели вредны земле, на то репрессалии. Самим таковых иррупциев не чинить, они опасны. Лучше усыплять, нежели тревожить, и делать большой удар. Малая война обоюднo равно не полезна, изнуряет войско.

* * *

Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действовать им и сражатца, его силы и слабости.

* * *

В случае возникновения препятствий, нельзя много отвлекатца ими, время дороже всего — нужно уметь беречь его; часто наши предыдущие победы оставались безрезультатными из-за недостатка людей. Самым ложным правилом являетца убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремитца к более крупным успехам.

* * *

Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Преследуй денно и ночью, пока истреблен не будет... Недорубленный лес вновь вырастет. Коли быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом... Победа все покрывает.

* * *

Неприятелю времени давать не должно, пользуетца сколько можно его ошибкой и брать его всегда смело с слабой стороны, но надлежит, чтобы войска предводителя своего разумели.

* * *

В военных действиях следует быстро сообразить и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомнитца. Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, стремительность — этого будет довольно.

* * *

Проигранное сражение — это такое, которое считают проигранным.

* * *

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство.

* * *

Кто отважен и смело идет прямо на неприятеля, тот одержал уже половину победы.

* * *

Все определяет глазомер, дополняет быстрота, кончит натиск.

* * *

Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие!

* * *

Быстрота марша — первое искусство. Быстрота — величайшее достоинство, медлительность — грех, непростительный за вредные последствия.

* * *

Где пройдет олень, там пройдет солдат, где пройдет солдат, там пройдет целое войско.

* * *

Щастье, говорит Римский Император, ослиная в армии голова говорила: мне — слепое щастье... Один раз щастье, другой раз щастье. Помилуй Бог, когда-нибудь да и уменье...

* * *

Военные обстоятельства мгновенно переменяютца, посему для них нет никогда верного плана... Я, как Цезарь, никогда не делаю планов частных, гляжу на предметы в целом.

* * *

Местный в его близости по обстоятельствам лутче судит, нежели отдаленной; он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам.

* * *

Подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости господ командующих.

* * *

Преждевременные, неверные донесения утомляют только войска бесполезными движениями, чего избегать всячески, дабы впредь не подвергнутца ответственности. Гг. генералы должны предписать офицерам, чтоб они свои донесения составляли обстоятельнее, а не основываясь на пустых слухах, приходили в замешательство.

* * *

Для общего нападения считаю нужным напоминать о необходимой во всех случаях предосторожности, держать по возможности все силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением их и добровольным ослаблением не сделать самую атаку безуспешною... Желал бы я также, чтобы все вообще войска в свободные дни, остающиеся до общей атаки, упражнялись чаще в действиях холодным оружием, т.е. штыками и саблями в три линии; этому способу действия мы исключительно обязаны столь многими и притом мало стоившими нам победами.

* * *

Никогда не распылять силы для охранения разных пунктов. Если неприятель их обошел, тем лучше: он приближаецца для того, чтобы быть битым.

* * *

Атаковать и бить противника в поле... Не терять времени в осадах.

* * *

Надо хорошо экзерцировать войска, иначе риск — неминуем. Никогда не отступать, лучшее войско всегда в движении.

* * *

Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня.

* * *

Шаг назад — смерть! Вперед два, три, десять шагов — позволяю... «Вперед» — мое любимое правило, но я и назад оглядываюсь, но не для того, чтобы бежать, а чтобы напасть.

* * *

На неприятеля начинать атаку с слабой его стороны... Каре действует наступательно, как бы трудно местоположение ни было, хотя бы был почти и самый ретраншамент; а оборонительно — по нетвердости и неprisутствию духа начальствующего; понеже начальник карея, вступая с неприятелем в дело, соблюдая главные правила и цель данной диспозиции в переменных, но для единые победы, обстоятельствах, должен только быть вспомогаем своею твердостью, храбростью и расторопностью, но уже далее о поведении командующему корпусом докладыватца должен и своим проницательным оком долгомудро всюду учреждает и способен.

«Смелая наступательная тактика»

Надо атаковать!!! Холодное оружие, штыки, сабли! Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека... Атакуя, внушаешь страх. Не надо патрулей, берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам, не отставать друг от друга.

* * *

Наступление, ярость, ужас! Изгнать слово ретирада. На что колоть тупым концом вместо острого? Лучше смерть, нежели дефенсив.

* * *

Пехотные огни открывают победу, штык скалывает буйно пролезших в кареи, сабля и дротик — победу и погоню до конца совершают.

* * *

Идти на прорыв, выигрывая прежней хребет горы, нимало не останавливаясь, голова хвоста не ожидает, оной всегда в свое время поспеет, как прежний благополучный опыт доказал. Командиры частей колонны или разделений ни о чемне докладывают, но действуют сами собою с поспешностию и благоразумием... Атаковать быстро и мужественно, разбить...

* * *

Сбить неприятеля с места и томное преследование важного не значат. Это надобно оставить неисккусным, но сильная погоня, не давать время одуматься неприятелю, пользоваться победою, его искоренить, пресекать путь его бега — по корпусам сие легче.

* * *

По военной пословице — сбитого неприятеля гони плетью, но при жестокой погоне нимало не давать времени ему оправлятца и паки выстроитца, тогда был бы опять равной бой.

* * *

Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собою, как и оба кареи.

* * *

Случилось бы, что неприятель среди атак или в погоне оказался с тылу: часть резерва, весь, или усилением от частей второй линии, обращаетца на него, быстро атакует и побеждает, потом паки следует за первую линию; здесь весьма наблюдать сообразие числа силе неприятельской.

* * *

Эволюции должны быть храбры, скоры, без замешательства, предприимчивы и исполнительны.

* * *

Сюрприз — нечаянное нападение — под утро, до рассвета, ночь, а у искусного начальника бывает днем.

* * *

Походный порядок против порядка боевого, дабы тотчас на походе дратца.

* * *

Только холодное оружие решает победу, ибо оно наступательно, тогда как пуля — только для обороны.

* * *

Внушать строжайше, чтобы солдат напрасно пули не терял, а берег бы на три дни, чтоб для случая имел бы две смерти: штык и пуля в дуле... Шаг назад — смерть, всякая стрельба кончатца штыками.

* * *

Но в деле, когда бы до того дошло, то хотя бы весьма скоро заряжать, но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить, в лутчих стрелять, что называетца в утку, и пули напрасно не терять... Что же говоритца по неисккусству подлого и большею частью робкого духа, пуля виноватого найдет, то сие могло быть в нашем прежнем нерегулярстве, когда мы по-татарски сражались куча против кучи... Рассудить можно, что какой неприятель бы то ни был, усмотри хотя самый по виду жестокий, но мало действительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряетца — из робкого становитца смелым и в мгновение ока в опасность вергает.

* * *

Пехоте стрелять реже, но весьма цельно, каждому своего противника... Постыдно нам, что варвары стреляют цельно и пуль своих напрасно не тратят... При всяком случае наивреднее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают.

* * *

Приучите вашу пехоту к быстрому и сильному удару, не теряя огня по-пустому.

* * *

Исправная стрельба в мишень — великой важности: умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патроном.

«Обуздание мятежей»

Какая такая важная диспозиция с бунтовниками? Только поспешность, устремление и обретение их.

* * *

О возмутителях иметь верные известия, при поражении их показывать верное число убитых и показывать о силах мятежничьих, называя имянно их начальников и у кого сколько, не полагаясь нимало на шпионов, а по собственному своему благоразумию и по силе рассуждения.

* * *

Начать вдруг, в один положенный день... Бить прежде сильнейших... [Нападать, гоняться за ними день и ночь, не даватим покоя...] Сей план весь положен на образ наступательный, в рассуждении, что нигде оборонительный против бунтовников, яко пресмыкающихся и насекомых, невозможен. Полагать законом, что надлежит начинать солидным, а кончить блистательным и так еще гораздо лучше сплотитца с бунтовниками, вдруг, во всех местах и почти в одни сутки.

* * *

Обыкновенное же правило по нынешним обстоятельствам detachmentным командирам весьма наблюдать, чтоб показавшуюся в которой стороне возмутительскую знатную партию, тотчас о ее движении сведавши, выступая целым или же знатною частью detachmentа, скорым и сильным ударом поражать, а по поражении, ежели оные частями разбежатца, то и за теми частями посылать благоразумно в погоню сильные партии с искусными начальниками, назначивая им время по рассмотрению и довольно короткое, но и в той погоне оных надлежит атаковать, имея хорошие резервы...

* * *

Первое искусство военачальника есть в том, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию. Нет соляных денег, из чего возмутители будут вербовать чужестранных? И гуляев нечем будет кормить.

* * *

Ни одного поста не должно считать крепостью, нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю; напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери... Укрепленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима, нередко один человек дороже самого поста.

* * *

Спрашиватца старших накрепко запрещаю; но каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар, под взысканием за малую деятельность.

* * *

Главному на посту командиру быть весьма в большой осторожности и неоплошности, наблюдая строгую военную дисциплину... Иметь частые о возмутителях разведывания... Во время бывающих на возмутителей ударений с посту партии делать не в малом числе людей и не далее обыкновенного сутошнова с возвратом перехода, но и то с весьма добрым о неприятельских предприятиях и силах известием, давая о своих намерениях ближайшим постам и сюда знать, дабы иногда в случае сикурсовать можно было.

* * *

От неприятеля быть в надлежащей военной осторожности, паче легким войскам и корволану.

Не только оружием побеждают

С союзными войсками наблюдать ласковость и вежливость, всякое вспоможение и содружество, стараясь по команде своей не выходить из ненадобных для нас обстоятельств и не навесь бы между войск развратов.

* * *

Соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиян и разных званий обывателей, внушая последним, чтоб они, в случае на первоначальных какого малейшего неудовольствия, прежде отзывались эскадронному и ротному начальнику.

* * *

Будучи в пути, иметь крайнюю предосторожность; обывателям обид, разорения не чинить, так и безденежно ничего не брать, опасаясь строгого по силе законов взыскания.

* * *

Стремиться только поражать неприятеля... Весьма щадить жен, детей и обывателей, хотя бы то и турки были, но не вооруженные. Мечети и духовный их чин для взаимного поощрения наших святых храмов.

* * *

На постах и в проходах через деревни и местечки обывателям ни малейших обид не чинить и безденежно ничего не брать.

* * *

В стояниях и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко тотчас на месте.

* * *

В поражениях сдающимся в полон давать пощаду... С покорившимися наблюдать полное человеколюбие.

* * *

Не меньше оружия поражать противника человеколюбием... Не мщением, но великодушием покорена Польша.

* * *

Геройство побеждает храбрость, терпение — скорость, рассудок — ум, труд — лень, история — газеты... Без светильника истории тактика — потемки.

* * *

Если вы хотите истинной славы, следуйте по стопам добродетели... Кто за нею бежит — она бежит от того, а истина благосклонна одному достоинству.

* * *

Надлежит исподволь разогнуться, круто подняться вверх... Изготовься, атакуй честно, разумно, смело! Царь жалует, псарь не жалует! Но ближе абшид, чужая служба, смерть — все равно, только не захребетник... Я ползать не могу, вались хоть Вавилон.

* * *

Генерал должен предвидеть будущее по течению обстоятельств... Нужна непрерывная наука из чтений... [Но] часто розовые каблукы преимуществовать будут над мозгом в голове.

Обучение и порядок воинский

Строгость требует величайшего наблюдения воинских правил... Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято... От послушания родителя попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а сим замыкается весь воинский распорядок.

* * *

Бдение начальника — лучшее спокойствие подчиненных. Прозорливость одного побеждает нечаянности. Субординация или послушание — мать дисциплины или военному искусству.

* * *

Военное обучение должно служить упражнением вышним начальникам над их нижними. Надлежит сие правило строго наблюдать направлением не достигших тонкости одного, холодным духом.

* * *

Сколько то должно, столько для невпадения войска в обленение, производить частые воинские обучения, сущие ныне во употреблении, показывать действия на практике офицерам и рядовым.

* * *

В обучении эзерции и протчего наблюдать, чтоб поступаемо было без жестокости и торопливости, с подробным растолковыванием всех частей особо и показанием одного за другим.

* * *

Легко в ученьи — тяжело в походе, тяжело в ученьи — легко в походе.

* * *

Небрежливый здоровья, субординации, дисциплины и воинского порядка будет лишен команды.

* * *

Всякий офицер и нижний начальник рассудит, когда он свою команду строго, порядочно и исправно во всякой отлучке содержать будет, какую честь и славу особливо себе и вообще полку заслуживает...

* * *

Исправность, бодрость, смелость и поворотливость всем за всеми при всяких случаях наблюдать и с подлыми людьми в сообщении не входить.

* * *

Ротный командир к своим подчиненным имеет истинную любовь, печется об их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем... Знает имянно всех в своей роте нижних чинов, и, будучи сведущ о способностях каждого, исправнейшего от других отличает. Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко-то: склонен к пьянству или иному злему обращению, неприличному честному солдату, то старается одного увещеваниями, потом умеренными наказаниями, от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая одного в отчаяние.

* * *

Караул содержать весьма строго по силе военных правил, артикулов и полкового учреждения и протчих на нем повеления недреманно и осторожно, дабы из добрых солдат не сделать худых и за такую оплошность не подвергнуть себя к раннему взысканию.

* * *

Все, что рядовому на карауле исполнить должно, часто им подтверживать, дабы свою должность не забывали.

* * *

Того служба требует, чтоб всякий воинский чин твердо познал все то, что солдату принадлежит.

* * *

Нижним чинам вино и протчее пить не запрещаетца, однако не на кабаке, где выключая что ссоры и драки бывают и военной человек случаетца в оные быть примешан; по крайней мере через сообщение тамо с подлыми людьми он подлым поступкам, речам и ухватке навькнутъ может и потеряет его от них отменность.

* * *

Рекрут особливо блюсти, исподволь их к службе приучать и сих молодых солдат, взирая на каждого особо, с старыми не равнять, доколе окрепляютца.

* * *

Нужное солдату полезно, а излишнее вводит в роскошь — мать своевольтва!

* * *

Без честолюбия, послушания и благонаравия нет исправного солдата.

* * *

Чтоб каждый был на себя надежен — основание храбрости.

* * *

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От него победа!

НАСЛЕДНИК ВЕЛИКОЙ СЛАВЫ

Военные императивы М.И. Драгомирова

Проповедь решительного превосходства техники и материальных средств на войне в сущности для нас является призывом к капитуляции. Между тем сдается в архив проповедь в защиту духа и против преувеличений значения техники. Трезвая оценка действительности требует выдвижения в порядок дня военного мышления Драгомирова. Драгомиров стремился построить русскую военную доктрину на том прочном фундаменте, который дает русская военная история в лице Суворова. Но русская армия уже забыла и утратила Драгомировское учение. Будущим строителям русской доктрины придется заново повторить и продолжить работу Драгомирова.

А. Свечин

Михаил Иванович Драгомиров (8/20 ноября 1830 — 15/28 октября 1905) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа; известный военный мыслитель и блестящий публицист с синтетическим складом ума. Один из оригинальнейших людей своего времени, фанатично преданный военному делу и заветам А.В. Суворова.

Из потомственных дворян и «отличнейших» офицеров: имя Драгомирова занесено на мраморную доску по окончании учебного курса Дворянского полка — уникального военно-учебного заведения. Императорскую военную академию окончил в 1858 г. с золотой медалью (редкая честь — стать одним из двух золотых медалистов за всю историю академии). Длительное время был профессором тактики, читая курс лекций в академии и обучая наследников императорской семьи. Командовал 14-й пехотной дивизией, с которой принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., получил тяжелое ранение.

С 1878 г. — начальник Николаевской академии Генерального штаба. В 1889 г. назначен командующим войсками Киевского военного округа. В 1901 г. Драгомирову пожалован орден св. Андрея Первозванного. Многократно выезжал в zahraniчные командировки для изучения военного дела вообще и, в частности, для собирания сведений о жизни иностранных армий, их тактике и вооружении.

Военно-литературное наследие Драгомирова включает многочисленные книги, оригинальные и переводные статьи, учебник тактики (многократно переизданный), полевой устав, различные наставления, очерки по истории некоторых войн второй половины XIX века, основательные комментарии к суворовской «Науке побеждать», основным военным идеям великого полководца.

Вместе с Михаилом Ивановичем Драгомировым служили России и его сыновья. Четверо из девяти детей (семь сыновей и две дочери) — Михаил, Владимир, Абрам, Александр — шли по стопам отца, находясь по знаменам Российской армии. Трое из них достигли генеральского звания*.

Суворов — путеводная звезда Михаила Ивановича Драгомирова. К бессмертному суворовскому учению он подошел «не как историк к прошлому, а как практик к вечно живому и настоящему...» Вернув из небытия суворовскую систему воспитания и обучения войск, применяя ее на практике, Драгомиров на этой основе разработал особую воспитательную доктрину, суть которой могут выразить следующие императивы**.

* Генерал от кавалерии Абрам Михайлович Драгомиров (1868–1955) окончил Первую мировую войну в должности главнокомандующего армиями Северного фронта. Впоследствии — один из лидеров Белого движения на юге России, затем — в эмиграции. Генерал-лейтенант Владимир Михайлович Драгомиров (1867–1928) в годы Первой мировой войны был начальником штаба Юго-Западного фронта, после Гражданской войны — в эмиграции. Генерал-майор Михаил Михайлович Драгомиров (1864–?) службу закончил накануне Первой мировой войны.

** Мысли Драгомирова в обобщенном изложении даются крупным шрифтом; его авторский текст — более мелким. Императивы чести приводятся в разделе «Святыня чести». — *Сост.*

- Прежде всего, необходимо укреплять дух армии («практиковать моральную сторону», развивать солдата и офицера «в честном направлении»), ибо от этого в конечном итоге зависят успех в бою, степень развития военного искусства, надежность и прочность военной системы в целом, так как в военном деле на первом месте стоит «человек с его нравственной энергией»: сознанием долга, патриотизмом, самоотвержением, решительностью, находчивостью, храбростью, воинской честью и другими качествами. Главную причину побед и поражений, расцвета или упадка военного искусства следует видеть в человеке, нравственных свойствах армии и ее начальников, в той или иной степени развития возвышенных сторон человеческой природы.

В критические минуты войны, когда именно и решается «победа» или «поражение», значение нравственной энергии рельефно выдвигается на первое место. Таким образом, *важнейшим военным элементом является человек, важнейшим свойством человека — его нравственная энергия.*

* * *

Успех на войне и в бою зависит главнейше от хорошего нравственного состояния войск... Наилучший стрелок или фехтовальщик, если он не проникнут сознанием долга или убежден, что не может одолеть неприятеля, ничего не сделает... Поэтому-то Наполеон, Суворов и другие гениальные полководцы* прежде всего стремились к развитию нравственной стороны в своих армиях; Наполеон даже положительно высказал, что во всяком боевом деле 3/4 успеха зависят от нравственной стороны и только 1/4 от материальной. В военное время это чувствуется всяким весьма сильно, ибо военная обстановка каждую минуту указывает на значение находчивости и энергии в солдате; но в мирное время, когда такой обстановки нет, большинство забывает значение нравственной стороны и часто совершенно пренебрегает условиями, которые благоприятствуют ее развитию.

* * *

Развивая нравственную упругость армии, можно решаться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачу... Шарнхорст создал прусскую военную систему после погрома 1806 года, существующую до сих пор... Так, этот большой человек сказал: «Во все времена разрушение наций причинялось тем, что они ставили военное искусство выше, нежели военные добродетели».

- Следует всегда помнить, что военное дело более волевое, чем умовое, а потому требуется, чтобы воспитание воли было поставлено выше всего. Дряблость характера несовместима с военным делом, где способность действовать на основе здравого смысла, нередко почти не думая, и даже безумная решимость подчас важнее самых изощренных комбинаций военного искусства. Фридрих Великий, Наполеон, Суворов и другие знаменитые полководцы побеждали менее военными талантами и гениальностью, чем «своим духом предприимчивости и силою характера, доблестью и дерзостью, решимостью победить или погибнуть». Такая постановка вопроса позволяла совершать невозможное: действовать наперекор устоявшимся принципам, удивляя и изумляя вялого и пассивного противника; рисковать и дерзать, отвергая робкую тактику; выбирать исполнение самое трудное, необычное; кидаться с 20 тысячами на 80 тысяч, как это сделал Суворов, переходя через неприступные Альпы.

Успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только лучший путь к успеху... Без воли нет жизни, и наука, которая к ней не приводит, — мертвая наука. Ибо воля есть сила зиждущая, стремящаяся, хотя и слепая; ум же, хоть есть сила прозорливая, направляющая, но и разлагающая все на противоположные моменты, т.е. приводящая к нулю, без воли не могущая сдвинуть с места даже и материальной точки.

* * *

Из всех деяний человеческих *война есть дело в значительной степени волевое, чем умовое.* Самые невероятные подвиги совершены почти одной волей; пример — переход Суворова через Альпы в 1799 году... Как носитель воли в высшем ее проявлении он хитрыми планами никогда не задавался и всегда побеждал. Его заслуга в военном искусстве в том и заключается, что никто яснее его не показал всего значения воли в военном деле... Одно дело — знать и совершенно другое — желать и быть в состоянии применить знание к делу.

- Воспитание состоит в развитии и укреплении характера и воли на нравственных основах. Оно должно быть поставлено выше образования, ибо «успех образования зависит от того, каково воспитание солдата, т.е. в какой мере он проникнут сознанием долга и

* В их числе маршал Франции герцог Ислийский Бюжо (1784–1849) — «французский Ермолов». Покоритель Алжира придавал первостепенное значение тактической подготовке войск, возвышению духа солдат и офицеров. Драгомиров чтит его за суворовский дух, часто приводил в своих статьях и речах следующие слова маршала: «Нравственная сила казалась мне всегда выше физической; развить ее можно: возвышая дух солдата, внушая ему любовь к славе, воинскую честь и, в особенности, развивая в нем любовь к родине, зародыш которой есть во всех сердцах. С людьми, таким образом подготовленными, легко совершать великие подвиги, в особенности, когда сумеешь заслужить их доверие; а чтобы его добиться, необходимо точно исполнять относительно подчиненных все свои обязанности, приобрести в них друзей, беседовать с ними почаще о войне и доказать им, что вы способны командовать. На войне надо служить им блистательным примером храбрости и хладнокровия. Надо быть внимательным ко всему, что может возвысить дух своих войск и ослабить дух противника; ввиду этого никогда не должно позволять себя атаковать, а напротив, брать на себя почин дела в решительную минуту». — См.: Военная библиотека. Т. II. – СПб., 1871. – С. 465.

исполнительности», самоотвержением, решительностью, верой в себя и свои силы. Развивая нравственные и физические силы солдата, необходимо действовать прежде всего «добротой, воспитанием», а не муштрой и наказанием. В любом случае соотношение между воспитанием и образованием не должно нарушаться в ущерб воспитанию, как это было нередко в российской армии XIX века.

Военное воспитание ведаёт, главным образом, областью воли, образование — областью ума... Успех образования зависит от того, каково воспитание солдата, т.е. в какой мере он проникнут сознанием долга исполнительности...

Цель занятий с солдатами — подготовить его для боя; бой прежде всего требует от человека способности пожертвовать собою, потом — уметь действовать так, чтобы эта жертва была по возможности полезна своим, гибельна врагу.

* * *

Занятия должно вести так, чтобы сообщив и солдату, и начальнику знание того, что придется использовать в бою, вместе с тем приготовить и духовную их сторону по возможности так, чтобы случайности боя не поражали неожиданностью ни солдата, ни начальника, не застали их врасплох.

* * *

В зависимости от назначения солдата для боя занятия с ним представляют два главных отдела: 1) развитие в человеке зачатков долга, самоотвержения и самообладания, вложенных в него природой; 2) передача ему разных материальных навыков, делающих его более способным к защите и к нанесению вреда врагу. Первому отделу приличествует название *воспитания*, второму — *образования* солдата. Излишне распространяться о том, который из них должен быть призван важнейшим: мы нисколько не сомневаемся в том, что из двух солдат — одного проникнутого долгом, но кроме кулака и дубины ничем действовать не умеющего, и другого, владеющего в совершенстве самым современным оружием, но долгом не проникнутого, — всякий понимающий дело предпочтет, не колеблясь, первого последнему... Основное руководящее положение иерархизации отделов подготовки заключается в том, что *воспитание солдата должно быть поставлено выше образования*, и потому должно обращать на себя преимущественное и ежеминутное внимание его руководителей. Понятно также и то, что в жизни воспитание от образования не отделяется, а ведутся они совместно и современно; но ввиду сказанного, они должны быть поставлены так, чтобы в быту солдата, в занятиях его, в службе, наконец, в отличиях качества, даваемые воспитанием, брали верх над теми, которые дает образование.

Цель воспитания выражается в двух словах: нужно, чтобы солдат был *надежен*, т.е. правдив и исполнял свои обязанности одинаково, как на глазах у начальников, так и за глазами.

- В «святом деле подготовки войск» требуется «боевой синтез» воспитания и образования, которым должен быть отдан приоритет по отношению к совершенствованию техники и оружия. Никогда нельзя забывать мысль о том, что «войска нужно в мирное время учить только тому, что им придется делать в военное» (что бесполезно на войне, то вредно вводить в обучение). Главным методом военного образования при этом должна стать реальная полевая работа (тактические упражнения в полевых условиях) при максимальном ограничении «мирно-военной» практики и при полном запрещении различного рода условностей и «примерщины», с подлинным боевым делом ничего общего не имеющих.

Для войск я не признаю других тактических упражнений, кроме как в поле и с войсками же, и в возможно более полном числе рядов; и только при недостатке людей допускаю занятия с кадрами или с обозначением противника... Я занимаюсь вопросами подготовки войск к бою с 1859 года, т.е. 46 лет. Кроме полевой работы, как я уже сказал и еще раз повторяю, другого приема для этого нет и быть не может.

* * *

Все дело образования и воспитания войск приводится к весьма немногим идеям: 1) *ставить воспитание выше образования*; 2) *переходить от анализа к синтезу (т.е. учить делу по частям, но на этом не останавливаться, а непременно соединять эти части в одно так, как они соединяются при действии против неприятеля)*; 3) *учить целесообразно*; 4) *развить внимание людей в военном направлении*; 5) *приучить их встречать неожиданности быстро, но несуетливо*; 6) *вести занятия так, чтобы ни один шаг в них не противоречил закону выручки своих*; 7) *ознакомить различные роды оружия со взаимными их свойствами*; 8) *вести маневры так, чтобы «всякий воин понимал свой маневр»*; 9) *устранять все, способствующее развитию самосохранения, и поощрять все, благоприятствующее самоотвержению, и потому давать практику в преодолении чувства опасности*; 10) *учить показом, а не рассказом*; 11) *остерегаться «примерного» исполнения чего бы то ни было в мере, допускаемой мирною практикою*, — вот и все. Все эти идеи можно было бы свести даже к одной только: в воспитании и обучении сообразоваться со свойствами воли и ума человека.

* * *

Условия рационального обучения войск следующие: 1) войска должно учить в мирное время только тому, что им придется делать в военное; всякое отступление от этой нормы вредно, потому что внушает и солдатам, и начальникам превратное понятие о том, что можно и чего нельзя требовать в бою от человека. Люди, выученные лишнему, и перед неприятелем будут делать не то, что нужно, а то, что они умеют делать (мысль марш. Саксонского; Суворов держался того же в образовании войск, он не высказывал этой мысли нигде, зато его система есть полнейшее ее осуществление). 2) Учить солдат боевому делу должно в такой последовательности, чтобы они из самого хода обучения видели цель всякого отдела образования. (Так, обучение употреблению оружия должно начинаться со стрельбы и фехтования, как то у нас теперь принято, а не с приемов и т.п. Первые впечатления во всем имеют огромное значение, не нужно поэтому вести солдата так, чтобы он хотя на минуту мог остановиться, например на мысли, будто ружье есть машина для приемов, а не для поражения врага.) 3) Учить преимущественно примером, т.е. показывать, что и как сделать, прибегая к изустным объяснениям только в случае действительной необходимости.

Первое условие определяет объем образования солдата, второе и третье — его метод.

Имея в виду высказанную выше аксиому — что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение, — определим, что требуется от солдата на войне?

- 1) Чувство долга, доведенное до самоотвержения, или готовность пожертвовать собою для выручки товарищей; неустранимость, находчивость, беспрекословное повиновение воле начальника во всем, касающемся службы.
- 2) Способность выносить тяготы и лишения военного времени, безропотно и без быстрого истощения сил.
- 3) Искусное действие своим оружием.
- 4) Умение согласовывать свои движения и действия с товарищами.
- 5) Ловкость в преодолении встречаемых на местности преград и умение пользоваться ими для собственного укрытия от осмотра и выстрелов неприятеля, не лишаясь, однако ж, возможности его видеть и стрелять по нем.

Первые два пункта определяют воспитание солдата; последние три — его образование.

Нравственные качества поставлены первыми потому, что в бою, как и во всякой другой деятельности, человек делает собственно всегда одно и то же: приводит в исполнение свои умозаключения; если способность составлять их правильно и решаться приводить в исполнение быстро развита в человеке, он достигает своих целей успешно; если нет, он претерпевает неудачи, т.е. так или иначе, но бывает бит...

- Военное дело носит прикладной характер, здесь важны не знания сами по себе, а их применение на практике — умение. Поэтому в образовании и обучении солдата должно преобладать не теоретическое преподавание, а практическое изучение (освоение) основ военного искусства, «система развития делом более, нежели словом», укоренение в солдате веры в то, что начальник, сам являясь человеком дела, требует от него дела и только дела. Такой подход — лучшее пособие дисциплине в мирное и особенно в военное время, когда вера в силу приказа «заменяется силой приказа в меру доверия, внушаемого начальником».

Итак, развитие, отвечающее назначению солдата, дается *делом*, разумно веденным, гораздо более, нежели словом; дается немедленным применением на практике указанного теоретическим путем в тех предметах, где этот путь передачи по необходимости предшествует практике...

Еще раз повторяем, мы не против слова, но только против злоупотребления; против создания целых отделов теоретического преподавания, не имеющих никакого практического смысла; против заранее составляемых смотровых ответов, заучиваемых вместе с вопросами. Мы, напротив, в пользу самого обширного его применения; но только там, где это действительно необходимо, и притом так, чтобы это устраняло всякую возможность долбления, чтобы солдат на вопросы отвечал свое, понятное, а не бессознательно заученное. И в этом отношении великий пример дает нам тот же Суворов. Не уставал он сам и через других говорить с солдатом; любил озадачивать самими, по-видимому, дикими вопросами; но заучивать солдату приходилось мало, потому что нельзя было никогда знать вперед, о чем он спросит. Приходилось, следовательно, заботиться о понимании, а не о затверждении книжных ответов: пример, глубоко поучительный для инспектирующих начальников, которые постоянно должны думать о том, чтобы их вопросы не складывались в какую-нибудь одну закаменелую форму. Подчиненный весьма чуток к подобным вещам и скоро подмечает, можно или нет вместо понимания показать долбление, которое ведь легче.

Сверх того мы придаем большое значение тому, чтобы офицер ни одного случая не пропустил поговорить с солдатом, задать ему один, другой вопрос; для сообщения солдату навыка отвечать быстро, толково и с соблюдением воинских приличий это единственное средство... Немножко более сердца, немножко более внимания к солдату со стороны офицера, и успех верен. Офицеру следует поступать так не только в интересах службы, но и во имя великой идеи товарищества, но и в своем собственном интересе: в бою солдат идет от сердца за тем офицером, которого он знает, и который его знает и понимает. Поздно учиться говорить с солдатом тогда, когда нужно уметь *Словом* посылать его на смерть. Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом — великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой.

- Военное искусство — продукт ума, творчества, работы мысли, причем «мысли не праздной, не схоластической, а именно деятельной», сопряженной с волевыми усилиями по достижению победы (успешных результатов деятельности). В военном деле особенно опасны «теоретические миражи», извращающие действительность и верные взгляды. Здесь и теория должна носить прикладной характер, сопровождаться знакомством с предметом действий, быть максимально приближенной к жизни, существовать в форме суворовской «Науки побеждать», различного рода наставлений и поучений. Само обращение к науке, теории должно вызываться потребностями жизни, практики, необходимостью развития и совершенствования военного дела, в чем значительную роль играет честная критика.

Есть нечто выше науки — это жизнь... Чем больше наука спустится на землю, чем внимательнее отнесется к тем жизненным мелочам, пренебрежение к коим в нашем деле ведет к кровавым ошибкам на войне и в мире, тем более станет она достойнее имени наука, ибо тем будет разностороннее, а следовательно, и положительнее.

* * *

Полезно или нет допускать искренний, открытый разбор военных порядков? Некоторые даже из теоретиков, ничего, кроме такого разбора, всю жизнь не делавших, смотрят на него, как на дело опасное и вредное во всех руках, кроме, разумеется, их собственных. Не замечают эти господа того, что без подобного разбора нет движения вперед, нет улучшения, нет жизни; не замечают и того, что какие усилия ни делали бы, стремления к разбору истребить нельзя, а можно только вогнать его вовнутрь, сделать неискренним и неоткрытым: сообщить, одним словом, уродливое направление разбору. Если бы они были внимательнее к тому, что происходит на их глазах, то и увидели бы, что там, где преследуется откровенный разбор, начинается разбор исподтишка, вкривь и вкось, да зачастую еще и с враждебным характером. Мы до сих пор никак уразуметь не можем, что человек готов иногда нести очень и очень тяжелое бремя без вознаграждения, без одобрения, за одно только то, если искренне может высказать, что у него на

душе. Спора нет, что и при этом неизбежны будут неверные суждения; но они утратят характер заманчивости, не будут запрещенным плодом, показываемым из-под полы.

Критики нет там только, где делом не интересуются, где дух отлетел, и осталась одна мертвая форма. Критика, и только она одна, выводит дело на свет Божий, очищает его от нелогических примесей, содействует даже развитию *честной и разумной* исполнительности. Только критика может внедрить в сознание то основное положение всякой практической деятельности, по которому закон должно исполнять свято не потому, что он хорош или дурен, а потому, что он закон. Получается, следовательно, благодаря критике, исполнительность, идущая не из внешнего принуждения, но от сердца; исполнительность без рассуждения о достоинстве приказа, но с рассуждением о том, чтобы его исполнить по возможности лучше. А в трудные минуты только на подобную исполнительность и можно положиться. Искренность обсуждения и тем хороша, что выясняет для каждого, что на этом сером свете нет совершенства; и что в практическом деле успех гораздо более зависит от честного, энергичного и толкового исполнения, чем от достоинства плана. Следовательно, в искренности обсуждения в мирное время открывается и вернейший противовес пустозвонной, разлагающей критике, которая в трудные минуты развивалась в армиях, наиболее, видимо, подавленных. Итак, искренность обсуждения в теории; безусловная, но осмысленная исполнительность в практике — вот тот путь, которым может водвориться знание в умах, внутренний нравственный порядок в сердцах. Уже давно сказано, что столкновение мнений дает истину: нужно, следовательно, возбуждать, а не тушить его.

- Российской армии солдат и офицер призваны для службы государственной, они «присягают жертвовать собой за государственное дело». И солдат, и офицер одинаково ответственны перед законом, одинаково соблюдают правила воинской дисциплины и чести, принадлежат к единому воинскому товариществу, «которое не исключает требовательности, но предполагает ее» («прочная дисциплина — дело взаимное и требуется как снизу вверх, так и сверху вниз»).

Солдат обязан соответствовать следующим требованиям: 1) преданность Государю и Родине до самоотвержения; 2) дисциплина; 3) вера в нерушимость (святость) приказа начальника; 4) храбрость, решительность; 5) готовность безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские; 6) чувство взаимной выручки. Необходимо: 1) воспитывать и обучать солдата, сообразуясь с общечеловеческими свойствами, в том числе и со стремлением ума расчленять предмет на составные части, задавать вопросы «зачем?» и «почему?»; 2) возбуждать у него внутреннее желание усвоить дело; 3) учить преимущественно примером, последовательно, не подрывая веры в свои силы, не запугивая и не унижая; 4) помнить, что солдат — человек с внутренним достоинством, правами и обязанностями; предъявляя к нему требования и добиваясь их неукоснительного исполнения, обращаться с ним по-людски, не надирать его сил, не изводить на бестолковой работе.

От офицера как воспитателя и учителя солдата требуется: 1) быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата; 2) обладать искренней преданностью и любовью к военному делу; 3) помнить, что люди, которые вверены его попечению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен примениться; 4) быть внимательным к нуждам подчиненных; 5) выработать в себе правильное отношение к закону и приказанию; 6) обратить внимание на то, чтобы прежде и тверже всего внушить солдату обязанности и только после этого — обряды; 7) делить с солдатами тягости службы; 8) уметь держать (вести) себя с солдатами. Офицер-начальник каждого ранга, должен удовлетворять следующим качествам: 1) общее знание теории современного военного дела и, в частности, подробное знание теории и техники, относящихся к тому роду войск, в котором служит; 2) преданность Государю и Родине до самоотвержения, дисциплина, вера в нерушимость (святость) приказа, храбрость, готовность безропотно переносить все тягости службы, чувство взаимной выручки; 3) способность ориентироваться в окружающей обстановке; 4) решимость принять на себя ответственность за свои действия и распоряжения в тех случаях, когда обстоятельства не позволяют ожидать распоряжений свыше; 5) частный почин; 6) привычка представлять себе цель каждого действия; 7) уверенность в необходимости служить делу, а не лицам, общей, а не собственной пользе; 8) к любому вопросу относиться прямо и искренно.

С общеобразовательной повинностью офицер — не воинский чин только, но и общественный деятель; армия — не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной... Мало учителей, много учеников в воинском организме, нужно поспевать месяцами, днями, а не годами, как прежде. При таком положении верно одно: *если офицер не делает, то никто не делает*. Он не имеет права ожидать от солдата исполнительности, пока сам не воспитает его. В наше время офицер должен много, непрерывно и без усталости работать, если хочет быть достоин своего звания.

* * *

Велика и почетна роль офицера, понимаемая таким образом; и тягость ее не всякому под силу. Много души нужно положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: «Много людей прошло через мои руки и весьма мало было между них таких, которые от того не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого дела. Ни одного я не сделал негодяем; ни одного не заморил бестолковой работой или невниманием к его нуждам; ни в одном не подорвал доверия к собственным силам. Все привыкли подчинять свою волю достижению одной общей цели по сознанию долга, а не из-за палки».

* * *

Гг. офицеры, приложите все ваше усердие к делу воспитания солдата в духе истинной воинской дисциплины, вежливости и сдержанности, тогда не нужны будут несообразные с почетным званием солдата разные ограничения, тогда звание солдата делается почетным в действительной жизни.

- основополагающее значение в военном деле имеют духовные ценности, нравственные категории (прежде всего воинская честь), «вечные» законы военного искусства, освященные историей истины и традиции, поучительные системы действий и авторитетные мнения великих полководцев. «Существо, называемое армией, живет тысячелетия», ее душа выковывается на протяжении веков. Поэтому военному человеку следует жить «по старине», по заветам великих предшественников, не отставая при этом в военном деле, но и не гонясь за модой, бесконечными «усовершенствованиями», не переделывая каждый раз все заново: «сегодня с левой, завтра с правой, а послезавтра на головах, лишь бы не было по-вчерашнему».

Суворов ничего не делал иначе, как *по-вчерашнему*... Да оно и понятно, так как Суворов основал свою систему на вековых волевых и умственных свойствах человеческой природы, а не на каких-либо преходящих усовершенствованиях огнестрельного оружия, на которых, забывая человека, так любит плясать всякая современная мирно-военная мразь.

По-вчерашнему озадачивал он неожиданными вопросами, *по-вчерашнему* учил сквозным атакам, *по-вчерашнему* учил не иначе, как против видимой цели и притом только наступлению и никогда отступлению, *по-вчерашнему* учил не одним денным, а и ночным баталиям, *по-вчерашнему* учил штыковым ударам и цельной стрельбе, которой тогда никто не учил; *по-вчерашнему*, наконец, требовал, чтобы всякий воин понимал свой маневр.

Ко всему этому в наше время приходится прибавить только ученье с боевыми патронами и несколько распространить курс стрельбы. Для всякого способного принять в соображение совокупность всей системы такая прибавка не покажется слишком значительной.

* * *

Ни Суворов, ни по его стопам я никогда огня не отрицали, а только ставили на должное место в противность мнению шкуролобов, мечтающих, будто бы огнем можно отбить всякую атаку. Последняя кампания могла бы вам, кажется, показать, что это вздор. Во-вторых, ловкачи выезжают только на хвостах живых людей, на хвостах покойников далеко не уедете, если ничего своего нет. Своего, правда, у меня очень мало, но оно есть и заключается в том, что я у большинства людей вычитываю то, чего другие вычитать не умеют, ибо по невниманию ли, или почему-либо другому не в состоянии таких мест замечать. В особенности это и сказалося на Суворове; его великая наука побеждать оставалась непонятою и непонятною целых 60 лет; и была, что греха таить, просто забыта. Я ее разъяснил, да еще, благодаря Суворову, открыл то, что и до сих пор остается, к несчастью, непостижимым для большинства военных. Именно то, что *воспитание и образование войск должно быть в несравненно большей степени волевое (эмоциональное, сердечное), нежели умовое*; что им нужно напоминать гораздо настойчивее о самоотвержении, нежели о самосохранении. Затем должен сказать, что я не ограничился одним Суворовым, а вычитал кое-что и у Цезаря, и у маршала Саксонского, и у Фридриха Великого и Клаузевица, у Наполеона, само собой разумеется, и, наконец, у Бюжо; и, вычитав все такое, я старался пустить в ход то, чего другие не замечали. Это дало мне авторитет, до погони за коим я никогда не унижался.

СУВОРОВСКАЯ «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»

С пояснениями М. И. Драгомирова

ВАХТ-ПАРАД

Учение разводное или перед разводом

От одного главное влияние на обучение*.

1. *Исправься! Бей сбор! Ученье будет!* Приемы и повороты по команде, по флигельману, по барабану.

То есть исполнение поворотов и приемов по команде, по барабану и по флигельману. Флигельманом назывался солдат, выскакивавший перед фронт и делавший приемы; строй должен был с ним сообразоваться.

2. *Пальба будет! Заряжай ружье!* Плутонгами, полудивизионами, дивизионами. При зарядании приклада на землю отнюдь не ставить. Отскакивает шомпол? Пуля не крепко прибита.

Вероятно, предрассудок того времени.

Наблюдать косою ряд; приклад крепко упереть в сгиб правого плеча; ствол бросать на левую ладонь; пуля бьет в полчеловека.

Правила того времени для стрельбы из сомкнутого строя и для прицеливания.
Примерно можно и с порохом.

Тогда полагали, что кто умеет стрелять холостыми патронами, сумеет выстрелить и боевыми; при тогдашней ничтожной действительности и дальности стрельбы это было не совершенно ошибочно, хотя напоминает тех, которые теперь думают, что кто выучен стрелять с отмеренных расстояний, сумеет стрелять и не с отмеренных. Впрочем сам Суворов не был того мнения, чтобы стрельбе можно было выучиться, стреляя холостыми патронами.

Ружья чистить между часов.

Т.е. по смене с часов, так как учение предполагается перед разводом караулов.

Выстрелять между одного и двух патронов.

3. *Наступными плутонгами начинай!* Отбою нет; сигнал барабана поход, выстреля от одного до двух патронов.

Исполнялось потому, что было в уставе; но взгляд самого Суворова на эту стрельбу см. ниже.

4. *Атакуй первую неприятельскую линию! В штыки! Ура!* Взводные командиры: *коли, коли!* Рядовые: *ура!* Громогласно. Краткий отбой.

Неприятельская кавалерия скачет на выручку к своей пехоте. *Атакуй!* Здесь держать штык в брюхо человеку (случится что попадет штык в морду, в шею, особливо в грудь лошади). Краткий отбой.

Атакуй вторую неприятельскую линию, или резервы неприятельские, атакуй! Отбой; сим кончится.

В изложении отдела об атаке примерной в особенности поражает стремление ни на минуту не позволить забыть солдату, несмотря на примерность упражнения, какое действие оно изображает. Во всех командах непременно означает, кого атаковать (первую, вторую линию, кавалерию). Атак в открытое пространство Суворов не признавал. Офицеры кричат: *коли, коли!* — Опять намек на то, в чем сущность дела. Австрийцам, которые Суворова не знали, он обрисовывает эту минуту еще ярче: «Тут уже только кровь»... К этому припоминаю следующее место об атаке, также взятое из рассказа о ней боевого человека: «Все атакующие должны помнить, что доблестная роль их в этой боевой сцене кончится тогда только, когда штыки окрасятся неприятельской кровью».

Этот род атаки должно было производить не иначе как против видимой цели, что ясно из инструкции австрийцам.

* Крупным шрифтом напечатан суворовский текст, мелким — пояснения к нему М.И. Драгомирова. Курсивом выделены командные и ключевые слова. – *Сост.*

5. Третья — сквозная атака. Линия равняется вмиг. *Вперед!* Не смеет никто пятиться ни четверти шага назад.

Переход к сквозной атаке, для чего линия выравнивается вмиг и не иначе как вперед. Суворов не терпел даже и малейшего движения назад: почему — понятно.

6. *Ступай! Повзводно, полудивизионами или дивизионами!* На походе плутонги вздваиваются в полудивизионы или сии ломают на плутонги. Солдатский шаг аршин; в захождении полтора шага. Начинает барабан, бьет свои три колена; его сменяет музыка, играет полный поход паки барабан; и так сменяются между собою. Бить и играть скорее: от того скорее шаг. Интервалы или промежутки между взводов весьма соблюдать, дабы, пришед на прежнее место, при команде *стой* все взводы вдруг стояли и заходили в линию.

Исполнение этой эволюции понятно из текста; цель ее — упражнение войск в быстром и точном переходе из колонны на полных дистанциях в развернутый строй, бывший тогда главным боевым порядком пехоты. Эта эволюция требовала продолжительных упражнений, так как удовлетворительное исполнение ее зависит от привычки строго соблюдать дистанции между взводами и равнение в тылок флангов равнения.

7. *Вторая (или первая) половина линии по рядам налево (или направо); ступай на атаку!* У сей барабан фельдмарш. Заходить против части, на месте стоящей, из картечна выстрела вон. *Ступай!* Поход в барабаны. На 80 саженьях от противничья фронта бежать вперед от 10 до 15 шагов через картечную черту полевой большой артиллерии; на 60 саженьях тож, через картечную черту полковой артиллерии, и на 60 шагах верной черты пуль.

Ступай, ступай! В штыки! Ура! — Противная линия встречает пальбою на сей последней дистанции, а на 30 шагах ударит сама в штыки. С обеих сторон сквозная атака!

8. Ровно сему другая линия: *атака!*

Вторая или первая половина линии для сквозной атаки заходит рядами против половины, остающейся на месте, на расстояние вне картечного выстрела, т.е., по-тогдашнему, несколько более 80 сажень. По команде ступай начинать движение; на 80 саженьях от противника бегом 10 или 15 шагов, чтобы быстрее пройти пространство, на котором встречают картечным огнем из тяжелых орудий; то же на 60 саженьях для уменьшения картечного действия полковой артиллерии и на 60 шагах — для уменьшения действительности ружейного огня. (Это не только предохранительное средство от огня, но и обеспечение движения вперед в трудные минуты.) Должно прибавить, что это было верно тогда, когда картечь состояла из свинцовых пуль, которые летели недалеко; теперь это не годится и заменилось перебежками от позиции к позиции, начиная с 1000–1500 шагов от неприятеля.

Обе части на прежних местах, таже отделенная часть заходит колонною для деплояды фронта, ежели есть место. Т.е. пройдя друг друга насквозь, обе половины расходятся на такое же расстояние, на каком были перед атакою.

9. Обе части делают колонны, по числу людей в разводе в одну или две колонны.

Атака будет колоннами! Ступай! Барабан бьет поход (марш), на 60 шагах одни от других. *Ступай! Ступай! Атакуй в штыки! Ура!* Мушкет в правой руке наперевес; колонны между собою насквозь быстро примерно колют.

Этот пункт замечателен потому в особенности, что допускает атаку в колоннах в эпоху полного господства линейной тактики, в которой единственным удобным боевым строем считался развернутый. Можно думать, впрочем, что этот пункт составляет позднейшую прибавку, вследствие действия французских революционных армий. Это можно заключить из «Словесного Поучения».

10. *Колонны, строй каре! Стрелки стреляй в ранжире! Плутонгами зачинай!* Здесь кареи на месте. Стрелки бьют наездников и набегающих неприятелей, а особливо чиновников; плутонги палят в их толпы. Пальба должна быть кратка; ибо тут дело больше картечь. Потом бросаются колоть. *Ступай! Ступай! Атакуй! В штыки! Ура!* Что воображается сквозною кареиною атакою. *Стрелки вперед! Докальвай! Достреливай! Бери в полон! На оставших басурман между кареев!* Барабан краткий сбор. *Стрелки в свои места! Кареи строй колонны!* Исполнение тож, как выше о колоннах.

Здесь предполагается нападение конницы, отражение ее и уничтожение тех всадников, которые почему-либо не могут ускакать. Выражение «тут дело больше картечь» поясняет предыдущую фразу, что «пальба должна быть кратка», т.е. действовать, как картечь. Само собою разумеется, что атака предполагает участие и конницы на ученьи.

Верный своей основной мысли развить по возможности наступательные инстинкты, Суворов, уча атаке одну сторону, учит в то же время обороне другую, но нигде даже слова «оборона» не употребляет.

11. *Колонны строй кареи! Кареи марш! Ступай! Ступай! Атакуй! В штыки! Ура!* Здесь без пальбы, атака прежняя.

Карей строй линейный фронт! А заходящей части, по рассмотрению, вместо линии в колонну, или по четыре. Команда оной: по рядам или по четыре направо или налево! Ступай на прежнее место! Строй фронт! Барабан фельдмарш.

Восстановление первоначального положения, т.е. общей развернутой линии.

Примечание. Сии основательные маневры, марши и эволюции равны в батальонных, полковых и корпусных экзерцициях.

Т.е. эти основные маневры, движения и эволюции имеют одинаковое применение при обучении как больших, так и малых частей.

12. Начальник может требовать *батального огня*? — Исправный приклад правит пальбою. Здесь оная расстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбе оный виден. Одиначка пальбы в баталии выйдет сама собою: для сбережения пули тут на каждом выстреле всякий своего противника должен целить, чтоб его убить.

Следует ли требовать *батального огня*? Действительность стрельбы зависит от верности прицеливания, которая при пальбе взводами виднее (т.е., разумея все же прицеливание горизонтальное, единственно возможное для гладкоствольного ружья и при стрельбе холостыми патронами); между тем как при пальбе рядами следить за этим нельзя, да и люди суетятся.

В сражении одиночная пальба выйдет сама собою, ибо для меткости выстрелов всякий должен целить в своего противника, чтобы в него попасть. (Естественное из этого заключение, по-видимому, было бы то, что для боевой стрельбы лучше предпочесть рассыпной строй; но для воспитанного на линейной тактике, хотя и гениального человека, такое заключение было невозможно, тем более что и штык требует также сомкнутого, а не рассыпного строя. Даже к концу поприща Суворов не мог отрешиться от этого и в приказе австрийцам предписывает «вместо рассыпных застрельщиков в каждом капральстве иметь по четыре хороших стрелка, которые стреляют в ранжире (по своему ряду и шеренге), а могут также и несколько выбегать вперед». Тут вполне ясно выразилось и понимание выгодных свойств рассыпного строя и нежелание отказаться от сомкнутого.)

13. *Залп*? В разводе, коли с пальбою, для очищения ружей. В ином строю, только для исправности приклада; против неприятеля не годится! Оный может сколоть и порубить, пока опять заряжают.

Залп годится для разряда ружей и для проверки прицеливания; но против неприятеля не годится потому, что часть на некоторое время остается беззащитною.

14. *Наступных плутонгов*? Оные только для движения, но против неприятеля сия ломаная линия не годится, ибо он ее, особливо кавалерию, и малою, изрубить может.

Вот мнение Суворова о стрельбе взводами при наступлении, на которое сделана ссылка выше.

15. *Отступных плутонгов*? Лучше об оных и не помышлять: влияние их солдату весьма опасно, а потому и ни о каких *ретирадах* в пехоте и кавалерии не мыслить!..

Понятно без объяснений. Суворов понимал, что в бою не те войска упорно отступают, которые были обучаемы отступлению в мирное время, а те, которые привыкли смотреть на ретираду как на позор, или, по крайней мере, как на несчастье, унижительное для порядочного солдата.

Общее пояснение М.И. Драгомирова к «Вахт-параду»

Отдел, озаглавленный вахт-парадом, есть собственно приказ насчет того, как должно производить ученья перед разводом по караулам. В этом приказе многое, конечно, устарело по форме, ибо теперь и оружие не то, и прибавился рассыпной строй, который Суворов предчувствовал, но принять не решался; но мысли, скрывающиеся за этой устарелой формой, останутся вечно истинными. Эти мысли суть: 1) Исполняйте уставные эволюции не для того только, чтобы их исполнять, но для показания офицерам и солдатам их назначения, их применения на деле. 2) В достижении последней цели не надейтесь ни на одну теорию, ни на одну практику — они должны идти рука об руку; практикою у Суворова было ученье, в котором, как видели, боевая обстановка восстановлена возможно полным для мирного времени образом; теориею — словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом. Поучение это составляло неизменный конец всякого ученья и, как увидим ниже, не могло не врезаться в память каждого солдата. 3) Не рассчитывайте на воображение в исполнении чего бы то ни было, т.е. не делайте ничего примерно, а старайтесь устроить упражнение так, чтобы солдату все было видно и воображать приходилось бы возможно меньше. 4) Солдат должен быть готов на все и во всяком строе, покажите ему поэтому атаку конницы и пехоты в развернутом строе и в колонне, и в каре, как на заднюю, так и на переднюю шеренгу, чтобы он не привыкал считать, будто известные положения непременно требуют и известного постоянного строя. При этом условии для него не будет неожиданностей. 5) Избегайте, как величайшей опасности, всех тех упражнений, которые отвечают инстинкту самосохранения и, следовательно, могут дать ему пищу; и наоборот, давайте возможно большее развитие упражнениями, воспитывающим человека в упорстве, бесстрашии, решимости, находчивости, готовности на все неожиданности; солдат подобного

закала будет хорошо отступать, ибо для этого важно знать не механическое движение отступления, но именно быть упорным, бесстрашным, предприимчивым. 6) Не рассчитывайте на одно только слово, если хотите научить чему-нибудь человека: с примера он легче и прочнее усваивает, нежели из рассказа. Затем, когда он узнает дело, слово необходимо, чтобы утвердить человека в деле, сообщить более широкий взгляд на него. 7) Не хлопчите об одном только поддержании механического порядка, но хлопчите еще более о том, чтобы часть расстроенная — что в бою неминуемо — умела быстро восстанавливать порядок. Эту, так сказать, реальность и осязательность обучения Суворов доводит до того, что даже самое приучение к восстановлению порядка у него делалось не из искусственного или приказного беспорядка, а из естественно возникающего при столкновении. Следовательно, солдат не только приучался быстро восстанавливать порядок, но и узнавал, когда это в особенности важно и когда беспорядок составляет неизбежное явление. Одним словом, еще раз: ничто для Суворовского солдата в бою не являлось неожиданностью, мирное обучение не готовило ему со вступлением в дело никакой нравственной засады или западни.

СЛОВЕСНОЕ ПОУЧЕНИЕ СОЛДАТАМ О ЗНАНИИ, ДЛЯ НИХ НЕОБХОДИМОМ

После сего разводного учения, когда оно будет учинено, по приходе развода в главную квартиру, куда оный приходит до рассвета, а на рассвете выходит уже на площадь, штаб-офицер того полку, чей развод, командует: *под курок* и начинает в присутствии всего генералитета, штаб- и обер-офицеров говорить к солдатам их наречием наизусть следующее.

Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты! Солдат стоит стрелкой! Четвертого вижу, пятого не вижу.

Во фронте солдат стоит стрелкой, имея каблуки сомкнутыми, подколенки стянутыми. Равняться так, чтобы видеть четвертого от себя человека, но пятого не видеть.

Военный шаг аршин, в захождении полтора аршина. Береги интервалы! Солдат во фронте на шаг строится по локтю; шеренга от шеренги три шага, в марше два; барабаны не мешай!

Движения в строю делать шагом аршинного размера, при захождении — полутора-аршинного. При движении не терять интервалов. В строю становиться локоть к локтю; шеренга за шеренгой в трех шагах, на марше в двух.

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. — Стреляй редко, да метко; штыком коли крепко; пуля обмишурится, а штык не обмишурится; пуля дура, а штык молодец! Коли один раз! Бросай бусурмана со штыка! — мертв на штыке, царапает саблю шею.

В этом пункте сделана превосходная оценка относительно достоинства холодного и огнестрельного оружия. Огнестрельное требует припасов, которые не всегда могут быть, следовательно, пулю нужно беречь; пуля делает промахи чаще, чем штык, следовательно, пуля дура, а штык молодец! Суворов не упоминает при этом, что стрелять может и не храбрый, между тем как для штыка храбрость — необходимое условие; не упоминает потому, что распространяться об этом при учении солдат бесполезно.

Затем, переносясь мыслью в бой, он делает резкий очерк того, как должен действовать солдат один на один с противником, и этот очерк весь устремлен опять на то, чтобы показать преимущества штыка пред пулей: «Коли один раз и бросай бусурмана со штыка потому что, хоть и мертвый (не допускает мысли, чтобы после удара штыком он еще остался жив), может оцарапать саблей шею».

Сабля на шею! Отскокни шаг, ударь опять! Коли другого, коли третьего! Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле; трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!

От удара саблей по шее отскокни шаг и ударь опять: коли другого, коли третьего! Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. (Когда Суворов видал и больше, то солдат разве мог усомниться, после такого заверения, в действительности и превосходстве штыка?) Новый возврат к сбережению пули и к предпочтению ей штыка.

В атаке не задерживай! Для пальбы стреляй сильно в мишень! На человека пуль двадцать купи свинцу, из экономии немного стоит. Мы стреляем цельно! У нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда?

Фитиль на картечь! Бросься на картечь — летит сверх головы! Пушки твои, люди твои! Вали на месте! Гони, коли! Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать! Они такие же люди.

Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший Дом! Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

При атаке быстро подаваться вперед. Для искусства в стрельбе чаще стрелять в мишень; израсходовать пулю двадцать на человека (вероятно, для годовой практики) не много стоит. Мы стреляем метко: только тридцатая пуля пропадает. (Сказано для того, чтобы поддержать доверие солдата к ружью; известно, что даже теперь стрельба далека от такой страшной действительности.) А в полевой и полковой артиллерии разве теряют меньше десятого заряда?

Неприятель фитиль на картечь (т.е. на орудие, заряженное картечью) — бросаться на картечь: только при этом она летит сверх головы. И чтобы не останавливать долго внимания солдата на этой тяжелой минуте, тотчас же переходит к последствиям решительности и к тем нравственным побуждениям, которые всегда вызывали и вызывают самоотвержение в сердце русского солдата: «Пушки твои! Люди твои! Гони, коли! Остальным давай пощаду! Грех

напрасно убивать — они такие же люди! Умирай за дом Богородицы, за Государя, за царствующий дом. Церковь Бога молит за убитых, а оставшимся в живых честь и слава!»

Обывателя не обижай! Он нас поит и кормит. Солдат не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь! — все ваше. Возьми крепость! — все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах. Без приказа отнюдь не ходи на добычь!

Этого не только требует справедливость, но и разумно сознанные выгоды армии. Обыватель не только поит и кормит, но и дает подводы, и доставляет сведения, — до тех пор, пока он не разорен. Но как только разорен, он обращается из помощника армии во врага ей: ему терять нечего. «Возьми крепость, возьми лагерь, все ваше: это святая добычь. В Измаиле и в других местах делили золото и серебро пригоршнями (!)». Но указав эту приманку в добыче, он по весьма понятной причине прибавляет: «Без приказа не ходи на добычу»... Уменьше держать солдата в руках заключается не в том, чтобы без толку запрещать вещи, которым помешать нельзя, а в том, чтобы позволить их в меру и вовремя.

В баталии полевой три атаки: в крыло, которое слабее; крепкое крыло закрыто лесом: это не мудрено! Солдат проберется и болотом. Тяжело через реку, без мосту не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь. Атака *в середину* не выгодна, разве конница хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут. Атака *в тыл* очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело.

В этом параграфе объяснены условия выбора пункта для атаки; следовательно, по мнению Суворова, это должны были знать не одни начальники, но и солдаты. Это служит еще раз доказательством того, с каким постоянством добивался Суворов понимания всякого предприятия всеми без исключения чинами армии. Замечательно, как ловко в этом пункте Суворов, высказав, что для атаки лучше выбирать слабое крыло, тотчас же переходит к тому, что и крепкое атаковать не мудрено: что лес, болото, укрепления не останавливают солдата, и только «через реку тяжело» (а не невозможно). Таким образом он, намекнув на соображения, которыми должно руководиться при выборе пункта для атаки, в то же время избегает опасности быть понятым слишком безусловно, т.е. будто только слабые пункты атаковать можно. Суворов знал, что в практике *лучшее* не есть всегда *возможное* и что кто стремится к лучшему, тот зачастую упускает возможное и ничего не достигает. Затем, указав свойства атаки на центр и тыл, он переходит сначала к боевому порядку, потом к действию в поле против неукрепленной и укрепленной позиции и, наконец, к штурму укреплений, усиленных искусственными преградами. И во всем этом об обороне опять ни слова.

Баталия в поле: линию против регулярных, кареями против басурман, колонн нет. А может случитца и против турков, что пятисотному карею надлежит будет прорвать 5-ти и 7-ми тысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну; но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки; они воюют на немцев и иных колоннами! Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж!

Особенно замечателен конец пункта о боевых порядках, советующий бить французов колоннами же. И это было писано в 90-х годах, когда революционная армия едва начинала свои кампании. Если рядом с этим припомнить, что под Аустерлицем в 1805 году мы дрались еще в тонких линиях, станет ясно, до какой степени он мало был понят и скоро забыт.

Баталия на окопы — на основании полевой! Ров не глубок, вал не высок! Бросься — в ров, скачи через вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в полон! Помни, отрезывать! Тут подручнее коннице. В Праге (предместье Варшавы) отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость, для того атаковали колоннами.

Т.е. атака на окопы ведется линиями, как и атака на неукрепленную позицию. Но если окопы в несколько линий, то лучше идти колоннами, как было сделано для атаки Праги. Порядок атаки изложен настолько, насколько солдату и его непосредственным руководителям знать нужно, чтобы находить ее делом нетрудным: «Ров не глубок, вал не высок: бросься в ров, скачи через вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в плен, помни отрезывать! Впрочем, последнее подручнее для конницы. В Праге отрезала пехота, потому что кавалерии негде было ни пройти, ни действовать — мешали тройные, большие окопы и целая крепость».

Штурм. Ломи через засеки, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги! Прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы! Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам! Колонны, лети через стены на вал, скалывай! На валу вытягивай линию! Караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице! Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо: недосуг за этим ходить! Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах! Конница, руби! В дома не ходи, бей на площадях; штурмуй, где неприятель засел! Занимай площадь, ставь гаубтвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазейнам! Неприятель сдался — пощада! Стена занята — на добычь!

В этом пункте изложена последовательность штурма на укрепление, усиленное засеками, волчьими ямами, палисадом на прикрытом пути и каменной одеждой отлогостей рва. Текст так энергичен и краток, что не мог не остаться

в памяти последнего солдата; так обстоятелен, что к нему нечего больше прибавить, а остается вставить некоторые пропуски против повествовательного изложения, которые при изложении, принятом Суворовым, подразумеваются сами собою: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы (то и другое устраивается перед гласисом или на гласисе), быстро беги (к гребню гласиса)! Прыгай через палисады, бросай фашины в ров! Спускайся в ров, ставь лестницы (к эскарпу — отлогость рва, обращенная в поле), между тем стрелки — действуй по неприятелю. Колонны лети (по лестницам) через стены на вал, коли и опрокидывай неприятеля, выстраивайся на валу в линию (чтобы дать время подойти задним) и приставляй караулы к пороховым погребам (в валганге); отворяй ворота коннице. Как только неприятель обратится в бегство в город, оборотить его орудия по нем и открыть частую, но короткую ружейную и пушечную пальбу вдоль улиц: много на это времени терять некогда. По приказанию спускаться в город, резать неприятеля на улицах, конница руби! — в дома не ходи, а бей на площадях (чтобы люди не рассыпались и не увлеклись штурмом домов, а также добычей), штурмуй, где неприятель засел (т.е. где преградил путь к тем открытым местам, с которых его сбить нужно прежде всего). Заняв площадь, поставь караул и от него вмиг пикеты к воротам, погребам, магазинам! Как только неприятель сдался, бесполезной резни не продолжать, а, заняв всю стену, — на добычу».

ТРИ ВОИНСКИЕ ИСКУССТВА

Первое — *глазомер*: как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить. Второе — *быстрота*!

Все в военном деле действительно зависит от глазомера и от быстроты. Теория может сказать только, какими средствами можно достигать целей, но что именно нужно сделать в известном случае и в какую именно минуту сделать — может решить только опытный глаз. Значение быстроты определяется тем в особенности, что при ее помощи достигается неожиданность как собственно в атаке, так и в появлении перед неприятелем; а известно, какое впечатление производит неожиданность.

Кроме того, быстрота может вознаградить до некоторой степени недостаток в силах: положим, у неприятеля разбросан на двух переходах 10-ти тысячный отряд; у вас на таком же расстоянии 5 тысяч. Если, благодаря быстроте, ваш отряд сосредоточится раньше неприятельского, он получит возможность разбить отряд неприятельский по частям и, следовательно, достигнуть такого же результата, какого достиг бы, будучи в превосходных силах. Вообще быстрота дает возможность застигнуть неприятеля врасплох (принимая это слово и в тесном, и в обширном смысле), следовательно, доставляет такие минуты для удара, каких не может подготовить никакая артиллерия.

Поход: полевой артиллерии от полу- до версты впереди, чтобы спускам и подъемам не мешала. Колонна сблизится, — она опять выиграет свое место. Под гору сошед, на равнине — на рысях. Марш по рядам или по четыре для тесной дороги или улицы, для узкого мосту, для водяных или болотных мест по тропинкам; и только, когда атаковать неприятеля, взводами, чтоб хвост сократить.

Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни. Бей барабан, музыка греми! Десяток отломал — первый взвод, снимай ветры, ложись! За ним второй взвод. И так взвод за взводом; первые задних не жди! Линия в колонне на марше растянется: коли по четыре, то в полтора, а по рядам — вдвое. Стояла на шагу — идет на двух; стояла на одной версте — растянется на две; стояла на двух — растянется на четыре! То досталось бы первым взводам ждать последних полчаса попустому.

На первом десятке отдыху час. Первый взвод вспрыгнул, надел ветры, бежит вперед десять, пятнадцать шагов; а на марше, прошед узкое место на гору, или под гору — от пятнадцати до пятидесяти шагов. И так взвод за взводом, чтоб задние между тем отдохали.

Второй десяток — отбой! Отдыху — час и больше. Коли третий переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, или полчаса, или и четверть часа, чтоб ребятам поспеть скорее к кашам! Это — для пехоты!

Причина такой большой дистанции между артиллерией и пехотой на походе заключалась в тогдашней неудобоподвижности артиллерии. Особенно это было чувствительно при спусках и подъемах, на что и сделан намек в разбираемом пункте. Пехота ходит походом по рядам или по четыре и только перед построением в боевой порядок должна была выстраивать взводы, «чтобы хвост сократить».

Далее излагается совершение самого походного движения с наименьшим утомлением и скукой для людей. Из него видно, как внимательно Суворов принимал в расчет ту особенность, что в человеке все зависит от нравственного настроения. Всякому, делавшему походные движения, особенно пешком, известно, до какой степени они тяжелы и утомительны именно своей монотонностью. Чтобы ее избежать, Суворов приказывает: «Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни, бей барабан, музыка греми — десяток отломал! (т.е. десяти верст как не бывало). По приходе на привал первый взвод снимает ветры и ложится; за ним следующие, не ожидая задних взводов». Далее объясняется, и для Суворова даже весьма пространно, почему не должно заставлять передних ждать, пока подтянутся задние. Вероятно, и во времена Суворова были люди, которые, не задумываясь, утомляли солдата в видах достижения бесполезной стройности и одновременности исполнения. Распространившись об этом, Суворов, конечно, имел в виду подобных любителей порядка для порядка. Но что это за ветер, который Суворов приказывает снимать по приходе на привал? Это — ранец, который по самому умеренному определению весит около 20 фунтов. Нетрудно понять, чем лежит этот «ветер» на спине, протащившей его переход. Нужно, следовательно, расположить солдата не только не задумываться над этим, а напротив, шутить, бодриться, находить, что эта тяжесть ему нипочем, что она не тяжелее ветра. И когда Суворов находил, что ранец — ветер, протаскав его сам семь лет, то как же мог не находить этого солдат, жадно прислушивавшийся ко всякой его остроте, замечке, веровавший в него, как в Бога? Всякому известно, что одна и та же тяжесть и лишение обременяют не одинаково: что это зависит от того настроения, с которым они принимаются. Стоит, например, уверить себя при небольшой беде, что это несчастье, из которого нет выхода, — и она

действительно вырастет до таких размеров, и человек раскиснет и у него отнимутся руки. Стоит, наоборот, принимать шутя действительно тяжелые положения, и они не задавят человека. Суворов остротами вроде «ветра» заставлял солдат шутя и весело смотреть на тяжелые стороны их службы, а кто шутит, кто весел, тот не злится, тот не падает духом.

Конница своим походом вперед! С коней долой! Отдыхает мало и свыше десятка, чтоб дать коням в лагере выстояться! Кашеварные повозки вперед и с палаточными ящиками! Братцы пришли, к каше поспели! Артельный староста: к кашам! На завтраке отдых четыре часа. То ж самое к ночлегу отдых шесть часов и до осьми, какова дорога. А сближаясь к неприятелю, котлы с припасами сноровлены к палаточным ящикам, дрова запасены на оных.

По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух и трехстах, и больше: вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй с чем Бог послал! Конница начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят Братцы!

То есть конница идет впереди пехоты; отдыхает, пройдя более десяти верст, но мало, чтобы дать коням выстояться на ночлеге. Кашевары с артельными повозками и палаточными ящиками (тогда в каждом ночлеге разбивали палатки) предшествуют движению (когда неприятель еще далеко). Братцы (т.е. конница) пришли, каша готова, артельный староста сзывает на кашу. На привале отдых четыре часа (первая варка), на ночлеге от шести до осьми. При движении вблизи от неприятеля котлы и дрова кладутся на палаточные ящики (т.е. артельные повозки остаются в тылу).

Суворов заключает этот отдел указанием на выгоды быстрого движения и опять не упускает случая довести дело до конца: «Атакуй с чем Бог послал; конница начинай, руби, коли, гони, отрезывай, не упускай; ура! Чудеса творят Братцы» (т.е. конница может делать чудеса). Этим собственно обрисована завязка дела конницей авангарда. Затем следует перестроение в боевой порядок и атака главных сил.

Третье — *натиск*. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да Русского штыка не знает! Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем! Недосуг вытягивать линии — подвиг из закрытого, из тесного места. Коли, пехота, — в штыки! Конница тут и есть. Ущелья на версту нет, картечи через голову — пушки твои! Обыкновенно конница врывается прежде, пехота за ней бежит — только везде строй! Конница должна действовать всюду, как пехота, исключая зыби; там кони на подводах! Казаки везде пролезут. В окончательной победе, конница, гони, руби! Конница займется, пехота не отстает. В двух шеренгах сила, в трех—полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

«Третье — натиск! Дружно иди, выручай товарищей! На пальбу много времени не трать — много людей гибнет: неприятель тоже стреляет, но штыком не так работает, как мы. Поэтому, построив боевой порядок, тотчас же в штыки. Если место не позволяет развернуться, то тоже в штыки и из тесного места. Если нет (т.е. если не решиться на атаку), картечью много неприятель погубит. А решился на атаку — пушки твои. Конница врывается прежде, за ней бежит пехота, но не рассыпаясь. Конница должна действовать везде, где действует и пехота. Казаки везде пролезут. В окончательном преследовании конница гонит и рубит, а если остановлена, пехота, ее поддерживает». («Конница займется» — на языке Суворова не существовало слова «остановлена»; занятою конница может быть, но остановлена быть не может.)

Заключение этого пункта — энергическая фраза, которая еще раз обрисовывает двумя, тремя штрихами сцену решительной, последней резни.

Бойся богадельни! Немецкие лекарственницы издалека, тухлые, всплошь бессильны и вредны. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог! Береги здоровье! Чисти желудок, коли засорился. Голод — лучшее лекарство! Кто не бережет людей — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору — палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок, есть хочется — на закате солнышка немного пустой кашки с хлебцем, а крепкому желудку — буквица в теплой воде или корень коневого щавеля. Помните, господа, полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского: «В горячке ничего не ешь, хоть до двенадцати дней, а пей солдатский квас: то и лекарство! А в лихорадке не пей, не ешь: штраф! — за что себя не берег!»

Богадельни: первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третий день ее, братец, домовище к себе и тащит! Один умирает, десятеро товарищей хлеблют его смертный дых. В лагере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях: воздух чище. Хоть без лазарету и без больных вовсе быть нельзя: тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть — купить сверх того и на протчие выгоды без прихотей.

Все это не важно: мы умеем себя беречь! Где умирает от ста один человек, а у нас и от пятисот в месяц меньше умрет. Здоровому — питье, еда; больному же — воздух, питье, еда. Богатыри! Неприятель от вас дрожит! Да есть неприятель больше и богадельни: проклятая немогузнайка! Намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка, бестолковка. Хличка, чтоб бестолково и выговаривать: край прикак, а фок, вайрках, рок, ад и проч., и проч. Стыдно сказать! От немогузнайки много, много беды!!

Этот отдел так ясен, что его и перелагать нечего. Всякому понаслышке, если не из дела известно, что делается в госпиталях, особенно в военное время. И до какой степени верно выражение Суворова насчет «смертного дыха». Да и в мирное время нельзя сказать, чтобы воздух был в госпиталях совершенно чист. Суворов, делая то наставление, не только строго был верен действительности, но и отвечал сокровенным инстинктам русского простолюдина, который к лазаретам относится с большим недоверием. Не рискуя навлечь упрека в сильном преувеличении, можно предположить, что если бы хотя половину издержек на госпитали употребить на улучшение довольствия солдата, больных, вероятно, было бы меньше. Болезнь лечить часто бывает поздно, когда она так развивается, что выходит наружу; гораздо лучше и рациональнее заботиться об укреплении организма для противодействия причинам, рождающим болезни. Суворов заключает этот пункт своим знаменитым опозорением немогузнайства; это подбор слов, определяющий немогузнайство во всех его видах и кончающийся словами, уже совершенно непонятными. Только насчет первого из них (край прикак) можно догадываться, а не составляет ли оно пародии на «как прикажете?» — фраза, за почтительным щитом которой нерешительность и страх ответственности часто находят себе такое верное и спокойное убежище.

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От Него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал!

За немогузнайку офицеру арест. А штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный.

Ученье — свет, а неученье — тьма! Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохой владеть — хлеб не родится! За ученого трех неученых дают. Нам мало трех: давай нам шесть, давай нам десять на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем! Последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто; он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли! Вот, братцы, воинское обучение! Господа Офицеры, какой восторг!

Примечание. По окончании сего разговора Фельдмаршал сам командует: к паролю! С обеих крыл, часовые, вперед! Ступай! На караул!

По отдаче Генералитету или иным пароля, лозунга и сигнала следует похвала или в чем хула вахт-параду. Потом громогласно:

Субординация (Послушание), Экзерциция (Обучение), Дисциплина (Ордер воинский), Чистота, Здоровье, Опрятность, Бодрость, Смелость, Храбрость, Победа! Слава, слава, слава!

Суворов заключает свою «Науку» перечислением качеств, необходимых солдату, и опять обращает преимущественное внимание на нравственную сторону (храбрость, твердость, решимость, справедливость, религиозность). Заметив, что за ученого трех неученых дают, он прибавляет: «Нам мало трех, давай нам шесть, давай нам десять на одного — всех побьем, повалим, в плен заберем». В устах Суворова это была не пустая бравада, а святая истина; и высказанная так энергически она не могла не запасть глубоко в душу солдата, приготовленного принимать наставления и доверием, и любовью к начальнику, и победами его. Затем приводится и исторический (!) пример, «как в последнюю кампанию неприятель потерял считанных семьдесят пять тысяч, между тем как мы и одной полной тысячи не потеряли». Это преувеличение нельзя судить с точки зрения пошлого благоразумия и обыденной правдивости; не должно забывать, что Суворов обращался с этими словами к людям со складом эпическим, т.е. с тем, при котором ничего невероятного нет, если один богатырь уложит и десятки тысяч. А тут ведь дело идет не об одном богатыре, а о целой армии богатырей.

Наконец, по отдаче пароля еще раз напоминает, какие качества нужны военному человеку и что следствием их должна быть неминуемо «победа, слава, слава, слава!».

Этого перечня опять нельзя анализировать, а должно рассматривать целиком, судить по общему впечатлению, которое он должен был производить на массы: это впечатление вполне отвечает тому, чего Суворов старался добиться от солдата. Он знал, что в обращении к массам важно не столько логическое построение, сколько музыка речи, и этим превосходно пользовался. Что он это понимал и что именно такого рода эффект имел в виду при последнем перечне, доказательством может служить инструкция австрийцам, которая прямо заканчивается советом, что после учения не худо сказать солдатам какую-нибудь сильную речь... Но легкое для него, составляет непреодолимую трудность для большинства. Нужно так знать солдата, как знал его Суворов, нужно слиться с ним душой и телом так, как Суворов; тогда и только тогда развяжется язык и польются эти бессвязные с виду слова, которые электрической искрой пронизывают массы и делают из них одно существо, полное необузданной храбрости и беззаветного самоотвержения, существо, совершающее великие дела, потому что идет на смерть без колебаний, без сожаления, без оглядки назад, и которое смотрит на эти дела даже не как на подвиг, а просто как на исполнение долга и воли любимого вождя. Чтобы приобрести эту магическую власть над себе подобными, даже и Суворову, при врожденных способностях, нужно было семь лет прослужить солдатом. В этой суровой школе он понял, что для управления массами нужно по-ихнему спать, есть, одеваться, думать, говорить; раз это поняв, он, несмотря на возвышение, сохранил тот же образ жизни, тот же склад мысли до такой степени, что не только с солдатами, но и в других своих сношениях он был и в слове, и в письме столь же кратким, отрывочным, энергическим, как в своей «Науке». Слившись таким образом с массой, он не мог на нее не действовать. Ибо и сам сделался человеком массы. И масса отблагодарила его за это: и доверием, и безграничной преданностью, и тем, наконец, что предание о Суворове живет до сих пор и долго еще будет жить в памяти русского солдата.

ИНСТРУКЦИЯ И ПРИКАЗЫ ПО ОБУЧЕНИЮ АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ (1798–1799 гг.)

Инструкция

Австрийцы должны держаться, не опасаясь за Рагузу, ниже за Триест, хотя бы даже угрожала им война тридцатилетняя. Обстоятельства меняются, как и их оружие, чего не могу я сказать про себя, привержен будучи к холодному оружию.

Англичане на суше слабы, хотя берега свои защищать умеют. Но какой перевес на море! Во Франции высаживаться им не надобно; колонии же пусть занимают по-прежнему. Они слишком расплывают свои силы на Канале и на Средиземном море, действуя оборонительно, между тем как силы их обязывают к наступательной тактике. Тут — ошибка Нельсона: слишком много пунктов охраняет. Надобно быть настойчивее.

Саксония должна оставаться нейтральной, чего нельзя сказать про Баварию и прочих принцев империи вплоть до Ганновера.

Турки, даже лишившись Греции, тем более не преминут начать войну, пленившись мечтами о Крыме и прочем, что им обещано, меж тем в дальнейшем земли сии получают свободу.

Россия встретится с некоторыми затруднениями со стороны Персии, но это пустяки. Постараются поднять против нее Кабарду, также и черкесов.

Против Швеции потребно ей 24.000 штыков, с резервами и подвижных. На море она не в пример сильнее, сокрушит шведский флот, а излишки судов передаст англичанам.

Дания более выиграет, схватившись со шведами, чем ежели на риск пойдет в другом месте. Ежели не станет помогать англичанам, так пускай хранит нейтралитет, оно всего лучше.

Пруссии и кабинету ее на руку Австрию ослабить, а русскую гидру сразить. Король будет с французами. Обе державы на него легко нападут с 60.000 человек каждая, ежели не будет он на их стороне или нейтральным.

Со времени последней войны у турок не хватает людей, разве что Франция поддержит; Россия победит их с 60.000, да 30.000 резерва. У флота ее стоянка Севастополь.

Австрийцы и русские будут действовать против Франции со 100.000 человек каждые, имея в принципе:

Только наступление.

Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие.

Никакой методичности при хорошем глаз-мере.

Полная власть генералу-аншефу.

Атаковать и бить противника в открытом поле.

Не терять времени на осаду за исключением, например, Майнца, как основного пункта; иногда действовать обсервационным корпусом, блокадой, брать скорее крепости штурмом и сразу живой силой; так имеешь меньше потерь.

Никогда не расплывать силы для сохранения различных пунктов. В случае, если противник их минует, это тем лучше, ибо он приближается, чтоб быть битым.

Итак, нужен только обсервационный корпус на Страсбург, да еще подвижной корпус на Люксембург. Его острие продвинуть с непрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта, не останавливаясь в Ландау, разве что оставить там кой-кого для наблюдения, чтобы иметь свободным тыл, но не для отступления, о чем и думать не следует, а для обозов. Никогда не перегружать себя бесплодными маневрами, контр-маршами или так называемыми военными хитростями, кои годятся лишь для бедных академиков.

Италия, Нидерланды легко последуют за Парижем. Король Сардинский скажет свое слово. В Италии немало осталось горячих голов, а прочие — за благо общественное.

Неаполитанский король воспрянет, англичане очистят Средиземное море, никаких отсрочек, ложной предосторожности и зависти — кабинету и министерству показать голову Медузы. Народятся еще Евгений и Мальборо вослед Суворову и Кобургу.

Приказы

I

Обучаться пехоте на пехоту, кавалерии на кавалерию, кавалерии на пехоту, пехоте на кавалерию. Пехота, стоя на месте, стреляет по наступающей пехоте с 60 шагов, а на 30 сама бросается в штыки. В атаке действовать холодным оружием. Употреблять всегда шаг военный — в аршин, в захождении — полтора аршина; сблизившись с неприятельскою пехотою на 80 сажень — пробежать вперед до 15 шагов, а кавалерии — карьером, на 30 сажень — через картечную черту тяжелой артиллерии, чтобы летела картечь сверж головы; то же самое на 60

саженях против полковой артиллерии. Черта верного ружейного выстрела — 60 шагов; расстояние это уже пробегут со штыками. На том же основании действует и кавалерия.

II

В строю становиться по локтю. Повороты и депоирование в обыкновенных случаях делать скорым шагом.

Движение производить в колонне повзводно, справа или слева. Шаг в аршин, при захождении — полтора.

Фронт выстраивать захождением повзводно.

Готовься к атаке! — тут пальба взводами недолго.

По команде *готовься* люди задней шеренги отскакивают в сторону вправо и становятся в две шеренги, а потом вскакивают опять на прежние места. Всем этим заниматься недолго.

По сигналу *марш, вперед*, линии двигаются полным шагом и живо. — *Ружье в правую руку!* — Штыки держать вкось без помощи ремня. Как дойдет до рукопашного, — если на кавалерию, то колоть штыком и лошадь, и человека; если на пехоту, то штык держать ниже и ближе обеими руками. На 80 саженьях картечный выстрел из больших орудий, — пехота пробежит вперед до 15 шагов; то же самое — на 60 саженьях, когда картечь из малых пушек. Неприятельская картечь летит поверх головы.

Когда линия в 60 шагах от неприятеля — офицеры с флангов выбегают вперед: «ура Франц!», рядовые вперед — и неприятеля колют... Тут уже только кровь!

III

Штыком может один человек заколоть троих, где четверых, а сотня пуль летит на воздух. Казаки должны всегда держаться за кавалерией, их быстрота довершает победу, и как только неприятель сбит, то ни один человек не спасется.

Быстрота и натиск — душа настоящей войны. Бегущего неприятеля истребляет одно преследование.

Победителю прилично великодушие. Бегущий неприятель охотно принимает пардон. Смерть или плен — все одно*.

Пища поддерживает силы человека. В случаях особенных надо довольствоваться малым. Кавалерия сама снабжает себя фуражом.

IV

Казаков надобно ставить вслед за пехотой, полками или сотнями, чтобы немедленно преследовать неприятеля, лишь только начнет отступать.

В боевом порядке казаки должны строиться, смотря по местности, малыми или крупными частями, или позади линии или по флангам. Как только неприятельская линия сбита, казаки по своей скорости отлично преследуют и в особенности забирают пленных. Иногда должны они кричать неприятелю: *пардон, пардон!*

V

Когда неприятель бежит, то его провожают ружейным огнем. Он не стреляет, не прикладывается, не заряжает. Много неудобств спастись бегством.

Когда же за ним штыки, то он еще реже стреляет; а потому не останавливаться, а ускорять его бегство штыками.

День готовится к маневрам. С утра упражняться штыками и саблями. По временам производить натиск пехоте против пехоты, кавалерии против кавалерии, кавалерии против пехоты, пехоте против кавалерии; поодиночке, повзводно, ротами, эскадронами, батальонами, полками, как признается удобнее. Особенно же следует беречь лошадей; человек лучше отдыхает.

VI

В каждой из двух линий, а частью и в резерве должны быть значительные интервалы. Конная артиллерия стреляет, смело наступая, совершенно независимо от направления линий. Конная артиллерия скачет вперед, как сама хочет. Вместо рассыпанных застрельщиков в каждом капральстве иметь по 4 хороших стрелка. Они стреляют в ранжире (в своем ряду и в шеренге); а могут также несколько и выбегать вперед. Только не терять напрасно пуль.

Когда обе противные армии находятся в расстоянии хорошего пушечного выстрела, то атакующие линии идут на противника. Подойдя на 80 сажень, то есть к черте хорошего картечного выстрела — до того линии шли скорым шагом в аршин и даже в полтора — бегут вперед до 15 или 30 сажень от неприятельских пушек, чтобы картечь летела сверх головы; то же

* Т.е. «но для вас смерть или плен должно быть одно». Своим Суворов этого не говорил, потому что был в них уверен; на чужих не надеялся и предупреждал, что располагать неприятеля к пардону или самому просить пардона не одно и то же.

самое начинать с 60 сажень или 180 шагов пред полковыми орудиями; последние 60 шагов от неприятельского фронта, то есть расстояние верного ружейного выстрела, пробегают со штыками, колют, кричат: *vivat Franz!* — а обер- и унтер-офицеры: *коли, коли!*

Армия, стоящая на месте, открывает действие пушками. Ружейный огонь плутонгами начинается с 60 или 80 шагов, а когда противник подойдет на 30 шагов, то стоящая армия сама двигается вперед и встречает атакующую армию штыками. Штыки держать плоско, правую рукою, а колоть с помощью левой. При случае не мешает и прикладом в грудь или по голове.

В этом и весь секрет: пехота проходит сквозь пехоту и кавалерию; кавалерия — сквозь пехоту и кавалерию; а как только все прошли насквозь, — строятся линии опять на прежнем расстоянии, где и командовать *стой!* — Задняя линия проходит сквозь переднюю, и *налево кругом!* Кавалерия *по четыре налево кругом!* — тут уже станут на заднюю шеренгу.

Тот же самый маневр повторяется снова. Армия, которая прежде была атакующей, теперь уже стоит на месте, а стоявшая прежде — теперь атакует и то же самое наблюдает. — *Vinci!*

Не худо сказать солдатам какую-нибудь сильную речь, и затем — по домам.

VII

План операционный: в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет времени. В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов; будущие же предприятия определять вперед на сутки или на двое.

Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причине даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан.

Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайšie места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторого рода понятие о возвышениях (горах)*.

Объяснение М.И. Драгомирова к суворовской «Науке побеждать»

Наука, или умение побеждать не была издана при жизни ее великого автора, не вызвала также комментариев со стороны тех, которые обучали или обучались ей под наблюдением самого Суворова. Поэтому в настоящее время она почти была бы непонятна, если бы благодаря Итальянской кампании 1799 года Суворов не считал за необходимое преподавать ее и австрийцам. В приказах, обыкновенно весьма коротеньких, он сообщил основные положения своей «Науки», и эти-то приказы служат к ней превосходным комментарием. Но и в них, верный своей системе, Суворов говорит, что нужно делать, весьма редко вдаваясь в объяснения *того, почему нужно*, представляя самому делу оправдать разумность требований. Решаюсь приложить посильное объяснение этого «почему». Не претендую не только на непогрешимость, но даже на удовлетворительность этих объяснений. Взвзявшись за них, я руководился не столько самонадеянной претензией объяснить безошибочно «Науку побеждать», сколько желанием притянуть внимание читающих и пишущих военных к этому, на первый взгляд странному, произведению нашего великого военного педагога. Именно благодаря этой странности «Наука» глубоко западала в душу простого человека, так что некоторые афоризмы ее обратились в военные поговорки не только у нас, но даже у других, несмотря на то что «Наука», непонятая, была донныне забыта и заброшена.

Что же было причиною того, что она была забыта и заброшена? Невольно задаешь себе этот вопрос, мало-мальски вчитавшись в странное произведение гениального старика, все созданное на глубоком понимании нравственной стороны человека и тех изменений, которые в ней происходят под влиянием опасности. Это великое достоинство было первой причиною того, что «Наука» не была понята. Не раз было уже замечено противоречие мирной и военной логики; замечено было также и то, что в мирное время первая, будучи более осязаемая, влечет к себе больше и заставляет забывать положение человека в бою, а следовательно, и боевые требования. Ясно, что всякое сочинение, имеющее в виду исключительно последние, поэтому уже рискует остаться надолго непонятым, а следовательно, и заброшенным.

«Наука побеждать» состоит вся из отрывочных фраз; это, по моему мнению, было также причиною, почему она пришлась так по сердцу солдатам и не возбудила никакого интереса в современных Суворову образованных или имевших на то претензии военных людях.

Известно, что современники считали Суворова гораздо больше счастливым чудачком, нежели человеком, действительно имевшим божественную искру военного гения. С этой точки они смотрели и на его науку, и на его победы. Последние так резко вырывались из современной рутин, основаны были на таком простом начале, что тогдашним ученым, искавшим во всем хитростей, не могли показаться ничем иным, кроме счастливых случайностей.

В чем заключалось это простое начало? Заключалось оно в том, что если в армии *нравственная упругость* не только не подорвана, а, напротив, по возможности развита, можно решаться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачу; можно решаться даже и не при возможно лучшем плане исполнения. То же начало

* Этот приказ особенно замечателен, составляя свидетельство того, до какой степени Суворов заботился, чтобы даже последний солдат участвовал в военных действиях не одними руками или ногами, а и головой. Он понимал, что руки более или менее усердно работают, ноги более или менее толково ходят в зависимости не от того, насколько они были напрактикованы, а от того, что думает голова, как бьется сердце.

составляет основание и «Науки». Суворов превосходно понимал ту простую вещь, что на быструю решимость может быть способен почти всякий человек (за исключением людей с исключительно теоретическим складом ума); на решимость же лучшую в данных обстоятельствах, и в то же время быструю, может быть способен только обладающий от природы военными дарованиями. Поэтому он и стремился прежде всего к развитию способности решаться быстро, т.е. того, что может быть выработано в самых обыкновенных натурах. Гениальные военные люди рождаются веками, а войны случаются чуть не каждое десятилетие; Суворов воспитывал армию так, чтобы она достигала цели даже и в не совсем ловких, лишь бы только решительных руках.

К высказанным причинам, не особенно способствовавшим тому, чтобы заставить образованную часть екатерининского военного общества внимательнее отнестись к «Науке», присоединилась вскоре и другая — увлечение внешними приемами фридриховского воспитания армии, мертвящее влияние которых известно всякому.

Система Фридриха явилась вполне законченною; явилась на западе Европы, а это одно и по настоящее еще время зачастую составляет у нас неоспоримый аргумент пользы и разумности; она была узка и поэтому осязательнее логична, доступнее для понимания большинства; с нею не могла бороться система другая, охватывавшая ровно и нравственную, и физическую природу солдата, но в которой было мало определенности, в которой, по новизне, личный произвол даже не довольно резко отделялся от личной инициативы (которая есть тоже произвол, но только устремленный на пользу дела и службы). Екатерининское воспитание армии, чуждое всякой регламентации, представляло начальнику, более или менее с авторитетом, вести дело по своему усмотрению. Это было и хорошо, и дурно: хорошо — потому что развязывало руки таким людям, как Суворов; дурно — потому что, развязывая руки на хорошее, такой порядок вещей развязывал их и на дурное. При подобном положении никакой законченной системы возникнуть не могло; лучшие вдохновения гения являлись не более как личным капризом и тем менее представляли задатков на долговечность, чем глубже нужно было вдуматься, чтобы их понять. В это-то время широкого, полного, но беспорядочного развития приходит из-за моря система, в которой все размерено на вершки и дюймы, от подъема носка и до длины косы; которая не только не требует от военного человека нравственной самостоятельности, а, напротив, считает ее вещь совершенно излишнею, если не вредною, в его ремесле; система, которая освящена блестящими победами полководца, действительно великого: она должна была победить.

Что приемы Суворова были верны, доказала армия, воспитанная им: для нее неожиданностей не существовало, она не могла быть застигнута врасплох, она, наконец, отличалась духом такого высокого упорства, что в самых отчаянных положениях не только не падала духом, но не допускала даже мысли, что может не победить врага. Замечательно, что несмотря на очевидно великую способность Суворова воспитывать армию для боя, несмотря на всеобщую известность его «Науки побеждать», никому в голову не пришло потребовать от Суворова изложения его системы в виде, более доступном для понимания большинства, — так мало было к нему доверия, да и понимания его тоже. И только теперь, через 70 с лишком лет (1875 г. — *Сост.*), начинают немного понимать, до какой степени много в его манере воспитания глубоко верного в военном отношении, глубоко отвечающего инстинктам масс.

«Наука побеждать» принадлежит к числу тех произведений, в которых может стареть форма, но дух остается вечно юным и неизменным, как неизменна нравственная природа человека. Может меняться оружие, а вместе с ним и формы действий; но руки, которые действуют оружием, но сердце, которое приводит эти руки в движение, вечно останутся одни и те же.

СВЯТЫНЯ ЧЕСТИ

Русская армия искони была школой русской патриотической верности, русской чести и стойкости... Ныне наша Родина нуждается прежде всего в честной верности... Дорогу честности! Дорогу знанию и талантам! Дорогу русскому гению!

Россия будет существовать, расти и цвести, если в ней воцарится дух чести, служения и верности.

И. Ильин

Честь... Это высокое слово трудно поддается рациональному объяснению, но именно в нем таится источник побед, воинского духа, верного развития армии и ее офицерского корпуса. Пока в военной среде честь свято хранима — армия неустранима и непоколебима в своих основаниях, способна на невозможное, сохраняет привычку к великим усилиям.

Из воинской чести, этого неиссякаемого родника, питалась военная служба Суворова и Драгомирова, ставшая для них служением, делом чести. Именно мотив чести побуждал Суворова быть «достойным офицером», действовать во имя общего блага Отечества, свершать великие победы во славу русского оружия «хоть в бездне океана». И для Драгомирова честь — главный предмет воинского воспитания, основа благородного и безошибочного поведения.

Этический кодекс (позицию чести) Суворова и Драгомирова, как и в целом офицерского корпуса «старой русской армии», можно выразить следующими установками и положениями.

А. СУВОРОВ:

«ВЕРНОСТЬ И РЕВНОСТЬ МОЯ К ВЫСОЧАЙШЕЙ СЛУЖБЕ ОСНОВАНА НА МОЕЙ ЧЕСТИ»

- Российский офицер — это прежде всего «честный человек»: благочестивый, добродетельный, честолобивый, достойный «по своим испытанным качествам» высокого офицерского звания («истина благосклонна одному достоинству»). Честь для него «всего дороже, покровитель ей Бог». Служит он не из-за собственных видов, не из-за амбиций и корысти, но — «из чести» и ради общего блага («жертвует собою для блага Отечества и человечества»). «Соблюдая отечественность в общем благе», офицер «творит добро», «предотвращает нравственное зло», остерегается «ложного патриотства». Долг честного офицера — служить России «верой и правдой» («и сим посраим врагов наших»), быть «для Отечества добродетельным», трудиться на благо и славу России, всегда помнить о том, что «мы не французы и не пруссаки, мы русские», Отечество для нас свято, мы не можем быть «наемниками или преторианцами», для которых «Россия — хоть трава не расти»*.

Потомство мое, прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славу через истину и добродетель, которые суть моим символом. *(Из автобиографии А.В. Суворова.)*

* * *

Титул сему угнетению — себя не унижить. Вы знаете меня, унижу ль я себя? Лутче голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести: смертями 500-ми научился смерти не бояцца. Верность и ревность моя к Высочайшей службе основана на моей чести. Все подлинно химера; но пренебрежение тако ж восходит по степеням... Оставить службу рад, удалюсь мирских сует — говорю по чувствам: но, как одушевленный, оставить службу — грех! *(Из письма А.В. Суворова П.И. Турчанинову. 9 ноября 1781 г.)*

* * *

Я уступал Судьбе, Россия службою моею питалась, Вашею питатца будет, по критическим обстоятельствам достоинствами Вашими Вы вечно прославитесь. Из рога изобилия Высочайшего престола изтекут Вам милости выше Вашего ожидания. Светлейший Князь его покровительством уважит Ваши заслуги. Будьте с Адмиралом на образ консулей, которые древле их честь жертвовали чести Рима... Кончите толь важную экспедицию, обстоятельства подвержены переменам, кампания начинается, в продолжение оной много Вам времени соорудить Ваши мысли; здравой разумок не дозволяет решитца стремглав и дать своим страстям над собою область. Теперь храброго и честного человека долг избавить Кинбурн предосуждения, поразить неверных и увенчатца победами. *(Из письма А.В. Суворова лейтенанту Флота П.П. Алексиано по поводу желаня последнего оставить русскую службу. 25 мая 1788 г.)*

* Мысли Суворова в обобщенном изложении даются крупным шрифтом, его авторский текст — мелким. — *Сост.*

* * *

В войне готовься к миру, в мире готовься к войне: сочиняй армии, она мне принадлежит. И великий Кобург мерсинер, но ни я, ни русские — они отечественники; различие иностранных правлений, с российскими. Мерсинеров больше усмотрите в войне Александрии... В нравственности Вы верны. Естественность ищите в Отечестве. *(Из письма А.В. Суворова Д.И. Хвостову. 29 декабря 1796 г.)*

* * *

Совесть мне воспрещает надеть военной пояс против герба России, которой я столько служил. Разве без головы или прусский в прусской службе. Здесь Александру Дмитриевичу кокард Петра Великого, который я носил и не оставлю до кончины моей... Я Генерал Генералов. Тако не в общем генералитете. Я не пожалован [в фельдмаршалы] при пароле. Мою тактику прусские принимают, а старую, протухлую, оставляют: от сего французские их били. Пусть политика, того выше демиркация. Не зная моей тактики, Вурумзер есть в опасности. Я, Боже избавь, никогда против Отечества... Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно. *(Из писем А.В. Суворова Д.И. Хвостову. Январь 1797 г.)*

• «Мы русские. Бог нас водит, Он нам генерал». Российский офицер обязан быть победителем. Долг чести, служба «из-за чести», честолюбие побуждают его неустанно поддерживать бодрость духа, действовать смело и решительно (наступательно), «наипервейше стараться о военных успехах», направлять и внушать мужество к скорым победам, добиваться их с малым уроном для своих войск; не ввязываться в сомнительные сражения и не допускать поражений (бесчестья) даже в безвыходных ситуациях; в случае оплошности тут же исправлять ее. Особенно оскорбительны и постыдны для офицера (и вредны для дела) «бесплодное геройство», «безрассудные действия», «партизанство», сикурсы и ретирады, малодушие и леноумость, трусость и позорная робость, немогузнайство и невежество, другие проявления слабости духа, унижительные для порядочного человека, угрожающие чести и достоинству России, подрывающие славу русского оружия.

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство. Чего ради не должно ли пеших единожды в нем полученное знание не токмо содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять?.. *(Из «Полкового учреждения». 1764–1765 гг.)*

* * *

Господам деташементным командирам, как и протчим господам офицерам, быть в партиях и на их постах в надлежащей воинской осторожности, ибо по должности моей я, как за храбрые совокупленные воинским искусством дела похвалять и вышнему генералитету рекомендовать непримину, так и за неосторожность, от коих бывает неудачливый конец, впредь взыскивать буду, но не закрывать ниже за них ответственность. *(Из приказа А.В. Суворова командирам отрядов. 7 февраля 1770 г.)*

* * *

«Сикурс» — есть слово ненадежной слабости, а «резерв» — склонности к мужественному нападению; «опасность» есть слово робкое и никогда, как и «сикурс», слово чужестранное, да на русском языке сверстание неких здешних злоумышленных бунтовников, никогда не употребляемое и от меня заказанное, а на то служит «осторожность». А кто в воинском искусстве мудр, то над сим «предосторожность», а не торопливость; свыше же резерва называется «усилие», то есть что и без сего начальник войска по его размеру искусства и храбрости сильным быть себя почитает. Сикурс, опасность и прочие вообразительные во мнениях слова служат бабам, кои боятца с печи слезть, чтоб ноги не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрячим для подлой обороны, которая по конце, худая ли, добрая, разскащиками тако же храброй называетца. *(Из письма А.В. Суворова И. Вагнеру. 25 февраля 1771 г.)*

* * *

С двух ордеров Вашего Сиятельства от 7-го и 8 сего месяца сообщил мне сюда за известие копии господин полковник князь А. Мещерский*. Ордер от 8-го, быть так, а что от 7-го — подлинно мне делает другую лихорадку. Благоволите, Ваше Сиятельство, рассудить, могу ль я уже снова над такую подлою трусливостью команду принимать и не лутче ли мне где на крыле премаячить, нежели подвергать себя фельдфебельствам и коим до стыда видеть под собою нарушающих присягу и опровергающих весь долг службы. Господин Батурич причиною всему; все оробели и до Касперова. Может ли быть такой полковник в армии Российской, не лутче ли воеводой, хоть сенатором? Я чуть имел движение... Какой это позор. Все оробели, лица не те. Бога ради, Ваше Сиятельство, сожгите письмо, опять сим напоминаю, что я здесь неприятеля не хочу и лутче все брошу, нежели бы его иметь пожелал. Каторга моя в Польше, за мое праводушие, всем разумным знакома. Есть еще, граф Иван Петрович, способ, соизвольте на время прислать к нашим молодцам потверже генерал-майора. Всякой здесь меня моложе, он может ко мне заехать. Я ему дам диспозицию (той нет у рук, что я диктовал в беспамятстве, она хороша). Прикажите ему только смело атаковать. Господина Батурина зачем-нибудь между тем отзовите, да пришлите еще пару на сие время смелых мужественных стаб-офицеров пехотных. Сегодняшняя лихорадка была, слава Богу, полегче; потерял только около 4-х часов. Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся. *(Из письма А.В. Суворова И.П. Салтыкову с возмущением отменой военным советом поиска на Туртукай. 9 июня 1773 г.)*

* * *

Неприятеля можно отрезать только с превосходным числом войска, иначе сам будешь отрезан им. Но дело другое атаковать его с тылу: тогда и с малым отрядом можно отрезать его и принудить к сдаче. Будучи победителем, Вы

* Фельдмаршал Румянцев приказал произвести поиск на Туртукай. Суворов проделал огромную работу, подготовив все необходимое для поиска, назначенного на 8 июня. Состояние здоровья не позволило ему самому осуществить намеченный план, а заместитель Суворова полковник князь Мещерский, сомневаясь в успехе, созвал военный совет и, прикрываясь его решением, отменил поиск.

остановились, засели в унтеркунфт, в унбештимтгезагт. Вы должны были, разбив неприятеля, преследовать его; в подобном случае можно и с малым отрядом отрезать противника. Вместо того, полковник С.-Жюльен предан на жертву, атакован и постиг ту самую участь, которой должен был подвергнуться неприятель... Вы имели прекрасный корпус, силою почти в 10 тысяч человек; но по неосновательным распоряжениям Вашим, я должен был отрядить к Вам со всею поспешностью более третьей части корпуса графа Бельгарда, которому назначено было действовать против неприятеля, наступающего из Тосканских владений, а посланное к Вам подкрепление не принесло ни малейшей пользы. *(Из предписания А.В. Суворова К. Гадику с выговором за невыполнение приказа о наступлении на французов при Сен-Готарде. 26 мая 1799 г.)*

- Дстойные офицеры и генералы те, которые всегда (и прежде всего в бою) сохраняют бодрость духа, действуют «наиотличнейше», проявляют неустрашимую храбрость и отменное мужество, «дальнее воинское искусство», расторопность и усердие, умело предводительствуют войсками, способны действовать по обстоятельствам и самостоятельно, служат примером для своих подчиненных.

Санкт-Петербургского карабинерного полку ротмистр Делаво сего июня 6-го числа, переправясь реку Вислу с командою на мятежников, бывших в 400 конях, делал сильный удар грудью, причем господа, подпоручик Шипулин и прапорщик Сергеев с казаками храбро на них ударили, а потом уже, бросаясь все, и гнали две мили, после чего вторично имели сражение на Климантовском поле, где и побили мятежников 40 человек и ротмистра Ставского, трех хоронжих и взяли в полон 3 хоронгвы и двух гусар. В протчем том еще господа Нашебургского полку капитан Ганибал, Суздальского — прапорщик Энтиков с егерями, Подлатчиков, то самое отлично чинили и храбро поступали, как все неустрашимое воинство всегда оказали и доказали ревностную свою Ее Императорскому Величеству службу, чем я их храбрым и неустрашимым мужеством, иным под предводительством доброго и храброго начальника делом и знающего воинского искусства, весьма доволен и сказываю им благодарность, чего и впредь не безнадешен. *(Из приказа А.В. Суворова об отличившихся в бою с конфедератами при местечке Климонтове. 17 июня 1770 г.)*

* * *

Ваше Сиятельство! Долг мой требует рекомендовать в сей экспедиции бывших, а особливо отличившихся, первое — господина пример-майора Ребока, которой как разумным своим предприятием, так мужественною храбростию преодолел везде с желаемым успехом неприятельские силы. Я полагаю, что сей подает о себе надежду быть и больших войск вождем, равно и капитан Козлов-Угренин, которой будучи сему верной помощник, оказывал себя расторопным и храбростию отличающимся, словом сказать, что сей офицер не довольно, что у меня за дежурного, но и употреблен был с надеждою в содействие противу гордости врага имени христианского и везде поступал с отменною неустрашимостию. Прапорщик же Петухов, находясь с ним впереди при гранодерах, послан был господином майором Ребоком с охотниками всегда вперед и везде преодолел и поражал встречающиеся ему кучи, которых он опровергал штыками столь отпорно, можно отдать справедливость его разуму и храбрости, чем он подает о себе и впредь надежду быть особливим для службы офицером. Капитан Братцов, находясь также все впереди пред своей ротой, подавал прямо пример к мужеству и храбрости своих подчиненных, где не меньше и разум в рассуждении предводительствовал. Тож капитан и кавалер Жданов подавал сам собою пример, поощряющий к храбрости и неустрашимости его гранодер... Так же и Астраханского пехотного полку сержант Петр Горшков заслуживает от меня в расторопности и храбрости отменную похвалу, в котором, можно смело сказать, может быть и хорошим офицером, да и все бывшие как офицеры, так и солдаты, поступали с должным как повиновением, так и усердием прямых сынов Отечества и верных Ее Императорского Величества слуг... Здесь, Ваше Сиятельство усмотреть изволите, что те самые, которые и в прежнюю Туртукайскую экспедицию за отличности свои в моем рапорте к Вашему Сиятельству упомянуты были, и ныне те ж самые не меньше, но и больше еще доказали свое ревностнейшее к Ее Императорскому Величеству и Отечеству усердие, непреодолимые своею неустрашимостию, благодарным, распоряжением, удержанием своих подчиненных в подлежащей стройности... *(Из реляции А.В. Суворова И.П. Салтыкову о втором поиске на Туртукай. 20 июня 1773 г.)*

* * *

Предварительно донес я Вашей Светлости, что крепость Измаильская храбростию порученного мне войска взята! Приступ был мужественен, неприятель многочислен, крепость к обороне способна, отпор был сильный, и отчаянная оборона обратилась на гибель и совершенное сокрушение неприятеля... Дстойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем, но множество одного остановило на первый миг распространение по валу, и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контрэскарпе. С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частию побит. Твердая в той стране нога поставлена, и войски простирали победу по куртине к другим бастионам. Все сии три колонны, исполня мужественно, храбро и с удивительною быстротою по данной диспозиции первое стремление, положили основание победы... Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною с помощью Божиею наконец решился в новую России славу. Мужество начальников, ревность и расторопность штаб- и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами... Неможно превознести довольно похвалою мужество, твердость и храбрость всех чинов и всех войск в сем деле подвизавшихся, нигде более ознамениться не могло присутствие духа начальников, расторопность и твердость штаб- и обер-офицеров, послушание, устройство и храбрость солдат, когда при всей твердости укреплений Измаила, со многочисленным войском и составлявшим по меньшей мере в тридцати пяти тысячах, при твердой и отчаянной неприятеля обороне, продолжавшейся шесть с половиною часов, повсюду неприятель поражен был, сохранили всюду порядок. Сие исполнить свойственно лишь храброму и непобедимому российскому войску. Бог, благословляя ревность нашу к престолу бессмертной славою Екатерины, поборствовал своею мощною рукою в сем подвиге. *(Из рапорта А.В. Суворова Г.А. Потемкину о взятии крепости Измаил. 21 декабря 1790 г.)*

* * *

По преодолении всех трудностей и превозмогли упорную защиту неприятеля, из трех укреплений ворвались наши войски в Прагу... Все сии блистательные подвиги и самая победа произведена и одержана столь храбро, столь быстро, что она с самого начала до совершенной победы продолжалась токмо три часа... Недостанет изречения изъяснить

довольно похвалу неустрашимости господ частных начальников, мужество командующих колоннами, бодрого рвения штаб- и обер-офицеров и храбрость солдат. Жаркая ревность всех чинов, в сем случае оказанная, неизъяснима; храбрые войски, коими я имею честь командовать, превосходят всякое одобрение. Редко видел я толь блистательной победы, дело сие подобно измаильскому. Я исполню слабо мой долг, когда токмо одобрю мужество их. Сей долг свято обязывает просить пред монаршим престолом воздаяния сотрудникам моим. С чувством наипризнательного восторга отдаю токмо справедливостю свидетельством моим отличившимся при сей знаменитой победе, во-первых, корпусным начальникам генерал-поручикам Потемкину, Дерфельдену и Ферзену. Первый из них при талантах, которых опыты непрестанно видимы, соединяет с искусством неусыпность, расторопность и всегдашнюю готовность на всякое стремительное нападение и довершает те способности личною неустрашимостию, в коих и при сем случае изъявил наивеличайшее доказательство; сверх сего всегда мне был помощник и отличался столько же во всех до сего бывших сражениях мужеством, колико в действиях предвидением. Второй, всегда ревностно побуждаемый к службе, умножая приобретенную честь разбитием Зайончика и других частей, оказал и ныне с вящею похвалою достоинство овладением, с несказанною храбростию, правым нашим крылом неприятельских батарей и ретранжаментов. Третий, озаряясь свежей еще славою разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры. Он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды, и опасности и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную об нем репутацию... *(Из реляции о штурме Праги. 7 ноября 1794 г.)*

• Для офицера служба на благо Отечества — благородный, ратный труд и «поле чести». Он всегда стремится к настоящему делу, к деятельному военному искусству, в коем только и возможно проявить свои достоинства и умения, рвение и усердие к службе, «доблестное честолюбие», принести максимальную пользу и славу России. Для него постыдно проявлять «невежественную нерешительность», не трудиться: «быть захребетником», жить в праздности, «плавать в роскошах», уклоняться от «полевой службы» и участия в боевых действиях, от воспитания и обучения подчиненных. Постоянное приучение к трудолюбию себя и предводимых войск, «непрестанное бдение» исключают неудачи и поражения, ведут к победам, делают всех на себя надежными: «А потом благонадежен он на войско, так как оно благонадежно на него».

Понеже праздность — корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость, и в начале господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать, дабы, убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли так, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило... Посему все члены части и корпус ротной, будучи во всегдашнем упражнении экзерциции праздность и леность навсегда убежать привыкнут. Суетно бы то было, ежели ротному командиру роту свою только к лагерю на экзерцирование готовить, но чрез сие не токма готова всякой час на смотр, кто бы ни спросил, но и на сражение со всяким неприятелем. Всякой при всяком случае будет бодр, смел, мужественен и на себя надежен... Но всегда о том вспоминая, содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым ленистым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем себе бессмертную славу. *(Из «Полкового учреждения». 1764–1765 гг.)*

* * *

Животное, говорю я, нам подобное, привыкает к трудам, пусть даже с заботами сопряженными, и, лишившись их, почитает себя бессмысленной тварью: продолжительный отдых его усыпляет. Как сладостно мне вспоминать прошедшие труды! Служа августейшей моей Государыне, я стремился только к благу Отечества моего, не причиняя особенного вреда народу, среди коего я находился. Неудачи других воспламеняли меня надеждою. Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славу моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропреходящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушные облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я тверд. Боже! Скоро ли возвратятся такие обстоятельства! Теперь изнываю в праздности, привычной тем низким душам, кои живут для себя одних, ищут верховного блага в сладостной истоме и, переходя от утех к утехам, находят в конце горечь и скуку. Уже мрачность изображается на челе моем; в будущем предвижу еще более скорби. Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение так же оживотворяет ее, как ежедневное движение укрепляет тело. *(Из письма А.В. Суворова А.И. Бибикову. 25 ноября 1772 г.)*

* * *

Служу я, Милостивый Государь, больше 40 лет и почти 60-летний, одно мое желание, чтоб кончить Высочайшую Службу с оружием в руках. Долговременное мое бытие в нижних чинах приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей — препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать. Наука просветила меня в добродетели; я лгу, как Эпаминонд, бегаю как Цезарь, постоянен, как Тюренн и праводушен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто негоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был щастлив потому, что я повелевал щастьем. Успокойте дух невинного пред Вами, в чем я на страшном Божием суде отвечаю, и пожалуйте мне особую команду... Исторгните меня из праздности... В роскоши жить не могу. *(Из письма А.В. Суворова Г.А. Потемкину с просьбой о новом назначении. 10 декабря 1784 г.)*

* * *

С турками тогда война, как они армию по сю сторону Дуная, и близка, как они собиратца станут на черте Шумлы. Ныне обращаюсь я в ту ж томную праздность, в которой невинно после Измаила. Сиятельныйший Граф! Изведите меня из оной. Мог бы я препособить окончанию дел в Польше и поспеть к строению крепостей. *(Из письма А.В. Суворова П.А. Румянцеву с просьбой о назначении в Польшу. 13 июня 1794 г.)*

* * *

Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу всемилостивейше уволить меня волонтером к союзным войскам, как я много лет без воинской практики по моему званию. *(Из прошения А.В.Суворова Екатерине II. 24 июля 1794 г.)*

- В делах против неприятеля, в повседневной жизни и на службе офицер действует солидно и блистательно, неизменно держит свое слово (в том числе и перед противником), говорит правду, избегает суетливого красноречия, не лжет и не терпит лжи и клеветы («не токмо мне, но и каждому офицеру терпеть лжи невозможно»). Бесчестят не только прямая ложь и клевета, но и подача неверных и недостоверных данных, различного рода умолчания и преувеличения, хвастовство, лживая слава, особенно — «имя лжеца корыстолюбивого».

О происшествии господина полковника Древица известен. И опять на него сердит, затмевает он мою правду (прибаска: плут и честной человек, а я один из двух), хотя она светлее солнца. Шиц не имел в Величке шестидесяти человек, Арцыбашев их побил больше; неважно, я сказал правду. Я не говорил, что разбита или разбил кавалерию Миончинского в Ландскроне и пр., а что мне больше на сердце лежало, в Мысленице я забыл не поклепать, а сказать, что не сто или двести бунтовников подъезжали на мои форпосты, но господин Шиц по правде шел позади со всею конницею. Тут бы опять их по малой мере повалить ста два три. Хорошо обманывать квакерных поляков по цесарскому хвастовству, ибо умная из оных патриотическая часть только тому посмеетца. Рано ли, поздно ли, правда всегда сама собою славна, но прибавленная к ней ложь бесчестит и достоинство производства. А как я могу лгать перед Деколонгом, он меня старше, коль паче... Да погибнет все, и я с Эпаминондом, нежели правда! Отвесы же важностей суть следующие. 1-е. Пример лжесплетения иногда для выправки и недостойного. 2-е. Бесконечная надежда, блистательных поражений бесконечных; следственно отдаляющих цель конца дела от часу боле. 3-е. Щет бунтовников нам более становитца темен и подлинно чуть узнать не можно. Коли они, например, во всей Польше пятою долю, то есть еще тысячью прибавятся, ибо иные уже и так их хотят считать всех в Польше сорок тысяч, а их только четыре. 4-е. Тем пуще, что честолюбие опровергнуто. Как делишки наши счесть с поражениями нынешними Зарембы: у него пущено на другой свет столько людей, сколько он, может быть, вовсе не имел. Благо у него было три тысячи. А я говорю правду безхарную. Пропущен Сава, а не прогнан... *(Из записки А.В. Суворова с рассуждениями о войне. 1 марта 1771 г.)*

* * *

Тут постовой командир между прочим обманывать не должен. Например, показалось вблизи его посту нововытенжных Малчевского с собранными робушами сто человек, шпион его скажет ему триста; отделили партию для поборов в иную сторону человек пятьдесят, новые триста, итого шестьсот рапортует. Должен какой наш detachment свою прежнюю цель оставить, до которой он, разбивая бунтовников, достигал похвально и, не достигши до конца, повернутца для истребления новоявившихся; он или их уже между тем не застанет, или сию шайку разобьет, возьмет восемь в полон, десяток повалит, напишет сто, двести, а их было восемьдесят, осталось десятков пять, а по лживому счету триста. Ему лживая слава, но паче потом напрасные труды. Он же, зная правду про себя, кончит кофьем, шайка разрастает и родитца Заремба. Потом уже есть дело и несколькими detachmentами соединенно. Того ради, чтоб detachmentной командир справедливо писал: бунтовников было числом около того-то, столько-то пропало, столько-то осталось, ибо становитца бездна темнее, чем таковые победы блистательнее, но уже и во вред!.. Я Вашему Высокопревосходительству донесу, например, что Миончинской имеет тысячу человек; другой донесет три тысячи. Первой вид есть, что похвальнее первого предосторожность другого; а ежели третьей донесет четыре, то уже и я отопрусь; но паче, когда я те четыре тысячи тысячью побью, не надобно ли уж мне на месте положить полторы тысячи — давай чин, деньги. А солидно между тем на своем камени дремлет. Иное дело есть хвастовство в больших армиях, однако что выигрывал тем и король прусский? А мы тому смеялись. Книгомарателей же разумные люди не весьма почитают, но справедливых авторов, кои добиваются до правды... Но не легче ли полагать законом, что надлежит начинать солидным, а кончить блистательным... *(Из рассуждения А.В. Суворова о ведении войны с конфедератами. 4 марта 1771 г.)*

* * *

Известно, что в таковых случаях, не заботясь о службе, но о своем ослепительном успокоении, прежней комендант воображал себе только одни опасности, но с сими воображениями дерзал еще лживо утруждать команды, как тако ж притом увеличением мятежничьих сил много препятствовал и Его Сиятельству графу Браницкому. Разумеетца, что по сему правилу наблюдать надлежит, что сопротивник, как бы презрителен ни был, уничтожен быть не должен, но сколько-то робко или по малой мере чрез невежество тупозрочно, ежели его лживо усиливать и увеличивать. *(Из ордера А.В. Суворова В.В. Штакельбергу о мерах против занятия конфедератами Пинчова и других пунктов. 27 ноября 1771 г.)*

* * *

Умножительное число убитых разбойников (поелику их столько никогда собратца не может), кроме важнейшего, затмением истины затмевает отличность происшествия и достоинство начальника; солдатство привыкает мыслить, что довольно сей утратою воображительной победы, паче опасно от неприсудственных в действии, что оные по толиким убитым будут уважать число оставших вживе и в быстроте своих поражений, несравненно уже себя малосильнее почитая, ослабевать или обращатца в постыдную оборонительность, впади для собственного вреда. Зло все сей неосторожности явствует от архангельской партии, которая втрое и четверо бывшего числа разбойников низринуть была в состоянии. *(Из ордера А.В. Суворова В.В. Райзеру о недопустимости преувеличения им сил черкесов. 15–17 декабря 1778 г.)*

- Как человек честный, офицер победоносного российского воинства не может не «стыдиться варварства», обязан руководствоваться нормами военной морали, проявлять гуманность при ведении боевых действий, избегать бесчеловечных форм и способов вооруженной борьбы («войны на уничтожение»), не допускать тотального истребления противника, разорения его территории, но не менее того — истощения и отягощения организма и

ресурсов собственной страны, насилия по отношению к мирным жителям, глумления над пленными, мародерства. На войне: действуя против вооруженного неприятеля, уважать его доблесть; стремиться к победе, миру и успокоению, а не к уничтожению и убиению людей; «работать быстро, скоро, храбро, по-русски», решая боевые задачи наступательным образом как более честным и менее кровавым по сравнению с длительными осадами, многочисленными затяжными операциями, оборонительными войнами; вовремя показывать свою силу, чтобы в последующем избежать ее применения. «дерзновенных злодеев» не увещевать, а наказывать «огнем и мечом», но всегда помнить о необходимости поражать противника не только оружием, но и человеколюбием, великодушием.

* * *

Славнее России усмирить одной неспокойствы великодушно!.. Хвастливое же выражение г. Древица о его победах мне ни малого удивления не причиняет, то делают Чугуевские казаки, российская пехота и карабинеры, какая такая важная диспозиция с бунтовниками? Только поспешность, устремление и обретение их. Знатное и сильное свое войско содержит он совокупленно, которое должно не поражать, но их топтать и раздавливать, ежели им пользоваться благоразумно с праведным желанием окончания здешних беспокойств! Употребляем же он есть главнейшим в стыд нам степеням его вышших, якобы не имеющим ни качеств, ни достоинств, ни заслуг ему подобных. В стыд России, лишившейся давно таких варварских времен! *(Из рапорта А.В. Суворова И.И. Веймарну. 30 апреля 1770 г.)*

* * *

Бить стремительно вперед, маршируя без ночлегов. Ночное поражение противника доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но постоянства. Плодовитостью реляций можно упражняться после... В стоянках и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте. Домов, заборов и огородов отнюдь не ломать; везде есть разноименные дрова. Где случается фуражировать, чинить то при войсках, правилом, с крайним порядком. Есть ли тут благоразумие, где лишать себя самого впредь текущих последствий, довольной субсистенции и кровли? Наблюдать то и в неприязнейшей земле; делать и во оной жалобе всякого обывателя тотчас должное удовольствие. *(Из приказа А.В. Суворова войскам Кубанского корпуса. 16 марта 1778 г.)*

* * *

Стыд императорского оружия, не грозных неприятелей, но малолюдных заречных разбойников, по прежним моим мероположениям, Ваше Превосходительство, давно унять могли б... В бытность мою заречные в покорность входили. Благовидно я их тому наклонял, сиятельный сераскир обоудно в том спомоществовал; ускумлять их разорениями с российской стороны неприлично, но имперским великодушием... Выжигание драгополезных лесов не сужу я толь необходимым. Предосторожность сия взамен бдением, попечением, трудами и содержанием пронципательных мер в своей власти наградитца могла б. *(Из ордера А.В. Суворова В.В. Райзеру. 1 марта 1779 г.)*

* * *

В поражениях сдающимся в полон давать пощаду... Обывателям — ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить; война не на них, а на вооруженного неприятеля. Безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать. *(Из приказов А.В. Суворова. 1794 г.)*

* * *

Самый кровопролитный штурм стоит меньше, чем осада. Одно кровопролитное сражение исключает многие другие, которые в сумме повели бы к большим потерям.

- Для российского офицера «солдат дороже себя»; он — «братец», «витязь», «чудо-богатырь». Следует заботиться о солдатах, относиться к ним бережно, человеколюбиво: воспитывать их в благочестии и верности, «трудолюбивой охоте к военной службе»; обучать с толком, «без жестокости и торопливости» (беречь «от палок и чудес»); добиваться прочного усвоения (затверждения) ими приемов и действий, основ военного искусства. Офицер «примером благородного своего поведения, полным знанием службы и попечительным исполнением оных одобряет и поощряет всякого из своих подчиненных к наблюдениям своей должности, содержанию себя в непорочных поступках и делает вообще всех на себя надежными». Следует всячески «облегчать солдатство», оберегать и не изнурять войска бесплодными действиями, «блюсти солдатское здоровье» (оскорбительно, бесчестно, недостойно, когда командиры допускают гибель людей из-за праздности, нерадения, «несоблюдения» здоровья солдат).

За нерадение в точном блюдении солдатского здоровья начальник строго наказан будет. Старший офицер в том временно над прочими начальник, каждую почту в дивизионное дежурство присылает цыдулы о здоровье солдат и о благопоспешном взыскании с нерадивых при них обер- и унтер-офицеров.

Правила

1. Разуваться, раздеваться.
2. Одежду, обувь просушивать; оные довольно были б просторны и вычинены.
3. Потному не садиться за кашу; особливо не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть.
4. Отдыхать на сухом месте.
5. Рубах и портяного довольно.
6. Во всем крайняя чистота.
7. Кто не поспел за кашу, тому хлеб.
8. Как скоро варево поспело, ту же минуту в пищу; ленивого гнать.
9. Ленивого лежачку — палкой, особливо его урядника.
10. Слабого лежачку — хлыстом.
11. На лихорадку, понос и горячку — голод, на цингу — табак. Кто чистит желудок рвотным, слабительным, проносным, тому день — голод.
12. Солдатское слабительное — ремень и корень коневьего щавелю то же.
13. Непрестанное движение на досуге, марш, скорый заряд, повороты, атака.
14. Кто не блюдет своего здоровья, тому — палки, морским — линек, с начальников строже.
15. На голову от росы — колпак, на холодную ночь — плащ.
16. Для чистоты ж — баня, купанье, умыванье, ногти стричь, волосы чесать.
17. Крайняя чистота ружья, мундира, муниции; стрелять в мишень.
18. Для здоровья основательные наблюдения три: питье, пища, воздух.
19. Предосторожности по климату: капуста, хрен, табак, летние травы; ягоды же в свое время, спелые, в умеренности, кому здоровы.
20. Медицинские чины, от высшего до нижнего, имеют право каждый мне доносить на небрежущих солдатское здоровье разного звания начальников, кои его наставлениям послушны не будут, и в таком случае тот за нерадение подвергнется моему взысканию. *(Из приказа А.В. Суворова по Финляндскому корпусу о мерах по сохранению здоровья солдат. 1792 г.)*

* * *

У меня в полку было правило: от 8 до 20 больных, и когда к последним сближается то — свидетельство. Умирало редко в год до полдюжины. На маневрах под Красным Селом вошел и вышел скорым маршем без больных и мертвых; тож из Ладоги в Смоленск, не оставя на квартирах ни одного больного; в распутицу пропал один, больных — 6; Кольберскую зимнюю тяжелую кампанию без обозов; в Тверском у меня драгунским полку не было больного. От корпуса за Дунаем до Козлуджи три недели, больных отправлять назад было некого, и все живы. По Уральской степи вперед и зад — ни мертвых, ни больных. От Копыла с корпусом быстрым маршем за Кубань и Лабу; умер один. Хоть сим вам мое человеколюбие! Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко; солдаты его любят... К Штенгелю возьмите Обольянинова, знающего блюдение здоровья солдат! *(Из письма А.В. Суворова П.И. Турчанинову о бережном отношении к солдатам и заботе о них. 13 декабря 1792 г.)*

М. ДРАГОМИРОВ: «ТОЛЬКО ЧЕСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОСТОИН БЫТЬ СОЛДАТОМ»

• От офицерской работы и личности офицера, от его отношения к делу, от его ратного труда по совести и чести зависит все: государственная оборона, состояние вооруженных сил и военного дела, обучение и воспитание солдата, укоренение воинского долга, «честного развития головы, твердой постановки сердца». Выполнить свое высокое предназначение офицер может только в том случае, если будет не просто военнотружущим, но прежде всего «честнотружущим». Только честный человек — прямодушный, совестливый, неустрашимый, правдивый, искренний («у военного ни словес, ни поступков лукавствия не должно быть») — соответствует благородному офицерскому званию, способен напряженно и целеустремленно работать, воспитывать солдата «в честном направлении» (обращаясь к возвышенным сторонам его души и подавляя низменные, формируя у него «толковое и честное мышление», «честную и разумную исполнительность»), не падать духом, не отступать перед противником и преградами, преодолевать (побеждать) их, проявляя упорство и смелость, волю, ум, храбрость и искусство. Офицер должен вести себя «непосстыдно и порядочно», не уваливать от исполнения служебных обязанностей, не позволять себе лодырства, стяжательства, кляузничества, мордобоя, подхалимства, холопства, раболепства*.

И не только сам ты службу по чести и правде правил, но умел налаживать на оную и других; не одних солдат, а и гг. офицеров. Ты понимал, что они не только товарищи твои, но и подчиненные, и что воспитывать их в служебном долге много нужнее, нежели солдат... А там, где твоя воля была, не показному делу служил ты, а правдивому служебному и пользе солдатской. И не межеумок был ты, а человек и солдат прочный. *(На смерть Ричарда Трояновича Мевеса. 1901 г.)*

* * *

Будем работать с проста и от сердца в мирное, драться от сердца в военное время и, с Божьей помощью, не хуже других покажемся на том страшном испытании, на котором быть не должно.

* * *

Не думай, что сразу дается победа, враг бывает стоек, иногда не удается взять и с двух, и с трех раз: лезь в четвертый и дальше, пока не добьешься своего. В бою бьет, кто упорнее и смелее, а не кто сильнее; претерпевший до конца спасен будет.

Никогда уныния, но всегда дерзость и упорство... Где отступлений нет, там и потерь нет, или же они находятся в полном несоответствии (по своему ничтожеству) с достигнутым результатом... Даже и обороняясь, никогда не думай о том, чтобы отбиться; но непременно о том, чтобы побить... Необходимо, чтобы эту истину носил в сердце своем не только офицер, но и каждый солдат.

* * *

Только честный человек достоин быть солдатом... Что армия только и тогда может быть хороша, когда она народная, — это поняли и усвоили; что нужно взывать к возвышенным сторонам человеческой природы и не только не подавлять, а, напротив, укреплять их в солдате, — это поняли, но не усвоили. Из-за наполеоновских погромов заговорили о патриотизме, человеческом достоинстве солдата. Но как только с Наполеоном покончили, стали выбивать этот «скверный, вредный дух». Наполеон рядом роковых ударов показал, что дает дух; но Наполеон прошел — покончили и с духом.

* * *

Верность долгу сохраняли и в вербованных армиях оригинальным путем: превращали солдата в автомат муштровкой, забивали его так, что он не смел рассуждать. Не все разбегались благодаря не палке, а «невзирая на палку», конечно, благодаря тому, что в них нельзя было уничтожить честных и возвышенных сторон души человеческой при самых усердных усилиях. Поборникам же системы казалось, что корень дезертирства заключается не в палке, а в недостаточном ее применении... Одним словом, дело «совести» считали делом «страха»: логическая фальшь, данная неверной точкой отправления. Дело в том, что идеальных мерзавцев на свете так же мало, как и людей идеально честных.

* * *

Офицеры — ревнующие о службе люди. Основное свойство офицера — прямолинейность, прямота: «Убил? — Убил! Ушел из караула? — Ушел!»... Это неверность служебному долгу, но это честно и потому представляет облегчающее обстоятельство; но кавалер, который пробует спрятать свое лодырство за якобы желанием исполнить служебный долг, коего закон на него не возлагает, не заслуживает никакой пощады... Я вины не снимаю, а только говорю, что это честнее, чем пытаться прятать свою вину за устав. Лучше судить по человечеству, а не строить лицемерные идолы. Нужно смотреть правде в глаза и говорить, как бывает, а не как должно быть, да не всегда бывает.

- С офицерской честью несовместимы: страх, трусость, «инстинкт самосохранения» («а что в военном может быть презрительнее страха?»); воспитание подчиненных при помощи «палки», устрашения, запугивания (что также парализует ум и волю, приводит к страху не только перед своим начальником, но и перед противником); боязнь самостоятельности и ответственности. Волевой офицер — честный человек — всегда смел, храбр, неустрашим, мужествен, самоотвержен (даже с риском для жизни), готов взять на себя ответственность перед Богом, своей совестью, законом за принимаемые им решения. Настоящий офицер постоянно развивает в себе привычку к самостоятельности, к серьезной ответственности, к опасности и к тому, «как держать людей в руках». Он поддерживает, а не вытравливает самостоятельные характеры, в своих подчиненных ценит убеждения, знание дела, самостоятельность, достоинство, оригинальность мышления.

Великий грех берут на свою душу те начальники, которые преследуют подчиненных самостоятельных, упорных, твердых, с сознанием личного, хотя бы даже и щепетильного достоинства... Руководитель должен вооружиться терпением, самоотвержением и уважением к чужим мнениям, он должен радоваться малейшим проблескам оригинальной мысли, уметь поддерживать и развивать их. Без этих качеств он не годится в руководители.

Должно вести занятия так, чтобы не подрывать в занимающихся веры в себя. Если этого нет, наилучший руководитель не только не поможет, но напорит: ум подготовит, а волю подорвет. Но у запуганного человека и ум, как бы он ни был развит, плохо действует. В нашем деле подобная наука хуже невежества: потому хуже, что успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только лучший путь к успеху...

Кто приучен бояться своего, тот этим самым приучен бояться неприятеля, ибо свой заявляет требования под страхом наказания, а неприятель — под страхом смерти...

* * *

В бою без самоотвержения обойтись немислимо... Самоотвержение укрепляется в военном человеке преимущественно воспитанием; его ум в военном отношении развивается преимущественно образованием... Губить других в бою, не рискуя самому погибнуть, нельзя, как это не неприятно личному самосохранению. Это то же, что ловить птиц насыпанием соли на хвост... Начальники самых высоких степеней не должны щадить себя, если хотят того же от солдат... Приходит минута, когда другого выхода нет: или беззаветно жертвовать собою, или идти на позорные уступки. Опять же и то нужно помнить, что стреляют обе стороны, а не один неприятель; и стреляет лучше не тот, у кого оружие лучше, а тот, кто обучен лучше и за свою шкуру боится меньше.

«Вперед, прямо перед собой!» — это суворовское положение было и останется незыблемо истинным до тех пор, пока люди будут воевать. Увертки же и софизмы за видимым стремлением искуснее достигнуть цели маскируют наивное вождение: нельзя ли достигнуть ее по возможности менее подвергая опасности драгоценные дни свои; нет, нельзя! Никакое искусство не устраняет в последней инстанции необходимости и готовности жертвовать собою; только когда эта готовность есть — искусство значит, и очень много. Без нее же оно ничего не значит. Суворов был тем и велик, что эту последнюю инстанцию он даже и в мирное время держал как путеводный свет.

Нельзя воспитывать в армии людей, трусливо прячущихся за букву закона... При надлежащем воспитании войск каждый солдат, кто бы он ни был — первейший генерал или последний рядовой — в минуты искуса не убоится за свою шкуру, а поступит, как подскажет ему совесть, чувство долга и разум. Не убоится он ответственности перед законом, как и возможности погибнуть.

Герой всегда останется героем. Но бывают и глупые герои. Их порывы сдерживает закон: вышел из пределов своих полномочий и нарушил закон во вред делу — вздуют; дело увенчалось успехом, результат оправдал смелое решение — «победителя не судят». Так решила Великая Русская немецкого происхождения.

Во всяком случае, самая решимость принять на себя ответственность почетна для военнослужащего... Тем наша служба и велика, и почтенна, что даже простого солдата ставит в необходимость разрешать такие жизненные противоречия, каких самый совершенный закон предусмотреть не может.

- Для солдата и офицера Присяга — клятва чести* перед Господом Богом на верность Отечеству, своим знаменам и начальникам, славному прошлому армии. Она, как молитва и акт государственно-религиозный, волевой, олицетворяет духовную связь с предшествующими поколениями российских воинов, «верой и правдой» служивших Родине, «честно и чисто неленостно, но паче ревностно» исполнявших звание свое на протяжении многих столетий. Присягу следует «держат не в уме, а в сердце», чтить как высший символ верного служения Отечеству, как правовое основание кодекса чести, не менять ее по видимости даже архаичный текст каждый раз, как только «задождит усовершенствованиями».

Следует ли изменять устаревший текст присяги? Обращали ли вы внимание на то свойство человека, что уважение, а иногда и благоговение, внушают ему именно не новые, а старые учреждения? Ведь с точки зрения ума, что старо, то годится только на слом; с точки зрения сердца — совсем наоборот; чем оно старше, тем более заслуживает охраны, почета и почтения. Что возбуждает в вас более благочестивое настроение: древняя ли церковь, иногда невзрачная, с потускневшим, закопченным, едва высказывающим лики иконостасом, или же новый, великолепной архитектуры, с ослепительным иконостасом собор? Спросите ваше сердце — оно вам ответит; и в этом ответе, я не сомневаюсь, каковы бы ни были ваши убеждения и исповедание...

Обратимся к присяге. По умовой логике текст нашей присяги страшно отстал. По волевой (эмоциональной, сердечной) логике, чем дольше и незыблее этот текст просуществует, чем архаичнее будет, тем лучше, ибо тем больше будет внушать к себе уважение. По умовой логике, чем язык присяги яснее, тем лучше; по волевой — не подобает молиться и присягать на том самом языке, на коем говорим пошлости, а иногда и сквернословим. Да и то, что слишком понятно, особенного внимания к себе не возбуждает. Понимание приходит потом, да и то не вполне и не для всех. Присягу нужно понимать сердцем, а не умом. Осененные этой присягой десятки миллионов русских людей в течение двухсот лет несли военное бремя; из них миллионы легли вдоль всей почти Европы и половины Азии, и легли не бесславно и не без пользы — значит она своей цели достигала и достигает недурно.

- Солдат и офицер принадлежат к единому воинскому братству, которое основывается: на «товариществе серьезном, достойном людей, себя уважающих», не исключаящем, но предполагающем служебную требовательность; на «законе выручки» («только для того успех возможен, кто выручку товарища ставит выше личной опасности»); на «духовном союзе между командирами и подчиненными», образуемом воспитанием; на уважении к закону и на законных отношениях; и главное — на взаимном доверии офицера и солдата, начальника и подчиненного. Доверие чрезвычайно упрощает отношения между сотрудниками одной и той же системы (будь это рота, полк, армия); уменьшает число рук, нужных для дела, экономит материальные и финансовые ресурсы, устраняет мелочный контроль и обилие формальностей; укрепляет веру в свои силы (устраняя одновременно обман, лживость, недобросовестность); культивирует честь и воспитывает честных воинов.

Доверие не только уменьшает число рук, нужных для дела, но оно дает нечто большее, именно: делает отношения нравственнее, чище, благожелательнее, что, по моему глубокому убеждению, необходимо во всякой деятельности, даже коммерческой.

Система недоверия есть стремление к контролю, малоосмысленное, ибо несообразно со свойствами человека. Оно отправляется от той мысли, что честных людей нет и что поэтому всякого нужно контролировать не по исполнению какого-либо поручения, а шаг за шагом, во время самого исполнения. В первом случае всякий честный человек не только не может быть обижен контролем, но сам же его потребует, во втором же устанавливается безмолвное, но тем более вредное соотношение: «Если ты меня разумеешь мошенником, то я буду мошенником, посмотрим, кто кого перехитрит». Одним словом, система недоверия отправляется, попросту говоря, от презрения к достоинству человека, а система доверия, наоборот, — от уважения к нему.

- Товарищество и честь — незыблемые устои офицерской корпорации. В истинно товарищеской среде не могут быть терпимы поединки, особенно по пустячным поводам («действительно храбрый презирает дуэль»). В конце XIX века уже нельзя было рассматривать иначе как «ослиный обычай», занесенный к нам из-за границы, да к тому же и узаконенный официально в 1894 году, когда в других армиях поединки считались анахронизмом. Кровь офицера — государственного человека — должна проливаться только во благо Отечества и в интересах Государства. Петр I и Екатерина II, культивировавшие «любление чести» в армии и на

флоте, запрещали дуэли. Суворов не позволял себя оскорблять («честь мне всего дороже»), но и на поединки из-за пощечин никогда не вызывал. В то же время офицеру должно быть предоставлено законное право незамедлительно применять оружие в целях самозащиты (в случае нападения на него).

Искренне желаю, чтобы офицеры войск округа, держа себя с строгим достоинством, в то же время серьезно различали те прискорбные случаи, когда нарушение чести действительно требует крови, от пустячных столкновений, которые в порядочном обществе офицеров, где товарищество сильно, а старшие пользуются должным авторитетом, — всегда могут и должны кончаться миром...

Полагаю также, что предоставление офицерскому суду права решать, должен ли я драться на дуэли или нет, есть отрицание именно той самой чести, о которой так хлопочут: ведь честь-то во мне, а не вне меня; ведь она моя, а не кого-нибудь иного; и решать о том, поругана она или нет, могу только я, и никто другой — иначе она не моя. Узаконив дуэли, думали поднять уровень понятий о чести в офицерской среде, а в результате подняли только число убийств.

Офицер, оскорбляющий других без повода и вызывающий их на ответное оскорбление, конечно, никакого снисхождения не заслуживает; но и офицер, допускающий оскорбить себя безнаказанно, не подав к тому никакого повода, не заслуживает ни сочувствия, ни тем более одобрения. Офицер должен быть смирен и безобиден, как овечка, но малейшее посягательство на оскорбление его действием должно вызывать с его стороны возмездие оружием мгновенно, рефлексивно... Это апология не убийства и не самосуда, а право самозащиты.

- Офицер обязан не только обучать и воспитывать солдата, уважать в нем человеческое достоинство, но и беречь его как самое дорогое, что находится в его руках. Долг чести офицера: добиваться побед малой солдатской кровью и «невеликим уроном» в личном составе; заботиться о физическом и духовном здоровье вверенных народом его детей; учить их с толком, по существу, не изнуряя и не мучая бесцельностью, педантизмом, дерганьем, муштрой, длинными объяснениями, частными работами, бездельем и т.п.; даром и попусту ничего не делать.

Человек, командующий массой себе подобных, поставлен в роковую необходимость примириться с безвременной гибелью некоторых из них; и благо ему, если, пройдя в этой роли недолгий путь, он может, положив руку на сердце, сказать: «На моей душе много существ, безвременно погибших, но с чистой совестью могу сказать, что я ни одним не пожертвовал во имя безделья и сделал все доступное слабому моему пониманию, дабы по возможности ограничить эту жертву».

* * *

Считай ученье не с той минуты, когда сам выехал или вышел к части, а с той, когда солдат выходит из дому, не до той, когда сам уходит домой, а до той, когда он домой приходит. Нет зловреднее того, когда выводят солдат на ученье задолго до назначенного часа. Требуйте от человека усилий, даже и тяжелых, но во имя дела. Но за пределами дела — сбережение самое педантичное: ни лишнего шага, ни лишней минуты ожидания.

* * *

Сбережение людей — святейший долг каждого начальника; и в этом деле, после пищи и помещения, важнейшую роль играет соблюдение того условия, чтобы попусту не морить людей, т.е. чтобы время, назначаемое на работу, на нее действительно и уходило, а не на бесплодные ожидания или на равнение, двадцать раз возобновляемое. И в этом деле свойства массы берут свое: лишнее утомление то же, что и недостаток пищи; оно находит свои жертвы, для которых становится бременем, переходящим за пределы сопротивления. Бесплодное томление — лишний расход, недостаток пищи — слабый приход: свести концы с концами можно только в госпитале и на кладбище. Недаром де Брак говорил, что в зависимости от того, умеет или не умеет начальник дать своим людям и коням вовремя отдохнуть и поесть, часть или проходит благополучно сквозь все невзгоды кампании, или тает и исчезает, даже не побывав ни в одном деле.

* * *

Попадешь в начальники — держи людей крепко в руках и приказывай толком, а не командуй дуром: «марш», «вперед». Сначала скажи, что сделать, чтобы всякий человек знал, куда и зачем идти, тогда и «марш», и «вперед» пойдет. Каждый воин должен понимать свой маневр.

* * *

Большую половину боевых неудач должно отнести на счет недоразумений, порожденных несоответственно отданными приказаниями. Отличительные черты хорошо отданного приказанья следующие: 1) оно должно быть кратко, точно, указывать ясно цель, не вдаваясь в мелочи исполнения; 2) должно быть отдано внушительно и в порядке постепенности.

Офицерский корпус российской армии всегда будет вдохновляться и руководствоваться следующими золотыми словами Михаила Ивановича Драгомирова:

«Итак, господа, имейте прежде всего в виду здравый смысл; будьте внимательны к приметам, берегите и уважайте солдата, но не балуйте его и постоянно держите в руках: будьте внимательны к малейшим его потребностям, даже предрассудкам, но рукою закона карайте беспощадно за отступления от военных обязанностей; решайтесь быстро, без колебаний, действуйте так, чтобы для вас не было середины между гибелью и победой; не допускайте мысли о возможности поражения в самых отчаянных положениях — и смело можете быть уверены в том, что выйдете с честью из встречи с любой армией».

«Я, РУССКИЙ ОФИЦЕР, ЧЕСТЬ ИМЕЮ!»

Не только для Суворова и Драгомирова, но и для офицерского корпуса в целом служба Отечеству на военном поприще была делом чести. Дворянское офицерство выполняло свой долг «по совести и чести», служило «из-за чести», гордилось военными подвигами предков, стремилось к отличию в боевых делах, передавая свое доброе имя следующим поколениям. Офицеры не просто имели честь, но имели честь быть русскими, носить звание русского офицера, служить в славной российской армии, защищать не только существование, но честь и достоинство России.

Людьми долга, образцами офицерской чести были великие русские полководцы и флотоводцы Александр Невский, Дмитрий Донской, Михаил Скопин-Шуйский, Дмитрий Пожарский, Петр Великий, П.Румянцев, А.Суворов, М.Кутузов, Ф.Ушаков, Д.Сенявин, М.Лазарев и другие, создавшие на протяжении веков школу победоносного русского военного искусства. Не менее блистательны в вопросах чести их сподвижники, ученики, наследники П.Багратион, А.Ермолов, Д.Давыдов, Н.Раевский, М.Скобелев, М.Черняев, П.Котляревский, Н.Евдокимов, Я.Бакланов, П.Нахимов, В.Корнилов, С.Макаров и целый ряд других выдающихся офицеров, честно и надежно защищавших Россию.

Настоящими рыцарями без страха и упрека останутся в истории вожди Белого движения М.Алексеев, Л.Корнилов, М.Дроздовский, С.Марков, Н.Юденич, А.Деникин, А.Колчак, П.Краснов, П.Врангель... Своей борьбой они отстаивали честь русского офицера, принесли свою кровь и жизнь за будущее возрождение Родины и Армии на верных исторических основаниях.

Честно «сражались» за истину в самодержавных условиях, в эмиграции и даже при сталинском режиме ревнители русской военной мысли, ставшей сегодня классической: Д.Милютин, Н.Обручев, Р.Фадеев, Г.Леер, М.Драгомиров, Н.Михневич, К.Войде, Н.Морозов, Е.Мартынов, А.Незнамов, А.Свечин, А.Снесарев, А.Геруа, Н.Головин, А.Баиов, Б.Штейфон, Е.Месснер и десятки других ярких военных умов.

Для каждого из них было немыслимо служение Отечеству без святого понятия офицерской чести. В этой связи особой когортой выделялись офицеры «корпуса Генерального штаба», который являлся не только «мозгом», но и цветом армии, хранителем ее души, культуры, традиций. Обобщенная позиция чести и безымянный образ офицера-разведчика старого русского Генштаба (дважды генерала: царского и советского) ярко представлены в романе **Валентина Пикуля** «Честь имею». Эта позиция — в интерпретации писателя — выражается следующими установками.

- Отечество — высшая идея русского офицера. Главное — Россия, все остальное — преходяще. Любовь к Родине — ведущий мотив поведения личности русского офицера, честь имеющего. «Я, русский офицер, честь имею, а живу ради служения Отечеству... Отжил свое честно, а теперь желаю умереть честным человеком, чтобы смерть застала меня при исполнении долга... Я согласен жить и умереть без имени, всегда памятуя о главном: лишь бы осталось в святости имя Родины:

Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена!

- Основным камертоном, определяющим звучание офицерской жизни, должны стать твердое знание и вера в то, что «русской армии, приученной побеждать, можно нанести отдельные поражения, но победить ее нельзя... Армия, вступая в войну, обязана верить, что в конце ее будет победа. И пахарь, и солдат одинаково терпят лишения ради конечного результата. Не будь этой манящей цели — к чему же тогда наши усилия?»

- Офицер должен быть готов идти на смерть и любые муки ради своих патриотических убеждений, из-за любви к Родине. Совесть русского патриота подскажет ему, где он нужнее всего в данный исторический момент. Офицер не может быть пацифистом. Если на Россию напали, «русскому офицеру надо воевать, а не думать о символическом значении треугольника или «Розового креста» мальтийского рыцаря Кадоша... До тех пор, пока Россия окружена врагами, всегда будут находиться люди, стремящиеся служить ей и народу в мундирах». Особая честь — стать под униженные знамена, поруганные врагом и обесчещенные в народе, чтобы выиграть следующую кампанию и не допускать больше поражений.

- Трудная и благородная профессия офицера — дело нужное и полезное для народа и Отчизны. Она не является выгодной в денежном или карьерном отношении. В то же время не

может быть ничего постыдного в мечтах и стремлении сделать карьеру, стать полководцем, отличиться на службе и в делах против неприятеля (иначе лучше сразу же идти «торговать подтяжками или свекольным мармеладом»), но все это только при одном условии — не быть карьеристом, даже умным и знающим, и не ставить карьеру выше интересов России! «Если чиновник служит ради жалования, военный человек служит ради чести, и плох тот офицер, который не желает стать генералом...»

- Офицерская натура не может быть психологически дряблой, трусливой, постоянно униженной и унижаемой, бездарной. В таком виде она представляет собой «национальную опасность». Офицеры должны уметь действовать и мыслить, проявлять смелость, не бояться риска, постоянно заниматься самообразованием, развивать интеллект, повышать свой культурный уровень. Без этих личностных качеств не существует офицера. Особо следует подчеркнуть, что «даже в своих ошибках они оставляют за собой великое право мыслить самостоятельно», что офицер, делающий карьеру за счет обретения знаний, «должен высоко нести эти знания. Если он заглянул в шпаргалку, значит, он бесчестен, а без чести нет офицера!»

- Моральное падение и деградация личности офицера недопустимы и караются лишением чести. Офицер — человек чести — всегда (на войне, службе и в быту) соблюдает военную этику и правила благородного поведения, постоянно помнит о том, кто он, не допускает никаких скандалов и «историй»: ни женских, ни картежных, ни ресторанных, ни денежных. Как русский офицер, честь имеющий, он не смеет клеветать на офицерское звание и подрывать устои офицерской корпорации, марая честь мундира. «Безопасность Отечества не требует, чтобы мундир офицера был застегнут обязательно на все пуговицы... Германия не ощутит нашей боевой слабости, если кто-либо из вас заведет шашни с дамою. Но пусть об этом знают лишь два человека — сам офицер и его дама. Любая оплошность офицера кладет пятно на знамя нашей славной бригады».

- «Делай свое дело, держи слово, говори правду, не подхалимствуй, воздерживайся от непомерных выпивок и закусок», учись у других, в том числе и у противника, «энергии, деловитости, пунктуальности», будь откровенен, «но в тех пределах, которые никак не задевают ни моей чести, ни чести моего государства», — вот те простые истины, которые также должны определять смысл честной офицерской службы.

* * *

«Для патриотов все наше прошлое, все настоящее и все будущее воплощается в одном великом и всеобъемлющем слове — Россия». Избравшим офицерское служение, необходимо всегда помнить о том, что они служат и жертвуют своей жизнью ради высших идеалов Отечества, что офицеры «не имеют в запасе второй Отчизны» и «присягают только один раз». В любое время и при любых обстоятельствах они должны быть готовы выступить на его защиту, «за честь и достоинство российской армии». Следуя по этому пути, необходимо чтить и другие заветы:

- «Лучше быть, чем казаться!»
- «Воюют не за власть — люди погибают за Отечество!»
- «Кто забывает прошлое, тот остается без будущего».
- «Жить, чтобы служить ради самого главного:
Я, русский офицер, честь имею!»

КОДЕКС ЧЕСТИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА

*Реконструкция традиции**

Никакое воздаяние так людей не приводит к добру, как *любление чести*; равным образом, никакая так казнь не страшит, как лишение оной.

Петр Великий

Офицер есть благородный защитник Отечества, имя честное, звание высочайшее. Честь — его внутреннее достоинство, верность, доблесть, благородство души, чистая совесть, почет и уважение. Она является главной драгоценностью для офицера, священный долг которого сохранять ее в чистоте и безупречности. Честь оберегает достоинство офицерского звания, обязывает совершать отличные поступки, великие дела, ратные подвиги, полагать «душу свою за други своя».

Честь — это высшее духовное благо армии. Армия, движимая чувством чести, является непобедимой силой, реальным гарантом государственного бытия и мирного преуспевания России. Стремление к чести побуждает офицеров быть цветом нации, воплощением аристократизма, дворянского духа и рыцарства, руководствоваться нормами высшей нравственности, приобретать особо ценные и ценимые качества.

Истинная честь заключается в самоотверженном, доблестном служении во имя высших государственных интересов и общего блага страны. Она выражается в преданности, готовности жертвовать жизнью во имя Отечества, в непоколебимом мужестве, презрении к опасности, в правдивости, честности и скромности.

Нет более почетной миссии, как быть офицером, носителем и защитником чести. Русский офицер — профессия идейная, ее основа — призвание. Офицерский корпус — особое воинское братство, сплоченное общими интересами и духовными ценностями, единым мировоззрением и доктриной, вековыми традициями, корпоративной солидарностью и этикой.

Долг чести обязывает российского офицера:

1. Знать и любить Россию, быть благородным гражданином и патриотом, служить Отечеству верно, до последней капли крови защищать его от внешних и внутренних угроз, не падать духом ни при каких обстоятельствах, не останавливаться ни перед какими препятствиями.

2. Сохранять верность Присяге, Знамени, не допускать измены и предательства; сознавать личную ответственность не только за боеготовность вверенной части, но и в целом за оборону государства, за победы и поражения, состояние вооруженной силы, развитие военного искусства, совершенствование военного дела.

3. Постоянно искать и добывать себе честь по примеру и достоинству великих предков, опираться на их традиции и заветы; изучать военную историю и использовать ее уроки для укрепления армии, преемственного развития офицерского корпуса.

4. Неукоснительно следовать девизу «Честь и Родина», принципу «честь дороже жизни»; оберегать и защищать достоинство офицерского звания, личную честь, честь армии и государства; вкоренять у себя и своих подчиненных истинное и высокое честолюбие, побуждающее к преодолению трудностей и опасностей, к славе и подвигам; не позволять унижать себя, не раболепствовать, не прощать оскорблений.

5. Неустанно культивировать качества, необходимые военному человеку: честность, бескорыстие, правдивость, прямоту, благонравие, скромность, терпение, постоянство, покровительство слабым, невинным и оскорбленным; воспитывать в себе дисциплинированность, решительный характер, волю к победе, «усердие к общему делу и верность к службе», прозорливость, самообладание, инициативу, мужество, храбрость, смелость, бодрость, выносливость и другие воинские добродетели.

6. Быть личностью творческой, самостоятельной в действиях и мыслях, благородной в поступках и намерениях; «чинить дело с рассуждением, а не держаться воинского устава, яко слепой стены»; постоянно повышать свой интеллектуальный уровень, расширять культурный кругозор; уметь распознавать и развивать таланты своих подчиненных.

* Данный текст составлен по историческим материалам А.Савинкиным, И.Домниним при участии А.Каменева, Е.Иванова, А.Быкова, Ю.Белова, С.Климова, А.Владимирова, А.Григорьева; учтены также предложения специалистов кафедры военно-социальной работы и морально-психологического обеспечения Военного университета В.Кузнецова, В.Кузьмовича, Л.Калинчука, С.Мельникова, И.Логинова, С.Рыкова, А.Тютченко. Впервые опубликован в кн.: Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. – М.: Военный университет, Русский путь, 2000. – С. 626–630.

7. Ведать законы государственные и уставы воинские, глубоко знать военное дело, быть профессионалом, непрестанно совершенствоваться в предмете своей службы; всегда вести себя и поступать «как честному, верному и храброму офицеру надлежит»; обязанности свои исполнять ревностно и усердно, постоянно имея в виду пользу службы и государственный интерес — эгоизм и карьеризм противоречат существу государственной службы (неприлично офицеру «отзываться неопытностью», нарушать субординацию, избегать долга службы).

8. Учить войска тому, что необходимо на войне; овладевать военным искусством в суворовском духе; непрестанно себя образовывать, ибо «науки армию питают», воюют прежде всего не силой, а умом, побеждают не множеством, а разумом, умением, искусством; «немогузнайство» и невежество не могут быть терпимы в офицерской среде.

9. Добиваться побед «малой кровью», сражаться мужественно и храбро (не забывая о благоразумии); словом, делом и личным примером побуждать воинов проявлять стойкость в бою, не отступать без приказа, сражаться до последней возможности, умирать с честью и славой; не отчаиваться при поражениях, а обращать их на пользу будущих побед; в плену вести себя достойно, предпринимать все усилия для возвращения в строй и продолжения борьбы.

10. Предпочитать честный бой; соблюдать кодекс военной морали, законы и обычаи войны, руководствоваться военной необходимостью; проявлять человеколюбие и гуманность, милосердие к побежденному противнику, военнопленным, гражданскому населению; не допускать неоправданных разрушений, мародерства, грабежей.

11. Войска в бой водить, а не посылать; не жалеть себя, не избегать трудностей, проявлять личное мужество, презрение к опасностям и смерти — трусость и малодушие должны быть чужды офицеру; влиять на подчиненных личным примером, быть для них авторитетом и образцом.

12. Искусно управлять войсками, сочетать требовательность к подчиненным с заботой о них, строить отношения с ними на основе доверия и взаимоуважения, во всем поступать по справедливости и долгу порядочности; не использовать служебного положения в личных целях; служить, а не выслуживаться; не создавать атмосферы страха, подозрительности и холопства; не допускать формирования и переноса в гражданскую среду негативного образа армии.

13. Стремиться стать не просто военным специалистом, боевым вождем подчиненных, но их идейным вдохновителем, властелином солдатских сердец, тонким психологом и пропагандистом; уметь побеждать не только мечом, но и словом, владеть приемами красноречия; вести борьбу против разлагающих армию антигосударственных и пацифистских учений.

14. Крепить офицерское боевое братство, против неприятеля заодно поступать; ни словом, ни делом товарищам бесчестия не чинить, в неразрывной любви, мире и согласии пребывать, по достоинству уважать (уважение) оказывать; проявлять взаимопомощь и взаимовыручку, удерживать сотоварищей от дурных поступков; почитать скорбной памятью и молитвой павших на поле брани и принесших таким образом жизнь свою на алтарь Отечества, хранить воспоминания об их подвигах.

15. Неукоснительно соблюдать ритуалы и обряды, поднимающие престиж офицерского звания, содействующие воспитанию воинской чести: принятие присяги, посвящение в офицеры, торжественный вынос знамени, триумфальные шествия в честь побед, парады, отдавание воинской чести, захоронение с почестями и другие; уважительно относиться к государственной и военной символике.

16. Свято чтить Боевое Знамя воинской части как «душу армии», символ чести и доблести защитников Родины, олицетворение связи славного прошлого с достойным настоящим и будущим, напоминание о долге; не забывать, что вручение знамен и штандартов — высшая награда, утрата Боевого Знамени — преступление и позор.

17. Почитать награды как отражение подвигов, боевых отличий и воинских заслуг; ревностно относиться к отдаванию воинской чести — символу единения военнослужащих, к мундиру и знакам отличия; гордиться формой одежды и принадлежностью к российской армии, к своему роду войск.

18. Соответствовать высокому этическому стандарту, заботиться о чистоте репутации личной и всей офицерской корпорации; дорожить своим добрым именем; говорить правду, не лгать, не давать опрометчивых обещаний; быть верным своему слову.

19. В гражданском обществе и в военной среде блюсти достоинство, приличие и правила этикета; не допускать бесчестных поступков; уметь вести беседу и спор; держаться просто, тактично, без фатовства, избегать скандалов; по отношению к дамам быть вежливым, внимательным, учтивым, галантным, как и подобает офицеру — рыцарю и джентльмену.

20. Воздерживаться от отрицательных привычек, могущих набросить даже малейшую тень на офицерское звание; считать несовместимым с ним доноительство, клевету, распространение

слухов, бахвальство; избегать распутства, пьянства, бранных слов, азартных игр, участия в финансовых спекуляциях, политической борьбе.

21. И в мирное, и в военное время руководствоваться бессмертными суворовскими заповедями:

Субординация — послушание,
Экзерциция — обучение.
Дисциплина,
Ордер воинский — порядок воинский,
Чистота,
Здоровье,
Опрятность,
Бодрость,
Смелость,
Храбрость,
Победа,
Слава, слава, слава!

ДУХОВНЫЕ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА

Словарь

Анархия в понятиях ведет к анархии в действиях.

П. Вяземский

Путаница в голове неминуемо порождает путаницу и в действиях.

М. Драгомиров

Офицерское призвание требует развития всех чистейших ценностей души — без этого нет офицерства.

Е. Месснер

Мы имеем расположение ставить военное искусство выше, чем военные добротели, что было во все времена причиной гибели народов. Храбрость, самопожертвование, постоянство — суть основные устои независимости народа. Если наше сердце перестанет ими вдохновляться и для них биться, тогда мы погибли, хотя бы даже среди самых блистательных побед.

Г. Шарнхорст

Бесстрашие — отсутствие страха, робости; храбрость, мужество, решимость, отвага, твердость, смелость, молодечество, удалство. Неустрашимость утверждается через нравственное воспитание, развитие религиозного чувства, боевой опыт, героизм, славолубие, честолубие, хладнокровие, а также посредством внушения страха противнику. В русской армии бесстрашный воин считался идеалом бойца. «Победу решит военное искусство и храбрость полководцев и неустрашимость солдат. Грудь их — защита и крепость Отечеству» (Петр Великий).

Безлукавие — неспособность действовать лживо, коварно, злонамеренно, притворно, подло, хитро, двулично, криводушно. «Худой прок службы лукавой» (А. Суворов). «У военного ни словес, ни поступков лукавствия не должно быть» (М. Драгомиров).

Бескорыстие — отсутствие корысти, сребролюбия, жадности к имуществу, желания скоплять богатство, приобретать что-то неправо; отсутствие стремления к личной выгоде, к наживе; нежелание пользоваться чем-либо в ущерб, обиду или убыток другим; нежелание наград и «возмездий» за добрые дела.

Благоразумие — осмотрительность в поступках, обдуманность в действиях; «рассудительность в словах и поступках; житейская мудрость; полезная осторожность и расчетливость» (В. Даль).

Благородство — самоотверженность, безукоризненная честность, высокое достоинство, способность жертвовать личными интересами в пользу других; великодушие, неспособность унижаться и унижать других; стремление действовать в согласии с истиной, честно, открыто, смело. Обращение к офицерам «Ваше благородие» было не просто элементом титулования, но и обязывало к соответствующему поведению. Также и «облагораживание простого солдата всегда вело к серьезному подъему могучести армии» (И. Маслов).

Благочестие — истинное богопочитание (набожность, религиозность по настроению и поведению); благоговейное признание божественных истин и исполнение их на деле, стремление соблюсти в военном деле и военном быту законы и заповеди Господни. Благочестие — основное свойство воина христолюбивого, которым всегда был (считался) русский солдат. «А будь благочестив, добродетелен, тверд, великодушен и праводушен, чистосердечен, терпелив, непоколебим...»; «Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От него победа. Чудо-богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал» (А. Суворов). «Недостаточно быть храбрым, надо еще быть благочестивым» (А. Зыков).

Бодрость — полнота сил, здоровья, энергии; бойкость, живость, бдительность, смелость, мужество, храбрость. Не падать духом, быть бодрым — одно из основных требований к русскому солдату. «Всякий при всяком случае будет бодр, смел, мужественен и на себя надежен» (А.

Суворов). «Так знает бодрый дух, искусством обладая, в чем храбрость состоит военная прямая» (В. Майков). «Побеждает тот, кто не теряет бодрости духа, кого не страшат бедствия и лишения» (И. Маслов).

Великодушие — совокупность высоких душевных качеств и возвышенных чувств; самоотверженность, доброжелательность, снисходительность, милосердие; «свойство переносить кротко все превратности жизни, прощать все обиды, всегда доброжелательствовать и творить добро» (В. Даль). «Победителю прилично великодушие» (А. Суворов).

Вера (верность) — твердая убежденность в существовании Бога; постоянство в убеждениях, взглядах, доверие в отношениях; неспособность к предательству; преданность. Отсутствие веры приводит не только к поражению войск, но часто и к гибели государств. Солдат русской армии обязан был служить «верой и правдой», «верно и нелицемерно». А. Суворов: «Бог — союзник неизменный»; «Дух укрепляй в вере отеческой православной; безверное войско учить, что железо перегорелое точить...»; «Угождай начальникам верною службою, а не кривою дружбою, не по пословице: куда ветер, туда и петел»; «В малом неверный, и в большом не верен». М. Драгомиров: «Нравственная самостоятельность в солдате вырабатывается только тогда, когда начальник внушает ему не безотчетный страх, а веру в то, что он никогда не отдаст незаконного приказа, и уважение, составляющее следствие этой веры».

Воинственность — свойство истинного воина, проявляющееся в мужественном характере, склонности к войне и военному делу, постоянной готовности к бою, храбрости, непримиримости и военном духе. «При отсутствии войн укрепление военного духа в армиях становится главной воспитательной задачей мирного времени» (В. Недзвецкий).

Воля — способность властвовать над собой, сознательно и независимо управлять своими поступками и действиями; способность неуклонно добиваться осуществления поставленных целей и желаний; активная, деятельная сторона душевной жизни человека, проявляющаяся в его преднамеренных действиях; энергия, сила, решимость, самодеятельность. Воля к победе определяется моральным состоянием войск и степенью свободы военнослужащего. «Военное воспитание ведает, главным образом, областью воли, образование — областью ума. Воспитание важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более дело волевое, чем умовое... Успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только легчайший путь к успеху... Воспитание характера, воли должно быть поставлено выше всего и прежде всего» (М. Драгомиров). «Воля — фундамент военного человека» (А. Терехов).

Выносливость — способность переносить физические нагрузки и нравственные потрясения, много выносить; терпение, стойкость, закаленность.

Героизм — способность к совершению подвига мужества, стойкости, самоотвержения; доблестное поведение на военном поприще в борьбе за общие высокие цели. Героические поступки совершаются храбрыми воинами, «чудо-богатырями». «Подвиг — это не только красота, но и труд, полный лишений, жертвенность и добровольность, сознательность и внутреннее духовное горение» (Е. Новицкий).

Гордость — чувство собственного достоинства, самоуважения (сохранение этого чувства); чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов; сознание своей силы, значения, превосходства. Истинная гордость не имеет ничего общего с высокомерием, надменностью, пренебрежительным отношением к людям. Гордость служит опорой военного патриотизма и поддерживается славными делами (победами) армии. «Мы русские, с нами Бог!» (А. Суворов).

Гуманность (человеколюбие) — чуткое, проникнутое любовью и уважением отношение к человеку, забота о его благе и достоинстве; милосердие к побежденному противнику, соблюдение обычаев и законов войны, норм международного гуманитарного права. Русская армия всегда характеризовалась высшей гуманностью. «Преуспевайте человеколюбиво... Воину надлежит мощь вражескую сокрушать, а не безоружных поражать» (А. Суворов). «Русская военная доктрина должна носить в себе тот отпечаток высшей гуманности, что сделал из России на протяжении одиннадцати веков “Божией рати лучшего воина”» (А. Керсновский).

Дисциплина — выражение военной нравственности, ведущей к Победе и Подвигу; основное требование Долга, заключающееся в отречении от личной и проведении единой (общей) воли, осуществлении единодушия; обязательное для всех подчинение установленному порядку и правилам; знание и постоянное исполнение своих обязанностей. Дисциплина представляет собой краеугольный камень воинского духа. Она складывается из сознательности, добровольности, законности, воинского воспитания, повиновения, субординации и чинопочитания (внешнего проявления дисциплины). Дисциплина предполагает необходимость: любви к Отечеству, инициативы при умении повиноваться, военного товарищества, храбрости, сохранения порученного материального имущества, военного обучения и т.д. В дисциплинарном уставе Императорской армии записано: «Дисциплина состоит в строгом и точном соблюдении правил, предписанных военными законами. Поэтому она обязывает строго соблюдать чинопочитание,

точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, сохранять во вверенной команде порядок, добросовестно исполнять обязанности службы и не оставлять поступков и упущений подчиненных без взыскания». М. Драгомиров: «Воинская дисциплина есть совокупность всех нравственных, умственных и физических навыков, нужных для того, чтобы офицеры и солдаты всех степеней отвечали своему назначению... Дисциплина заключается в том, чтобы вызвать на свет Божий все великое и святое, таящееся в глубине души самого обыкновенного человека». «Дисциплина есть душа армии» (А. Попов). «Без дисциплины человек прежде всего трус и не способен к войне — вот в чем сущность нашей проигранной войны» (А. Колчак). «Русской Армии соответствует дисциплина осмысленная по существу. Но жесткая по форме» (А. Керсновский).

Доблесть — высшее свойство души (великодушие); добродетель; готовность преодолеть все препятствия для достижения высокой цели; самоотверженность в деятельности; геройство, мужество, отвага, стойкость, благородство. Заботе о чести и доблести воинского звания в российской армии уделялось особое внимание. «Не ты ли сила душ свободных, о доблесть, дар благих небес, героев мать, вина чудес...» (К. Рылеев). «Основанием успеха при столкновении с неприятелем служит порядок в бою, я называю его лучшим выражением доблести части» (М. Скобелев).

Добродетель — всякое похвальное положительное качество души; высокая нравственность и моральная чистота человека; стремление к добру, радение об общем благе; совершение хороших, добрых, честных и полезных дел; благотворение. «Торопитесь делать добро. Без добродетели нет ни славы, ни чести» (А. Суворов). «Непобедимо воинство русское в боях и неподражаемо в великодушии и добродетелях мирных» (М. Кутузов). «...Одною строгостью всего не сделаешь, а многое даже можно попортить; добротой в иных случаях больше сделаешь, чем строгостью» (М. Драгомиров). «Основные воинские добродетели три: Дисциплина, Призвание и Прямодушие» (А. Керсновский).

Добросовестность — честное и тщательное исполнение своих обязанностей и взятых на себя обязательств; добрая совесть, праводушие, правдивость, богобоязненность, старательность, усердие. Добросовестность — главная черта характера военнослужащего во все времена.

Долг воинский — душевное состояние и нравственная обязанность военнослужащего перед Богом и Отечеством; честное и неуклонное исполнение обязанностей по защите интересов, территории, чести и достоинства России. «Что касается воспитания, то в нем начало и конец составляет внедрение солдату его обязанностей к Государю, Родине, начальникам и товарищам... Ищите прежде всего укоренения долга воинского, т.е. честного развития головы, твердой постановки сердца и остальное приложится» (М. Драгомиров). «Воинский долг заключается в покорности законам, правилам службы (дисциплина), в готовности исполнить принятые на себя обязательства, как бы они тяжелы ни были, и в сознании необходимости отказаться от личных интересов (и даже жизни) ради «долга» по защите Родины» (А. Сурнин). Воинский долг, который формируется воспитанием, включает в себя «сознание и убежденность в необходимости армии и флота, дисциплину, воинскую честь, благодарность и любовь к начальникам, старшим и равным; храбрость, смелость, отвагу; самоотречение, готовность самопожертвования и, наконец, готовность честно умереть на своем посту» (И. Энгельман).

Достоинство — уважение к себе; сознание своих человеческих прав, чести, моральной ценности; должное, подобающее, приличное, образцовое поведение. Военнослужащий обязан защищать не только свое личное достоинство, но и достоинство России и ее Вооруженных Сил. На сохранении и развитии достоинства личности воина держится моральный дух армии, ее творческая сила. «Нигде значение отдельной личности не может быть так велико, как в армии» (А. Деникин).

Дух воинский — внутреннее состояние, сущность, истинный смысл и характер вооруженной силы как организации людей; сила души армии; союз ума (сознания), сердца (нравственности) и воли (энергии). В военном деле «дух преобладает над материей». Дух армии есть состояние психики, сохраняющее свой облик на протяжении веков. «Не развивая духа, сделать солдата легко, сделать настоящего воина — трудно» (Н. Обручев). «Армия должна быть проникнута жизненной энергией и дееспособностью, что составляет воинский дух... Воинский дух состоит из слияния интеллектуальных и моральных стремлений, проявляясь в самостоятельных действиях, в инициативе» (П. Измestьев).

Духовность — психическое, моральное, умственное и энергетическое внутреннее состояние армии, конкретного военнослужащего; способность руководствоваться нематериальными интересами, высшими понятиями и чувствами, проявлять силу духа. «Занятия должно вести так, чтобы, сообщив солдату и начальнику знание того, что придется исполнять в бою, вместе с тем приготовить и духовную их сторону по возможности так, чтобы случайности боя не поражали неожиданностью ни солдата, ни начальника, не застали их врасплох» (М. Драгомиров).

Душа — внутренний психический мир человека, его вечная (бессмертная) субстанция, составляющая сущность его жизни и одаренная разумом, чувствами и волей; духовные качества воина. «Неослабое наблюдение нужных военных правил, яко душа оное матерое тело просвящает» (А. Суворов). «Душа человека — высший элемент военного искусства» (Д. Трескин). «Успех атаки определяется стройностью в душе более, нежели в формах» (М. Драгомиров). «Душа армии выковывается на протяжении веков» (Н. Головин). «Еще Петр понял, что армии не хватало души — того невесомого, незримого, что составляет три четверти ее силы» (А. Верховский).

Идеализм (идейность) — приверженность к высоким нравственным идеалам и идеям служения, руководящая деятельностью армии, мыслями и поступками воина; способность (наклонность) бескорыстно служить Отечеству и военному делу; преобладание умственных и нравственных интересов над материальными; стремление развивать и пробуждать в себе духовные силы, сознательно выполнять воинский долг. В России военное служение традиционно было озарено бескорыстным идеализмом, отвержением наемничества, благородством, высокими идеями православной веры, защиты Русской Земли, совершенствования военного дела. «Военная служба преимущественно перед всеми держится на идеализме, совершенно бескорыстном, на поэзии дела, на той священной религии патриотизма, без которого солдат — пушечное мясо...» (М. Меньшиков). «Идеал, как религия, дает цель и смысл службе офицера, показывает направление... Идеал заставляет думать о будущем, о последствиях... Без идеала — нация, армия, корпус офицеров недолговечны» (А. Дмитриевский).

Инициатива (частный почин) — предприимчивость; умение самостоятельно действовать в нужный момент, в сложной обстановке, но в рамках поставленной задачи. Требование инициативы является уставным и предполагает рассуждение. «Местный лучше судит. Я вправо, нужно влево — меня не слушать» (А. Суворов). «Воспитание в духе сознания необходимости проявления частного почина» (М. Драгомиров). «Армия, проникнутая духом инициативы, всегда готова к действию» (П. Измestьев). «Боевой успех обеспечен только той армией, которая будет проникнута духом инициативы» (А. Баиов).

Интуиция — непосредственное постижение истины; бессознательное чувство, толкающее на правильное поведение; чутье, догадка. Интуиция является важным элементом военного искусства, искусства командования и деятельности полководца.

Искренность — свойство выражать подлинные мысли и чувства; чистосердечность, непритворство, правдивость, откровенность, прямоту, нелицемерие, усердие. Искренность — основа доверия между начальниками и подчиненными. Обширная гамма чувств и свойств делает искренность ключевой воинской добродетелью, без которой нельзя добиться успеха в военном деле, правильно оценить обстановку и принять верное решение в бою.

Искусство военное — способность побеждать «почти не сражаясь»: малой кровью, малым трудом, качеством войск, — на основе мастерства, умений, опытности, навыков, творчества, тонкого (и глубокого) знания военного дела. «Военное искусство имеет задачу с возможно меньшею затратой сил, средств и времени достигнуть на войне победы над врагом» («сытинская» Военная энциклопедия). «Высшая и конечная цель военного воспитания — искусство побеждать неприятеля» (Н. Бутовский). «Теория военного искусства учит достигать целей войны с возможно меньшими усилиями и потерями. Практика же военного искусства ставит абсолютным условием — достижение цели, невзирая ни на какие усилия и потери. Кто искусен и решителен — тому теория впрок; кто не искусен, но решителен, — достигнет цели дорогою ценою, но достигнет; кто не решителен, хотя бы и был теоретически осведомлен, — тот ничего не достигнет» (М. Драгомиров). «Военное искусство подобно всякому искусству национально, так как отражает духовное творчество народа» (А. Керсновский).

Исполнительность — способность практически осуществлять и воплощать в жизнь решения; хорошо, скоро, точно, надежно и инициативно выполнять приказы, обязанности и поручения. «Исполнительность, требуемая воинской службою, характеризуется точностью и быстротой исполнения приказаний на подкладке безграничного самоотвержения и при условии полной деятельности ума» (М. Драгомиров).

Культурность (интеллигентность) — уровень умственного и нравственного развития, образованности офицера и солдата; способность усваивать достижения общей и военной культуры; соответствие требованиям современного военного дела, высшему уровню его развития; стремление к совершенству. Невежество в военном деле недопустимо. Только высокая военная культура позволяет постоянно развивать военное дело, надежно защищать Отечество. «Не о сокращении армии следует говорить, а о ее улучшении, образовании, о ее культурном развитии...» (А. Риттих).

Красноречие — наука и умение говорить и писать красиво, убедительно, увлекательно; ясно и выразительно передавать свои чувства и настроения, свидетельствовать, доказывать и

убеждать; ораторский талант. В русской армии военное красноречие всегда являлось элементом военного управления и важнейшим средством воодушевления войск.

Вот четыре нравственных свойства, отличающие Русских воинов: ревность к Вере, любовь к Отечеству, преданность к Государям и высокое чувство народного достоинства... Голос военного красноречия всегда потрясал эти струны сердца, которые самую природою были, так сказать, напряжены для ударения... Сии чувствования возбудить желал Российский Герой Петр Великий перед Полтавским сражением в предводительствуемом от него войске. Он говорил: «Воины! Се пришел час, который должен решить судьбу Отечества; и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церкви! Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложно быти вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас; на того единого, яко всесильного во бранех, уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь его недорого; только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ее» (Я. Толмачев).

Любовь к военному делу — сильная (сердечная) привязанность и призвание к военному делу, военной службе, военной профессии, основанные на понимании чувства долга, высокого звания воина, на достоинстве, общих целях и интересах. «Любить военное дело мало. Надо быть еще в него влюбленным. Эта любовь — самая бескорыстная. Военная профессия единственная, не приносящая дохода. Она требует все, а дает очень мало. Конечно, в материальном отношении; в моральном это “малое” — огромно. Но и быть влюбленным в военное дело недостаточно. Надо еще верить в свое призвание» (А. Керсновский). «Прочь слабость, равнодушие, колебание — да здравствует энергия, любовь к делу и бодрость» (Д. Баланин).

Мудрость — высшее знание, основанное на большом уме, дальновидности; глубокое понимание военного дела; результат большого ума, знаний и опыта. «Ратная премудрость, oprичь богословия, паче и превыше всех премудростей» (Устав 1647 года).

Мужество — стойкость в беде, борьбе; присутствие духа в сражении, опасности, несчастья (духовная крепость); спокойная смелость в бою, храбрость, отвага; возмужалость, зрелость. «Мужество на войне абсолютно необходимо, но не меньшее значение оно имеет в мирное время, когда необходимо бескомпромиссно выступить против лжи, рутины военной службы, невежества, недостатков и успокаивающего влияния среды» (Н. Кладо). «Горе армии, которая не настолько мужественная, чтобы признать свои грехи» (М. Меньшиков).

Настойчивость — стойкость в намерениях, неотступность в требованиях, твердость (упорство) в достижении целей, успеха, значимого результата. Известно, с какой настойчивостью Петр I создавал регулярные армию и флот и добивался победы в Северной войне. Классическим примером настойчивости военных действий является легендарный штурм крепости Измаил войсками А. Суворова в 1790 году. Настойчивыми усилиями армии и народа обеспечены были победы в Отечественных войнах 1812 и 1941–1945 гг.

Находчивость — умение легко выходить из затруднений, отыскивать и обнаруживать пути решения возникающих проблем, не терять присутствия духа.

Неутомимость — незнание усталости, сильная выносливость, упорство, настойчивость, усердие.

Нравственность — высшее чувство, которое побуждает воина к добру, к самоотверженному исполнению воинского и гражданского долга, к победе; соблюдение норм общественного поведения, требований морали; стремление к общей пользе; совокупность душевных психических свойств; моральные качества военнослужащего; поведение, основанное на нормах и обычаях морали. «Влияние на нравственную сторону лиц и частей в военном деле должно стоять на первом плане» (М. Скобелев). «Войска, попадая в руки талантливых начальников, умеющих повлиять на их нравственную сторону, творили поистине чудеса» (В. Недзвецкий). «Успех на войне и в бою зависит главнейше от хорошего нравственного состояния войск» (М. Драгомиров).

Благоустроенное войско составляет защиту государств, ограду священных алтарей и царских престолов; составляет главную силу народа, охраняющую его от внешних врагов и внутреннее благосостояние его утверждающую. Но сия сила страшна для врагов, надежна для правительств и граждан только тогда, когда нравственный дух оживляет воинов и соединяет их чувствованием любви к отечественной стране, к ее вере и законам. Войско, не одушевленное сею нравственною силою, есть слабая опора государств, есть утлая и вместе самая тягостная часть в общественном здании; оно, как видим из истории, лишась сей внутренней жизни, превращается в буйную толпу Преторианцев, Янычар и Стрельцов (Я. Толмачев).

Осторожность — способность упреждать опасность, оберегаться, беречься, защищаться; отсутствие опрометчивости, осмотрительность, предусмотрительность, предосторожность.

Отвага (отважность) — способность действовать с риском и в условиях опасности; бесстрашие, храбрость, смелость, решимость, предприимчивость; надежда, уверенность в

удаче, отсутствие робости, уныния. Русские пословицы отмечают: «Риск — благородное дело»; «Отвага мед пьет и кандалы трет»; «Сробел — пропал»; «К удалому и Бог пристает»; «Удалой долго не думает. Отвага — половина спасения». «Не тот бьет, кто идет стройнее, а тот, кто лезет отважнее» (М. Драгомиров).

Ответственность — возложенное или взятое обязательство отчитаться за свои действия, поступки, за их возможные последствия, результаты деятельности. Ответственность возникает в связи с наделением военнослужащего определенными правами и обязанностями. Она связана с высокоразвитым чувством долга, добросовестностью, с пониманием важности воинской службы. «Всею своя самостоятельность и своя ответственность. Не признавая первой, отучаешь и от второй» (М. Драгомиров). «Армия ответственна за ведение боевых действий, а не за мотивы и результаты борьбы» (П. Измestьев). «Офицер не должен бояться ответственности, должен любить ответственность» (Е. Месснер). «Тяжелые неожиданности несет за собой война. Страшную ответственность за тысячи жизней. И мне кажется, что армия, в которой начальники с улыбкой встречают и взваливают на себя любую ответственность, — будет непобедима» (А. Свечин).

Память — способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, воспроизводить и осмысливать события и явления былого; способность мыслить, рассуждать, отдавать отчет в своих поступках и чувствах; сознание. Память является основой сознательности военнослужащего, преемственного развития военного дела, воспитания патриотизма на традициях славных деяний предков.

Патриотизм (отечественность) — сознательная и предметная (деятельная) любовь к Отечеству в интересах его улучшения и защиты; готовность к любым жертвам и подвигам во имя Родины; ревнительство о благе Отчизны; верность Отечеству, преданность военному делу. «Россия службою моею питалась... Служа августейшей моей Государыне, я стремился только к благу Отечества моего... Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека: но я заключал доброе имя мое в славе моего Отечества и все деяния мои клонились к его благоденствию» (А. Суворов). «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения, а потому не все люди имеют его...» (Н. Карамзин). «Истинному патриоту драгоценна не просто сама “жизнь народа” и не просто “жизнь в довольстве”, но именно жизнь подлинно духовная и духовно-творческая» (И. Ильин). «Дух патриотизма должен лежать в основании и венчать всякую военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены» (Д. Трескин).

Победоносность — способность достигать успеха в бою, сражении, войне в целом, добиваться полного поражения противника, обладать непобедимостью и превосходством. Традиция побед является важной основой патриотического воспитания войск, возрождения армии и флота. «Больше побеждают разум и искусство, нежели множество» (Петр Великий). Суворовская наука побеждать: «Глазомер — Быстрота — Натиск»; «Субординация, Экзерциция, Послушание, Обучение, Дисциплина, Ордер воинский, Чистота, Здоровье, Порядок, Бодрость, Смелость, Храбрость. — Победа! — Слава, слава, слава!»

Повиновение — беспрекословное исполнение требований присяги, приказаний и распоряжений; послушание, подчинение. «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято... От послушания родителя попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве, а в сем замыкается весь воинский распорядок» (А. Суворов). «Повиновение законам есть вещь священная» (П. Пестель). «Повиновение — основа воинской доблести» (В. Даль).

Подвижничество — самоотверженный труд (жизнь как подвиг); самопожертвование в борьбе; осуществление великих (славных) дел на военном поприще. Служение Отечеству в условиях России невозможно без подвижнического, апостольского труда. Это действенный способ возродить российскую вооруженную силу, двести последних лет находящуюся в упадке.

Понимание — способность познать, постичь смысл и сущность военного дела, характер военно-политической и боевой обстановки, принять на этой основе верное решение и добиться его исполнения; быть подготовленным, сведущим, хорошо разбираться в военном деле; «дар уразумения, соображения и заключения» (В. Даль). «Нельзя продуктивно трудиться над внедрением того, сущность чего представляется непостигнутой» (А. Попов).

Порядочность — неспособность на низкие поступки, благородство, честность.

Правдивость — неприятие лжи, стремление к законности, справедливости, порядку, истине, правильному поведению с точки зрения морали; прямотушие. «Правдивый человек не покривит душой» (В. Даль). Ложь разлагает армию, как ржавчина, маскирует недостатки, насаждает безнравственность, плодит ошибки и неверные решения. Поэтому «борьба с ложью, правдивость являются нашей обязанностью» (П. Измestьев).

Профессионализм — знание своего дела, мастерство и корпоративная солидарность; отношение к военной службе как к роду трудовой деятельности, требующей определенной подготовки и являющейся основным источником существования; специализация. Профессия защитника Родины была традиционной на Руси, как труд земледельца и купца. Создание профессиональной армии вот уже два века стоит на повестке дня российской истории. «Школа» данной армии всегда творение специалистов... Но этим роль профессионалов не ограничивается. Хранители самого дорогого — профессиональных заветов и традиций, источника души армии, ее духа, создатели ее знаний и науки, — они в то же время являются воспитателями того стоицизма долга, без которого невозможна никакая война или боевое действие» (А. Геруа).

Прозорливость — способность предвидеть будущее, умение предугадывать события, верно соображать и заключать; проницательность. Прозорливость является одним из основных элементов полководческого искусства, искусства командования.

Преданность — постоянство в своих чувствах, привязанностях; любовь к Отечеству; отношение к военному делу и своему долгу истовое, верное, усердное (всей душой); приверженность и уважение, правдивая, прямая покорность. «Преданность Родине, интересам общего дела — главная задача программы военного воспитания» (М. Драгомиров).

Преемственность — переход от одного состояния к другому в порядке последовательности; передача лучших заветов, традиций, достижений и качеств армии прошлого военной системе настоящего и будущего. Для правильного развития армейского организма преемственность имеет принципиальное значение, так как военное дело совершенствуется трудами многих поколений, «армия живет тысячелетия, не 50, 60 лет, как мы» (М. Драгомиров).

Призвание — природное расположение, наклонность, дарование; вера в свое предназначение, внутреннее влечение к военному делу. Исходя из исторического опыта, русские военные мыслители выдвинули задачу необходимости комплектования армии по призванию, отбору, таланту. «Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбою... На этом зиждется вся доблесть русского солдата» (С. Макаров). «Глубокое сознание долга, сила властности над подчиненными, светлый ум, внушение общего уважения к своей корпорации, бесстрашное презрение к смерти, преданность делу службы, ради службы бессознательная необходимость, заставляющая подвергать себя разным лишениям и невзгодам ради гордого чувства первенства и власти, любовь к оружию, суровое отношение к себе и другим и строгое, но отеческое, к подчиненным, — вот те признаки, которые изобличают призвание офицера...» (С. Чарнецкий).

Прямодушие — прямота души, отсутствие лицемерия и коварства; способность действовать по правде и истине, открыто, явно, честно, нелицемерно, твердо, уверенно, без сомнения. «Дайте дорогу моему простодушию, я буду вдвое лучше» (А. Суворов). «Основное свойство офицера — прямолинейность, прямота» (М. Драгомиров). «Прямодушие — открытое исповедание своей веры, своих взглядов, своих убеждений, откровенность и простота — вопрос этики. Это храбрость, возведенная в квадрат... Не бывало и не может быть случая, чтобы они смогли опереться на гнущиеся спины» (А. Керсновский).

Рассуждение (рассудительность) — способность мыслить, сопоставлять понятия, делать выводы и умозаключения. Способность к рассуждению является основой самостоятельности, сознательности и инициативы. «Дабы офицеры в таковых нужных случаях накрепко рассуждение делали, без чего обойтись невозможно для облегчения людям, опасаясь жестокого наказания за нерассуждение» (Петр Великий).

Решительность — готовность своевременно и быстро принимать решения, не колебаться в их исполнении; способность действовать «не рассуждая», по вдохновению и наитию, находя при этом правильные решения; твердость, смелость, непоколебимость. «Быстрота и натиск — душа настоящей войны» (А. Суворов). «Решимость есть дело воспитания... Нельзя воспитывать в армии людей, трусливо прячущихся за букву закона... Во всяком случае самая решимость принять на себя ответственность почетна для военнослужащего» (М. Драгомиров). Следует учесть, что решительность не исключает осторожности, предусмотрительности, хитрости и основательности подготовки к решительным действиям.

Рыцарство (рыцарственность) — самоотверженность, благородство и великодушие в поступках; честное и твердое ратование (заступничество) за святое дело; обладание качествами истинного воина и победителя; воинское мастерство, большое мужество и высокие нравственные достоинства; личное участие в боях и походах, презрение к смерти, защита слабых, личная храбрость; отречение от личного счастья ради общего дела. Идеальное качество воина — быть рыцарем «без страха и упрека». «Военнослужащий стоит в исключительном положении рыцаря высоких нравственных начал, всегда готового к подвигу самопожертвования» (А. Попов). «Офицерство — рыцарство и до сих пор связано рыцарскими обетами. Но истинный

рыцарь должен спросить себя: влечет ли его военное дело? Если нет, то порядочный человек должен уйти из армии» (М. Меньшиков).

Самодетельность (самостоятельность) — деятельность по собственному почину, личной инициативе; проявление творчества в военном деле; свобода и независимость в рамках служебной необходимости. Всякая деятельность только тогда плодотворна, когда она соединена с самостоятельностью. Военнослужащий, действующий только по приказанию, есть «нравственный труп», который пропадает, как только его предоставляют самому себе. «Свобода — первый фактор человеческого достоинства, и в пределах дисциплины она вполне применима и в армии. Правильный взгляд на военную службу требует, чтобы офицер с незапятнанным именем мог в своей жизни действовать с такой же смелостью и независимостью, как и всякий другой гражданин» (П. Измestьев). «Великий грех берут на свою душу те начальники, которые преследуют подчиненных самостоятельных, упорных, твердых, с сознанием личного, хотя бы даже и щепетильного достоинства» (М. Драгомиров).

Самолюбие — вера в свои силы и достоинства; любовь и уважение к себе как к значимой личности, способной внести существенный вклад в развитие военного дела, в достижение успеха на войне. Истинное самолюбие (не путать с себялюбием, эгоизмом!) является источником воинских доблестей. Развитие самолюбия воина предполагает гуманное отношение к подчиненному и уважение в нем личного достоинства. Люди, сознающие свое личное достоинство, создают такое «самолюбивое сообщество», как государство и армия. «Чем выше ценит себя воин, чем более в нем внутреннего достоинства, тем безукоризненнее исполняет он свои обязанности» (И. Маслов).

Самоотверженность — готовность жертвовать собой во имя общего блага; способность жить для других, поборов в себе личные интересы и все мирские страсти. «Победи себя и будешь непобедим» (А. Суворов). «Самоотвержение стоит выше всего. Оно освещает повинование, оно злейшее иго делает благим, тягчайшее бремя легким; оно дает силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высокой любви... В бою без самоотвержения обойтись немислимо... Никакое искусство не устраняет в последней инстанции необходимости и готовности жертвовать собою; только когда эта готовность есть, искусство значит, и очень много. Без нее же оно ничего не значит. Суворов был тем и велик, что эту последнюю инстанцию он, даже и в мирное время, держал как путеводный свет... Самоотвержение укрепляется в военном человеке преимущественно воспитанием» (М. Драгомиров).

Сила — совокупность физической, духовной и умственной энергии человека, необходимой для совершения действия или поступка; источник, начало, основная причина всякого действия; способность человека к духовной деятельности, к проявлению своих умственных и душевных свойств (воли, ума, характера); твердость духа; могущество, власть, авторитет; вооруженная организация людей, предназначенная для защиты Отечества; множество. «Из всех государственных сил первое место занимает войско» (Б. Чичерин). «Сила армий не в количестве войск, а в качестве их руководителей» (А. Резанов). «Цель мирного времени — подготовка, накопление, сбережение силы; цель военного времени — употребление накопленного» (М. Драгомиров).

Славолюбие — почетная известность (общественное мнение), похвальная молва как признание заслуг, таланта, доблести. Славолюбие, ориентируясь на вечность, позволяет жить духовно. Стремление обеспечить уважение извне к своей личности — движущая сила воинских добродетелей и высоких подвигов. «Что поле без солнца, то дух без похвалы»; «Во языцех оружию Российскому вековечная слава!» (А. Суворов).

Служение — самоотверженное занятие полезным для общества делом; искренняя жажда дела; служба не по найму, не по повинности (обязанности), а по долгу и совести. При таком отношении военное дело становится призванием, а войско — громадным военным монастырем, «где кристаллизуется алмаз высших военных доблестей» (А. Попов). «Истинною и живою опорой государства и государственной власти всегда были те люди, те слои и те группы, которые воспринимали общественное делание как сверхклассовое служение Родине, которые в этом служении видели долг чести и бремя ответственности» (И. Ильин).

Смелость — выражение отваги, бесстрашия, храбрости; решимость к преодолению препятствий. «Как бы мои силы малы ни были, но я, по возможности моей, всякое воинское дело смело на себя приму» (А. Суворов). «В бою бьет, кто упорнее и смелее, а не кто сильнее; претерпевший до конца спасен будет» (М. Драгомиров). «Смелость (отвага) города берет»; «Смелость силе (на силу) воевода»; «Смелый приступ не хуже (половина) победы», — гласят русские пословицы.

Совершенство (отличность) — полнота всех достоинств; высшая степень качеств; превосходство, безукоризненность, отличность, мастерство. Стремление к совершенству — необходимое условие существования армии, залог ее победоносности. «Во всяком ином деле

можно быть хорошим или посредственным, в военном же должно быть безусловно отличным» (М. Жуков).

Совесьть (совестливость) — внутреннее сознание добра и зла; «тайник души», в котором отзывается одобрение или осуждение какого-либо поступка; чувство, побуждающее к добру, истине, отвращающее от лжи и зла; сознание моральной ответственности за поведение перед собой и обществом; нравственные принципы, взгляды, убеждения; честность, добросовестность. Совесьть — важный регулятор поведения воина, обязанного служить не за страх, а за совесьть. «Совесьть моя, никогда не поврежденная» (А. Суворов). «Чтобы выработать в человеке прочное сознание долга, надо пробудить в нем совесьть» (Ф. Гершельман).

Сознательность — способность правильно понимать и оценивать обстановку; убежденность в истине и правильное ее понимание; обладание сознанием и разумом; принципиальность; чувство долга; «верный взгляд военный» (А. Суворов).

Справедливость — способность действовать беспристрастно, в соответствии с моральными нормами, истиной и требованиями законов; законность, правильность, верность. Борьба за справедливое, правое дело придает войску дух и мужество. «Стремление справедливости» (А. Суворов).

Стойкость — непоколебимость, упорство, твердость в словах, убеждениях и на деле; прочность, устойчивость, неспособность к разложению; готовность не отступать перед трудностями, длительное сохранение приобретенных свойств. Стойкость русских войск отмечалась во многих войнах и сражениях. Фридрих II о русском солдате говорил, что его недостаточно убить, чтобы сломить сопротивление, а надо еще и повалить.

Счастье — судьба, участь, доля, состояние полной удовлетворенности жизнью; чувство высшего довольства, радости; благополучие, благоденствие, жизнь без горя, смут и тревоги; успех, стремление к успеху, непобедимость. «Большое дарование в военном человеке есть счастье... Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был щастлив, потому что повелевал счастьем... Боже, даруй счастье (настоящее дело и возможность отличиться. — *Сост.*) вперед» (А. Суворов). «Всякое призвание, хорошо выполненное, дает счастье. Петр Великий первый добился того, чтобы Россия, наконец, имела счастливую армию, бесстрашие которой подтвердилось заслуженной гордостью» (М. Меншиков). «Главный долг военачальника — дать счастье своим солдатам» (А. Свечин).

Товарищество (братство, корпорация) — родственное по духу, глубоко дружественное содружество (единение) военнослужащих на основе ратного труда, чувства общности, взаимного доверия и уважения, взаимовыручки, солидарности и единоподушия. Военное братство поддерживается верой в Отечество, величием духа, сознанием чести и славы оружия, правым делом и его успешным осуществлением, непобедимостью (успехом). «Сам погибай, а товарища выручай» (А. Суворов). «Товарищество — одна из форм военного духа... Дружная работа порождает солидарность, без которой невозможно продуктивное служение общему делу. Товарищество должно царить в армии» (П. Измествьев). «Мы принадлежим к единому великому товариществу... Выручка своих во всех смыслах становится для солдата и для начальника святейшим законом... Товарищество серьезное достойное людей, себя уважающих, не только не исключает служебной требовательности, но предполагает ее» (М. Драгомиров).

Товариществом называются добрые взаимные отношения вместе живущих или работающих, основанные на доверии и самопожертвовании. Военное Товарищество доверяет душу, жертвует жизнью. На службе дружба желательна, Товарищество обязательно. Долг дружбы преклоняется перед долгом Товарищества. Долг Товарищества преклоняется перед долгом службы. Честь непреклонна, бесчестное во имя Товарищества остается бесчестным. Подчиненность не исключает взаимного Товарищества. Подвод Товарища под ответственность за свои поступки — измена Товариществу. Товарищество прав собственности не уменьшает. Отношения Товарищей должны выражать их взаимное уважение. Честь Товарищей нераздельна. Оскорбление своего Товарища — оскорбление Товарищества». (Эти 12 «заповедей» в 1913 г. были отпечатаны и разосланы Главным Управлением Военно-Учебных Заведений во все Кадетские Корпуса и Военные Училища для помещения на стенах.)

Традиции — исторически сложившиеся (устойчивые) и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды, вкусы; предания о боевых подвигах и победах армии (частей); все существенное, сохраняющееся из поколения в поколение; духовная связь с прошлым; остатки духа и характера собственных предков. «Традиция состоит из обычаев, взглядов, способа рассуждать и действовать, перенятого из времен славных подвигов собственных предков» (А. Ливен). «Традиции воинской чести, доблести и славы подвига играют в поддержании духа армии колоссальную роль» (Н. Краинский). «Именно в связи с своею обращенностью к прошлому армия более обращена к реальному будущему... В силу своей консервативности армия истинно прогрессивна» (Л. Карсавин).

Трудолюбие — любовь к воинскому труду, усердие в службе; напряжение умственных и физических сил в интересах совершенствования военного дела; отвращение к праздности и

лености. «Вашего Императорского Величества победительные войска прилежанием и трудолюбием генералов весьма исправны к дневным, как ночным баталиям и штурмам и готовы к увенчанию себя новыми лаврами»; «Содержать себя во всегдашней исправности, наблюдать свою должность в тонкость, жертвовать мнимым леностным успокоением истинному успокоению духа, состоящему в трудолюбивой охоте к военной службе, и заслужить тем самым бессмертную славу»; «Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение так же оживотворяет ее, как ежедневное движение укрепляет тело» (А. Суворов).

Ум (разум) — способность человека мыслить и верно отражать (познавать) действительность в представлениях, понятиях, суждениях и заключениях; сознание, здравый смысл, способность оценивать обстановку и взвешивать обстоятельства, руководствоваться этим в своем поведении. «Ум и разум являются могучими орудиями боевой силы... Военное искусство совершенно не свойственно народам диким, мало развитым в умственном отношении» (И. Маслов). «Ныне воюют не столько оружием, сколько умом... Слава военная и сила наши не пошли нам впрок, именно по узости мысли» (Ф. Достоевский). «Без головы — не ратник» (русская пословица).

Храбрость — мужество и решительность в поступках, умение преодолевать страх; смелость и отвага; дерзание, стремление к новому; доблесть. На медали за взятие в 1790 году Измаила стояла надпись: «За отменную храбрость». «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство. Чего ради не должно ли пещися единожды в нем полученное знание не токмо содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять» (А. Суворов). «А что в военном деле может быть презрительнее страха, который парализует и ум, и волю? ...Только того бьют, кто боится. Храброго Бог бережет» (М. Драгомиров).

Характер — совокупность основных психических свойств и особенностей человека, «свойств души и сердца» (В. Даль); направленность личности воина; твердость, сила воли, упорство в достижении цели. Военный характер необходимо воспитывать.

Честь — «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» (В. Даль); совокупность высших морально-этических принципов личности; почет, уважение. «Честь моя мне милее всего... Себя не унижить. Вы знаете меня, унижу ль я себя? Лучше голова долой, нежели что ни на есть утратить моей чести: смертями 500-ми научился смерти не бояцца. Верность и ревность моя к высочайшей службе основаны на моей чести» (А. Суворов). «Честь — выше всего; она сущность духовного организма армии» (П. Измествьев). «Отдание чести по-военному есть не игрушка и не потеха мелочного чьего-либо любочестия, но внешнее выражение того, что люди принадлежат к великому товариществу, назначение коего — полагать душу свою за други своя» (М. Драгомиров). «Высокое призвание армии требует особых забот об ограждении чести ее. В ней могут быть, как и везде, люди разных способностей, — но бесчестные, загрязненные нравственно нетерпимы» (А. Незнамов).

Честолюбие — искательство внешней чести, уважения, почета, почестей; страсть к чинам, отличиям, наградам, славе. «Доблестное честолюбие» является движущей силой развития армии и ее непобедимости в боях. Петр I, Екатерина II, все русские полководцы ставили честолюбие на одно из первых мест среди воинских добродетелей. «Мое доблестное честолюбие не в силах терпеть над собой никаких Древицев: мсье Древиц хвастает, что служил у пруссаков, а я хвастаю, что всегда колотил их» (А. Суворов). «Честолюбие играет видное значение на войне, когда каждый рассчитывает, что поступок его будет замечен...» (А. Зыков).

Честность (правдивость) — неспособность к лжи, бесчестным поступкам. Честность свойственна тому, «в ком есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда» (В. Даль). «Поступая как честный человек, остерегался я одного нравственного зла»; «И малая правда до конца светит, и великие дела криводушных не догорая гаснут» (А. Суворов).

Чистосердечность — открытость, искренность, откровенность, простодушие, доброжелательность, щедрость, прямодушие, а не криводушие. «От чиста сердца чисто зрят очи» (русская пословица). «Нужно иметь верно поставленную голову и честное сердце... Только честный человек достоин быть солдатом» (М. Драгомиров).

Энергия (энергичность) — способность производить работу или быть источником силы; способность активно действовать, трудиться с полным применением сил; постоянство, твердость, стойкость, выдержка, неутомимость, яростливость. Военный человек — это человек действия, энергии, силы воли, неистовой силы, рвения. «Важнейшим военным элементом является человек; важнейшим свойством человека — его нравственная энергия... Успех в бою требует весьма большой энергии, упорства и гибкости нравственной стороны в военном человеке; той энергии, которая не допускает сомнения тогда, когда, по-видимому, нет надежды даже и на спасение; того упорства, которое дает силу не отступаться от предположенной цели»

(М. Драгомиров). «Военная энергия представляет совокупность следующих душевных сил, которые могут входить в ее состав в различной степени и пропорции: мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, предприимчивость, дух почина, настойчивость, упорство, самообладание (спокойствие), способность увлекать других и прочие. Военная энергия обыкновенную энергию (настойчивость, силу воли) охватывает как одно из своих частных свойств. Просто «энергичный» человек может под влиянием опасности оплошать настолько, что не в состоянии будет приложить свою энергию, если он не обладает в то же время и мужеством» (В. Флуг).

Сила российской армии традиционно определялась духовными качествами личного состава. К их числу дореволюционная Военная энциклопедия относила: патриотизм и религиозность; мужество и храбрость до забвения опасности; воинственность; благородство (рыцарство); дисциплину (подчиненность, исполнительность, сознание своего долга перед престолом, церковью и Отечеством); самоотверженность (самопожертвование); веру в свои силы, в начальников и в свою военную среду (корпорацию); почин, самодеятельность; находчивость и решимость; бодрость; выносливость (труда, лишений и страданий) и другие.

В Своде военных постановлений Российской Империи отмечалась несколько иная система добродетелей: «Общие качества каждого лица, состоящего на службе по военному ведомству, и общие обязанности, которые должны быть всегда зеркалом всех его поступков, суть: 1) здравый рассудок, 2) добрая воля в отправлении порученного, 3) человеколюбие, 4) верность к службе Императорскому Величеству, 5) усердие к общему добру, 6) радение о должности, 7) честность, бескорыстие и воздержание от взяток, 8) правый и равный суд всякому состоянию, 9) покровительство невинному и оскорбленному...»

Русские военные мыслители обращали внимание и на воспитание таких элементов воинского духа, как способность преодолевать чувство самосохранения, сильная воля, твердость характера, храбрость, энергия, настойчивость, уверенность в себе, душевный подъем, стремительность, мужество, дисциплина, ясность сознания, хладнокровие, душевное равновесие, терпеливость, воодушевление, бодрость, готовность жертвовать собою для общего дела.

Эти и другие основополагающие качества образно и красиво представлены в следующих наставлениях **А.В. Суворова**.

Как военный человек, вникай прилежно в сочинения Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера. Будь знающ несколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, записки Цезаря, Фридриха II, первые тома истории Ролена и «Мечтания» Графа Сакса. Языки полезны для словесности. Учись понемногу танцам, верховой езде и фехтованию.

Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала, но оные должны быть руководимы порядком и дисциплиной, управляемы неусыпностью и прозорливостью.

Будь чистосердечен с друзьями, умерен в своих нуждах и бескорыстен в поведении. Являй искреннюю ревность к службе своему Государю, люби истинную славу, отличай любочестие от надменности и гордости, приучайся сызмальства прощать погрешности других и никогда не прощай их самому себе.

Обучай тщательно своих подчиненных и во всем подавай им пример. Упражняй непрестанно глаз свой — только так станешь великим полководцем. Умей пользоваться положением места. Будь терпелив в трудах военных, не унывай от неудач. Умей предупреждать случайные обстоятельства быстротой. Различай предметы истинные, сомнительные и ложные. Остерегайся безвременной запальчивости. Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благоразумием в своих военных действиях. Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается; знай, в чем он силен и в чем слаб. Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу. Счастье покоряй себе быстротою Цезаря, кой и средь бела дня умел своих неприятелей уловлять и окружать и нападал на них когда и где хотел. Не упускай пресекать неприятелям жизненные припасы, а своему войску учись всегда доставлять пропитания вдоволь. Да возвысит тебя Господь до геройских подвигов знаменитого Карачая! *(Письмо А.В. Суворова своему крестнику Александру Карачаю о том, каким должен быть военный человек. Июль 1793 г.)*

* * *

Достоинства генеральские:

1. Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Она — в содержании слова, в безлукавствии и осторожности, в безмщении.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Выше всего глазомер, то есть пользование положением места, трудолюбие, бдение и постижение...

3. Непрестанная та наука из чтений; с начала регулярта — курс Марсов; а для единственных 6-ти ордеров батальи — старинный Вигеций. По Русской войне мало описания, а прежнюю и последнюю Турецкие войны с великим затвержением эволюцев. Старинные ж, какие случатся. Монтекукули очень древен и много отмены соображать с нынешними правилами Турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюрен, маршал Де Сакс, Виларс, Катинат, какие есть переводы и тако ж поясняется текущую с французами войною. В ней много хороших правил, особливо к осадам! Стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, комментарии Кесарева и Квинтус Курциус — Александрия. Для возвышения духа старый Ролен... *(Письмо А.В. Суворова подполковнику И.О. Курису по случаю награждения последнего орденом Св. Георгия 3-й степени. 26 сентября 1793 г.)*

Герой, о котором я говорю, весьма смел без запальчивости; быстр без опрометчивости; деятелен без суетности; подчиняется без низости; начальствует без фанфаронства; побеждает без гордыни; ласков без коварства; тверд без упрямства; скромн без притворства; основателен без педантства; приятен без легкомыслия; единомравен без примесей; расторопен без лукавства; пронцателен без пронырства; искренен без панибратства; приветлив без околичностей; услужлив без корыстолюбия; решителен, убеждает неизвстности. Основательное рассуждение предпочитает он остроумию; будучи врагом зависти, ненависти и мщениа, низлагает своих недругов великодушием и владычествует над друзьями своею верностью. Он утомляет свое тело, дабы укрепить его; стыдливость и воздержание — закон его; он живет, как велит религия, его добродетели суть добродетели великих мужей. Исполненный чистосердечия гнушается он ложью; прямой душою, рушит замыслы двуличных; знаетса он только с добрыми людьми; честь и честность составляют его особенные качества; он любезен командиру своему и всему войску, все ему преданы и исполнены к нему доверенности. В день сражения или похода размеряет он все подлежащее, берет все нужные меры и вручает себя совершенно промыслу Вышнего. Он никогда не отдает себя на волю случая, но, напротив, покоряет себе все обстоятельства по причине прозорливости своей; он во всякий миг неутомим. *(Письмо А.В. Суворова П.Н. Скрипицыну. Октябрь -- ноябрь 1793 г.)*

ПРИЛОЖЕНИЕ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РУССКИХ ВОЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЯХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СЛОВАРЕ «ДУХОВНЫЕ КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА»

Баюев Алексей Константинович (1871–1935), генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. После 1919 г. — в эмиграции. Автор многих трудов по истории русского военного искусства.

Баланин Дмитрий Васильевич (1857 — после 1920), генерал от инфантерии. Военачальник и военный писатель. Участник Русско-турецкой и Первой мировой войн, с 1918 г. служил в Управлении Всеобщего Совета Советской республики.

Бутковский Николай Дмитриевич (1850 — после 1917), генерал от инфантерии. Автор популярных в армейской среде работ «Повести из современной офицерской жизни», «Наши солдаты. Типы мирного и военного времени» и др.

Геруа Александр Владимирович (1870 — после 1940), генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, после 1918 г. — в эмиграции. Автор трудов «К познанию Армии», «Полчища» и др.

Гершельман Федор Константинович (1853 — после 1916), генерал от кавалерии. Военачальник и известный военный писатель. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор трудов «Партизанская война», «Мысли о Японской войне», «Причины неурядицы на Кавказе» и др.

Даль Владимир Иванович (1801–1872), мичман. Участник боевых действий в кампаниях 1829, 1831 гг. Русский писатель, выдающийся лексикограф, этнограф, военный беллетрист, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка».

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант. Известный военачальник и военный писатель. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Один из лидеров Белого движения, главнокомандующий Добровольческой армией, Вооруженными силами Юга России (1918–1920). С 1920 г. — в эмиграции.

Дмитревский Антоний Михайлович (1868 — после 1919), полковник. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Автор многочисленных статей о духовном развитии командного состава и нижних чинов, воинском воспитании, военной психологии.

Жуков Матвей Иванович, командир Рижского губернского батальона в 1883–1886 гг.

Зыков А.С. (1871–1916), полковник. Военный писатель. Автор известного труда «Как и чем управляются люди» (1898), других работ в области военной психологии и педагогики.

Известьев Петр Иванович (1873–1925), генерал-майор. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После 1918 г. — на преподавательской работе в учебных заведениях Красной армии. Автор многочисленных работ в области военной педагогики и психологии.

Ильин Иван Александрович (1883–1954). Крупный философ, правовед, мыслитель. Убежденный государственный, теоретик монархизма, идеолог Белого движения. Всегда был духовно связан с русским воинством.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826). Выдающийся историк, автор классического многотомного труда «История государства Российского».

Карсавин Лев Платонович (1882–1952). Крупный философ. С 1922 г. — в эмиграции. Автор классического труда «Философия истории» и многих других.

Керсновский Антон Антонович (1905–1944). Уникальный военный писатель. В рядах Российской армии не служил. После 1920 г. — в эмиграции. Автор известного четырехтомного труда «История Русской Армии».

Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919), генерал-майор по адмиралтейству. Крупный историк и теоретик военно-морского искусства. Автор таких работ, как «Организация морской силы», «История военно-морского искусства», «Стратегия» и др.

Колесников Николай Владимирович (1882–1937), полковник. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Военный писатель, автор научно-популярных трудов, беллетрист. Редактор белогвардейской газеты «Русская Армия». После 1922 г. — в эмиграции, где создал и редактировал газету «Россия» и журнал «Армия и Флот». Ввел понятие «стратегия духа», которым обозначал искусство «воспитания души» воинов, а также науку о ведении идеологической и информационной борьбы.

Краинский Николай Васильевич (1869 — после 1943). Крупный врач-психиатр, ученый. Добровольно участвовал в Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войнах (в последней — на стороне белых). После 1920 г. — в эмиграции. Автор ряда работ по военной психологии.

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), генерал-фельдмаршал. Великий русский полководец суворовской школы, главнокомандующий русской армией в Отечественную войну 1812 г.

Ливен Александр Александрович (1860–1914), вице-адмирал. Видный деятель русского флота, военно-морской писатель. Участник обороны Порт-Артура. Один из инициаторов создания Морского Генерального штаба.

Макаров Степан Осипович (1849–1904), вице-адмирал. Флотоводец и ученый. Участник Русско-турецкой и Русско-японской войн. Совершил два кругосветных плавания. Автор свыше 50 научных работ и многих изобретений.

Маслов Игнатий Петрович (1840–?), генерал-лейтенант. Военачальник и военный писатель. Один из основоположников русской военной психологии, автор известного труда «Научные исследования по тактике» (1896), часть которого посвящена «анализу нравственных сил бойца».

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), штабс-капитан. С 1892 г. — в отставке. Один из крупнейших русских публицистов, ведущий сотрудник самой большой и влиятельной дореволюционной газеты «Новое Время». В творчестве большое внимание уделял вопросам армии и флота, обороноспособности государства.

Месснер Евгений Эдуардович (1891–1974), полковник. Военный писатель. Участник Первой мировой войны, Белого движения на юге России. С 1920 г. — в эмиграции. В своих оригинальных трудах выдвинул идеи профессиональной армии, «мятежницы» — как преобладающего типа вооруженных конфликтов второй половины XX века.

Незнамов Александр Александрович (1872–1928), генерал-майор. Военачальник, ученый. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. С 1918 г. — в Красной Армии, в основном на преподавательской работе. Автор множества трудов по военному искусству, военной истории.

Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии. Известный военно-государственный деятель, военный ученый и писатель. Начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета.

Пестель Павел Иванович (1793–1926), полковник. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Один из организаторов движения декабристов, основатель Южного общества. Автор программной работы «Русская правда».

Петр I Великий (Петр Алексеевич Романов) (1672–1725). Первый российский император, выдающийся государственный деятель и полководец, создатель регулярных армии и флота России.

Попов Александр Григорьевич (1884–1968), генерал-майор. Военный юрист, писатель. После 1920 г. — в эмиграции, директор 1-го Русского кадетского корпуса в Белой Церкви (Югославия). После Второй мировой войны жил в США.

Резанов Александр Семенович (1878–?), полковник. Военный юрист и писатель. Активный сторонник развития военной психологии. Автор труда «Армия и толпа», других работ.

Риттих Александр Федорович (1831 — после 1916), генерал-лейтенант. Известный военный писатель, автор работ по вопросам военной статистики, военного быта, а также этнографии России и славянских народов.

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826), прапорщик. Участник заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Один из руководителей Северного общества декабристов и восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., поэт. Казнен в числе пяти главных участников выступления.

Свечин Александр Андреевич (1878–1938), генерал-майор, комдив. Выдающийся военный писатель. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Автор классических работ «Стратегия», «Эволюция военного искусства», других, а также многочисленных статей в военной печати.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал от инфантерии. Один из легендарнейших военачальников русской армии, продолжатель суворовских традиций в военном искусстве. Ярko проявил себя в борьбе за утверждение российской государственности в Средней Азии, а также в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Сурнин Александр Александрович (1877–?), генерал-майор. Участник Русско-японской, Первой мировой войн, Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке.

Флуз Василий Егорович (1860–1955), генерал от инфантерии. Военачальник и военный писатель. Участник Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войн (в белых армиях на юге и востоке России), после 1920 г. — в эмиграции.

Чарнецкий Сигизмунд-Август-Александр Емельянович, капитан. Составитель книги «История 179-го Усть-Двинского полка 1711–1811–1911».

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904). Крупный философ, историк, правовед. Один из основоположников русской политологии.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И ИНОСТРАННЫХ ТЕРМИНОВ

Абшид — увольнение от должности, отпуск.

Бастион — выдающаяся часть крепостной ограды; укрепление.

Батальный огонь — беглый частый огонь.

Богадельня — больница, госпиталь.

Вагенбург — боевое расположение обоза как на месте, так и в движении.

Вахт-парад — учение разводное.

Гауптвахт — главный караул.

Генерал-аншеф — полный генеральский чин, следующий за генерал-поручиком.

Гласис — пологая насыпь, непосредственно примыкающая к наружному краю рва крепости.

Гренадеры — род пехоты, имевшей на вооружении гранаты.

Гултяи — беглецы, дезертиры.

Дебушировать — выходить из узкого места (леса, горных проходов) на свободное пространство.

Деплояда — развертывание войск.

Деташемент — отряд.

Дефензив — оборона.

Дивизион — подразделение батальона; делилось на четыре plutонга.

Диспозиция — письменно изложенный план боя с указанием расположения войск в боевом порядке и задач.

Инфлюенция — влияние.

Иррупция — вторжение, набег, нашествие.

Карачун — смерть.

Каре — построение пехоты четырехугольником для отражения атаки (у Суворова — для наступления).

Контрэскарп — передняя крутость рва (ближайшая к противнику).

Концепт — замысел.

Конфирмация — утверждение.

Конфузия — стыд, позор; замешательство, поражение.

Корволант — легкий корпус; подвижный отряд, предназначенный для быстрых самостоятельных действий.

Куртина — участок крепостной ограды между двумя бастионами.

Мерсинер — наемник.

Обер-офицеры — младшие офицеры от прапорщика до капитана включительно.

Ордер — приказ, предписание.

Офензив — наступление.

Палисад — заграждение из вбитых в землю заостренных сверху бревен.

Перипатетик — прогуливающийся; изучающий философию во время прогулок.

Плутонг — подразделение, на которые делилась рота для производства залповой стрельбы.

Подвиг — выдвигание.

Преторианцы — привилегированные войска, служившие в имперском Риме опорой режима личной власти

Разврат — волнение, мятеж (в терминологии Суворова).

Редут — сомкнутое полевое укрепление (круглое, прямоугольное, квадратное).

Реляция — письменное донесение командира о положении или боевых действиях своих войск; описание боевых подвигов при представлении к награде.

Ретирада — отступление.

Ретраншемент — большое полевое укрепление разнообразного вида и степени развития; окоп.

Сикурс — помощь, поддержка.

Субалтерн-офицер — младший офицер в роте, эскадроне.

Субординация — система служебного подчинения, основанная на правилах дисциплины.

Субсистенция — военные припасы, довольствие армии.

Шанцы — полевые укрепления, окопы.

Штаб-офицеры — старшие офицеры от майора до полковника включительно.

Эволюции — перестроения, маневры, тактические учения войск.

Экзерциция — строевое учение, обучение войск.

Литература

Военная библиотека. Том второй. – СПб., 1871.

Военное красноречие, основанное на общих началах словесности. С присовокуплением примеров в разных родах оного. Сочинение ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета Якова Толмачева. Часть вторая. – СПб., 1825.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. – М.: Терра, 1995.

Драгомиров М.И. Четырнадцать лет. 1881–1894. Сборник оригинальных и переводных статей/ Бесплатное приложение к журналу «Разведчик» за 1895 г. – СПб., 1895.

Драгомиров М.И. Одиннадцать лет. 1895–1905. Сборник оригинальных и переводных статей. Кн. I, II.– СПб., 1909.

Масловский С. Суворов // Русский Биографический Словарь. Суворов–Ткачев. Издание Императорского Русского Исторического Общества. – СПб., 1912.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 21-е, перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1980.

Основные понятия о нравственности, праве и общежитии. – СПб., 1889.

Петрушевский А.Ф. Генералиссимус Князь Суворов. Т. 1–3. – СПб., 1884.

Пикуль В.С. Честь имею. Миниатюры / Сост. А. Пикуль.– М.: Вече, АСТ, 2000.

Суворов А.В. Документы /Сост. З.М. Новикова. Под ред. Г.П. Мещерякова. Т. I–IV.– М.: Воениздат, 1949–1953.

Суворов А.В. Письма /Издание подготовил В.С. Лопатин. – М.: Наука, 1986.

Словарь современного русского языка. Т.1–17. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948–1965.

Тактика в трудах военных классиков. А.Суворов, М.Драгомиров, Г.Леер. Том второй /Сост. С.Лукирский, М.Бонч-Бруевич, П.Измestьев. – М.–Л.: Госвоениздат, 1926.

Учебник тактики / Составил М.И. Драгомиров.– СПб., 1879.